

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

Кожуховская Анастасия Анатольевна

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ БИОМЕДИЦИНЫ:
ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

5.7.1 – Онтология и теория познания

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Рыбин Владимир Александрович

Челябинск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	17
1.1 Концептуальные предпосылки онтогносеологического анализа	18
1.2 Биомедицина как предмет научной концептуализации: казус биоэтики	56
Глава 2. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА БИОМЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ.....	89
2.1 Онтоантропология биомедицины: историко-генетический контекст	90
2.2 Онтоантропологическая интерпретация феномена биомедицины в контексте новейшей современности	130
Заключение.....	154
Список использованных источников и литературы.....	156

Введение

Актуальность темы исследования.

Современный научно-технический прогресс представляет собой парадоксальное сочетание несомненных достижений и благ, создаваемых «техногенной цивилизацией» (В.С. Стёпин), со столь же несомненными угрозами и рисками, опасность которых возрастает по ходу ее дальнейшего развития. Во второй половине XX века их проявлением была атомная угроза, в последние его десятилетия — проблемы экологии, в начале XXI века все более острыми становятся проблемы, порожденные прогрессом биологии и медицины.

Достижения биологической науки, клинической медицины, фармакологии, психологии и всех научных направлений в сфере диагностики и лечения человека, всё более интенсивно внедряются в практику: трансплантация и создание искусственных органов и тканей, новые репродуктивные технологии и практики оживления, генетическое манипулирование и персонализированная геномная терапия и т.д. При этом медицинские воздействия все чаще переходят на новый уровень: если лечебные манипуляции в «классическом» варианте осуществлялись в основном как воздействие на организм отдельного человека при четкой фиксации границ между «можно» и «нельзя» по отношению к нему, то сегодня, когда связь между актом воздействия и его результатом зачастую размывается (как это, например, происходит при манипуляциях с геномным материалом), когда предметом воздействия оказывается вся человеческая популяция, а его эффекты становятся труднопредсказуемыми, прежние границы, равно как и конституирующие их принципы, демонстрируют свою неработоспособность. В целом биомедицинские технологии прогрессируют, всё больше уходя из сферы четкой фиксации, ускользая от учета и оценки. В целом это означает, что в социокультурной реальности конца XX и начала XXI веков сформировался и наряду с классической медициной всё более активно функционирует

биомедицина — новый социальный институт, связанный с воздействием на биологическую природу человека уже за рамками тех медико-антропологических стандартов, которые прежде рассматривались как безусловно данные и не требующие систематической рефлексии.

Сегодня эти стандарты «поплыли», о чем свидетельствует не только сдвиг в медицинской этике, где на место клятвы Гиппократовы внедряются установки биоэтики, обладающие больше юридической, чем моральной значимостью, но и такие факты, как легализация в некоторых странах эвтаназии, однополых браков, наркотиков, манипуляций по смене половой идентичности, а также иные аналогичные прецеденты, указывающие на изменение статуса человека не только в масштабах медицины, но и всей культуры. При отсутствии четких критериев, отделяющих те биомедицинские технологии, которые положительно воздействуют на человека, от тех, которые являются опасными или сомнительными в плане последствий, подобная практика способна нести в себе разрушительный потенциал¹. Наиболее наглядным примером такого рода тенденций является проект *транс-гуманизм*, основанный на истолковании сущности человека *за границей* всех тех характеристик, которые до сих пор рассматривались как естественные, стабильные и нормальные².

Таким образом, биомедицина — это феномен, указывающий на возникновение принципиально новой антропологической ситуации, которая, обладая фундаментальной, онтологической значимостью, требует всесторонней философской рефлексии с выходом на выводы как теоретического, так и практического порядка, особенно в плане выработки установок и нормативов, способных придать всему комплексу направленных на человека биомедицинских воздействий осознанный, регулируемый, гуманный характер.

Степень разработанности темы исследования

¹ См.: Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001.

² Рыбин В.А. Трансгуманизм // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 78.

Весь накопленный в отношении биомедицины материал целесообразно рассмотреть как совокупность различных аспектов единой антропологически ориентированной практики, сгруппировав его в ряд подходов. Следует подчеркнуть, что биомедицина рассматривается тут как сфера, по отношению к которой некоторые непроясненные проблемы, связанные с внедрением в организм человека (взаимодействие мозга и компьютера, сущность искусственного интеллекта и т.д.), выглядят решаемыми лишь в том случае, если предварительно будет найдено решение проблем биомедицины, уже практикующей подобные воздействия.

Медицинский подход наиболее значим в практическом отношении, поскольку биомедицина используется для целей диагностики, лечения и профилактики заболеваний человека и в этом отношении становится в один ряд с клинической медициной, которая на современном этапе все больше сосредоточивается на конкретном индивиде (Б.Г. Юдин), вплоть до генетического уровня, как утверждают сами медицинские специалисты (К. Гонсалвес, С.В. Готье, В. Жаров, К. Лоренсин, А. Мелерзанов, А. Москалев, Л. Наир, К. Хальберштадт). Несмотря на эффективность этих методик, теоретизирующие медики выражают тревогу по их поводу, поскольку эти нововведения зачастую приходят в противоречие со сложившимися принципами профессиональной этики, общепринятой морали и даже социальной целесообразности (А.В. Алекберзаде, Ю.М. Барашнев, Т.А. Душенкова, Н.Н. Крылов, В.И. Кулаков, В.Е. Мирский). Разработка биологического оружия является непосредственной угрозой жизни человечества (V.Menachery, B.Yount, K.Debbink). Сами медики (как правило, квалифицированные и даже выдающиеся специалисты в своей сфере) признают, что новая ситуация уже не соответствует медицине середины и второй половины XX века, а прежние классические стандарты перестают обслуживать практику (Н.А. Жаркин, С.В. Рищук, Т.Г. Семихова). Как следствие, почти каждое очередное нововведение приходится регламентировать особо, причем на разных уровнях, от административного до

законодательного. Подобное положение свидетельствует, что в рамках профессионального медицинского подхода не формируется целостного взгляда на связанную с биомедициной ситуацию, следовательно, не достигается необходимого – создающего возможность регулировать практику – уровня теоретической рефлексии.

Биоэтический подход. Биоэтика, как утверждают теоретики, работающие в данной области, представляет собой этап совершенствования классической медицинской этики (Н.Н. Седова, П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин и др.). Данный подход к анализу проблем биомедицины является наиболее распространенным, особенно среди зарубежных исследователей (M. Brown, J. Kohen, Z. Master, D. Resnik). Основным исследовательским приемом здесь считается экспертная оценка биомедицинских нововведений, включая рассмотрение возможных негативных последствий их применения (Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков, Б.Г. Юдин).

В качестве социального института биоэтика существует уже несколько десятилетий, но, как признают даже ее представители (Ю.Л. Шевченко и др.), она до сих пор ограничивается фиксацией и описанием конкретных прецедентов, причем, зачастую делает это «по факту», когда новый прием уже вошел в практику, и экспертам от биоэтики, призванным вырабатывать соответствующие регулятивы, остается лишь резюмировать утвердившееся положение вещей (Ф. Фукуяма). В этом случае позиция представителей биоэтического подхода оказывается следствием более весомой позиции администраторов, ученых или медиков, которые, как было показано выше, сами не обладают достаточно обоснованной системой взглядов на ситуацию. Следует заключить, что осмысление проблем биомедицины в рамках биоэтического подхода также не достигает необходимого рефлексивного уровня.

Юридический подход представляет значительный интерес, поскольку медицинская деятельность во всех странах сегодня регламентируется на законодательном уровне, в том числе в РФ, где принят такой термин как

«биомедицинское право». Однако в современной России ещё не сложилась эффективная система защиты частных прав в сфере медицины (А.П. Фоков), тогда как уровень достижений в биомедицинской науке вполне достаточен для радикальной трансформации человеческого организма (Г.Б. Романовский, О.В. Романовская).

В качестве противодействия возможным здесь крайностям предлагается усовершенствовать законодательную базу, отделив допустимые и надлежащие действия в сфере биомедицины, от недопустимых и запрещенных. Но поставленная подобным образом задача не имеет решения в рамках самого юридического подхода, ибо критерии требуемой оценки находятся за его пределами. Необходимо целостное и в то же время более конкретное понимание проблемы, при отсутствии которого все законодательные акты будут лишь сопровождать стихийно складывающуюся практику, как это и происходит сегодня.

Таким образом, профессиональные подходы к феномену биомедицины не дают решения возникающих проблем, в лучшем случае они подробно описывают их с той или другой точки зрения.

Философский подход. Специальных работ философского плана, посвященных биомедицине, немного, поскольку она либо рассматривается в контексте какого-то конкретного аспекта, например, в плане воздействия на телесность человека (В.А. Подорога, О.В. Попова), на его генетику (Е.Н. Гнатик), на социальные последствия бесконтрольного внедрения (И.А. Бирич, В.П. Веряскина, В.М. Князев и др.), либо, по большей части, обсуждается в дискурсе биоэтики (фактически это все зарубежные работы, среди отечественных следует выделить таких авторов, как Ф.Г. Майленова, И.В. Силуянова, П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин и др.). В то же время важно отметить отличие: на Западе используется исключительно аппарат биоэтики (Т. Murphy, R. Est, Y. Van Den Ede), тогда как в русскоязычных работах прослеживается стремление вписать биомедицину в более обширный социокультурный контекст (Р.Р. Белялетдинов, Е.Н. Гнатик, В.С. Степин,

К.В. Храмова и др.), и даже связать ее возникновение с формированием принципиально новой медицинской парадигмы (Е.Г. Гребенщикова, Е.Л. Панова).

Часть философов акцентирует внимание на радикальном изменении прежнего соотношения между природой и культурой (Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, В.А. Кутырев, А.С. Нариньяни, М.К. Петров), на неизбежном сегодня доминировании искусственного над естественным (Е.В. Мареева, А.П. Назаретян, А.Н. Павленко и др.), на возрастающей трансформации жизненного мира человека под воздействием цивилизационного прогресса (В.А. Лекторский, Е.В. Петрова, Ю.В. Синеокая, И.В. Черникова и др.), вплоть до слияния его с техникой и растворения в техносфере (Л.Е. Моторина, В.М. Сытник и др.). В некоторых работах проблемы биомедицины рассматриваются в свете евгеники (И.К. Лисеев, И.Т. Фролов, Ю.В. Хен и др.), которую тоже можно рассматривать как исторический вариант биомедицины: если в прошлом «улучшать» человеческую природу пытались путем селекции и скрещивания, то сегодня речь идет о генетической инженерии, о манипуляциях на молекулярно-клеточном уровне.

Все эти положения обладают одним общим свойством: они не переходят в практическую плоскость: необходимость регуляции биомедицинской практики провозглашается, но остается без должной конкретизации. Подобное положение не способствует углублению в проблему, поскольку создает впечатление, что трансформация организма человека уже предопределена, что биомедицина создает «основание для наступления биотехнологической постистории» (О.В. Попова).

Завершая обзор философского подхода к феномену биомедицины, следует отметить, что при всем многообразии привлекаемого материала уровень обобщений остается здесь на описательной стадии. Это редуцирует познавательный процесс до пассивного наблюдения за стихийно протекающей технизацией человеческого бытия, вплоть до самых катастрофических последствий, которые освещены не только в специальной, но и

в художественной литературе (антиутопии XX века: О. Хаксли, Е. Замятин, братья Стругацкие и др.).

Из анализа всех рассмотренных подходов следует ряд выводов. Во-первых, раскрывая какой-то отдельный аспект всего комплекса проблем, связанных с феноменом биомедицины, они не дают целостного видения, показателем чего является отсутствие и практических решений, и предпосылок для их выработки. Во-вторых, поскольку философия — единственная из обладающих научным статусом дисциплин, способная свести все многообразие антропологически значимого опыта в единое теоретическое поле, продолжать познавательный процесс в данной сфере надо постепенно, последовательно повышая уровень философской концептуализации. В-третьих, главной задачей первого из этапов этого процесса является введение строгой упорядоченности в исследуемую проблематику с одновременным формированием четких теоретико-методологических ориентиров.

Объект исследования: социальная реальность современной постнеклассической эпохи в ее научно-техническом, медико-биологическом и личностно-антропологическом аспектах, наиболее полным выражением интегративного взаимодействия которых выступает феномен биомедицины.

Предмет исследования: феномен биомедицины в его философско-онтологической и теоретико-познавательной специфике.

Цель исследования: средствами философии, в рамках онтологии и теории познания выявить социальные основания и определить сущность феномена биомедицины, чтобы на этой основе раскрыть содержание и перспективы текущих и предстоящих возможных социальных и антропологических трансформаций.

Исследование предполагает постепенное восхождение от абстрактного к конкретному при последовательном теоретическом продвижении от описания внешних проявлений исследуемого феномена к всё более масштабному, интегративно-целостному постижению обозначенной проблемы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1. Осуществить сведение всех наличных подходов к истолкованию феномена биомедицины в однородное с философской и научной точки зрения исследовательское поле с выделением наиболее значимых в познавательном отношении концепций.
2. Продемонстрировать познавательную неполноту функционирующих в современном общетеоретическом и профессионально-практическом дискурсе вариантов концептуализации феномена биомедицины с указанием истоков подобной ограниченности.
3. Провести развернутый историко-генетический анализ основных этапов теоретико-практического отношения к человеку в контексте исторического развития новоевропейского социума с акцентом на медико-антропологических аспектах этого процесса, осветив философские, социальные, мировоззренческие и практические предпосылки формирования биомедицины в контексте новейшей современности.
4. Выработать интегративное (философско-научно-социально-антропологическое) видение текущего исторического момента и на этой основе осуществить философскую концептуализацию перспектив дальнейшего развития общечеловеческого социума, науки и человека.

Методология и методы исследования.

Главной предпосылкой проводимого философского анализа феномена биомедицины является выявление наиболее фундаментальных, онтологически значимых аспектов современной антропологической ситуации, философских и общенаучных характеристик ее познания, а вместе с этим и определение тех исторически специфичных способов постижения сущности человека и его положения в мире, которые обозначились как в специальной медико-биологической сфере, так и в более обширном пространстве открывающейся ему совокупной реальности. Надо «взять человека во всех для него существенных связях и отношениях к миру, выявить все его качества и

характеристики, в которых он в каждой из этих связей и отношений выступает»³. Наиболее адекватной для разработки определившейся подобным образом *онтологии человеческого бытия в ее специфически биомедицинском преломлении* выглядит *историко-генетическая методология*, дополненная более конкретными теоретико-познавательными подходами.

Ключевым понятием для представленного исследования является *человекоразмерность* (М.К. Петров, В.С. Степин и др.), указывающая на актуальность учета человеческого фактора средствами философии по всем параметрам современной реальности, включая и науку в совокупности ее теоретико-познавательных аспектов, и определяемые ею сдвиги в различных сферах практики, и те трансформации, которым человеческий индивид может быть подвергнут в ближайшей перспективе под воздействием биомедицинских технологий.

В качестве теоретических оснований проводимого исследования наибольший интерес представляют те работы отечественных и зарубежных теоретиков, в которых рассмотрение проблемы биомедицины проводится синтезирующим образом — как сочетание философских и научно-теоретических подходов — с одной стороны, и медико-антропологических и сугубо профессиональных аспектов — с другой (Б.Г. Юдин, Н.Н. Трубников, Ф.Т. Михайлов, В.А. Рыбин, Ф. Фукуяма).

В качестве методологического ориентира важную роль играют разработки В.С. Степина в сфере философии науки, особенно его классификация парадигм научного познания (классика, неклассика, постнеклассика), а также историко-генетический подход к проблеме человека, разработанный в рамках отечественной (И.С. Кон, М.К. Петров, С.Л. Рубинштейн) и зарубежной философской теории (Р. Гвардини).

Положения, выносимые на защиту:

1. Представленные сегодня в философском, научном и медико-практическом дискурсе подходы к феномену современной биомедицины, не

³ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 359.

обладают достаточным эвристическим потенциалом для продуктивного решения возникающих в ее практике проблем, поскольку эти подходы остаются ограниченными, далеко не в полной мере характеризующими специфику текущего исторического момента в плане достигнутого научно-технического уровня, особенно в сфере биологии и медицины.

2. Ограниченность обозначенных подходов обусловлена их ориентацией либо на классическую науку с характерным для нее полным исключением специфически человеческого фактора из состава бытия и практикуемых при этом подходов, либо на неклассическую науку со свойственной ей внеисторической интерпретацией человека (как это наглядно демонстрирует пример биоэтики), что и делает их неадекватными новейшей, постнеклассической онтоантропологической ситуации, где фактор человека выходит на первый план.

3. Историко-философское рассмотрение основных вариантов трансформации образа человека на протяжении трех основных этапов новоевропейской культуры (классика, неклассика, постнеклассика), дополненное медико-антропологической интерпретацией этого процесса, создает его объемное онтоантропологическое видение и позволяет сделать вывод, что на всех этих этапах человек рассматривался и продолжает рассматриваться как техническое устройство разной степени сложности, в перспективе средствами биомедицины доступное полной редукции до человека-робота согласно логике трансгуманизма.

4. Для предотвращения подобной перспективы необходима радикальная перефокусировка философской оптики, предполагающая интеграцию философских, общенаучных и практически ориентированных методов познания с целью обновления способов теоретической концептуализации человека для выработки практически действенных альтернатив обозначенным выше антропологически деструктивным тенденциям и сохранения морфологической неизменности человека в контексте интенсивно трансформирующейся постнеклассической реальности.

Научная новизна определяется рассмотрением феномена биомедицины в качестве предмета теоретического познания, не получившего еще должной оценки с точки зрения философии в сочетании её онтологических и теоретико-познавательных аспектов. Наиболее существенные научные результаты, полученные в данной работе, резюмируются в следующих положениях:

1. Биомедицина рассмотрена одновременно и как свидетельство успехов научно-технического прогресса, и как возможная угроза биологическому статусу человека (проект трансгуманизма), что обусловлено отсутствием адекватной философской концептуализации биомедицины в качестве одного из важнейших достижений современной науки и техники.
2. Продемонстрирована обусловленность данного обстоятельства спецификой тех сложившихся в философском и общетеоретическом познании методологических подходов к истолкованию сущности человека, которые в контексте текущей ситуации демонстрируют недостаточную продуктивность, прежде всего в плане выработки практически эффективных регулятивов.
3. Выработана системная — объединяющая философские, общенаучные и медико-практические аспекты — классификационная схема, обогащающая философский потенциал в сфере онтологии, гносеологии и эпистемологии и тем самым вносящая оригинальный вклад в осуществляемый философией процесс интеграции фундаментальных и прикладных наук с перспективой их дальнейшего совершенствования.
4. Обоснована необходимость формирования единой науки о человеке с опорой на интеграцию новейших достижений как в сфере философии и научно-теоретического познания, так и в области биомедицинской практики; обозначены некоторые её базисные характеристики.

Диссертация соответствует специальности 5.7.1. Онтология и теория познания, т.к. область исследования соответствует пунктам 2, 3, 10, 30, 50, 53, 59 паспорта специальности.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что использованные в ходе философско-онтологического и теоретико-

познавательного рассмотрения феномена биомедицины методологические и познавательные приемы и подходы создают возможность рефлексивно-обоснованным образом охарактеризовать как недостатки существующих вариантов её концептуализации, так и установить онтологические, эпистемологические и гносеологические принципы выработки более совершенного, адекватного сложности проблемы концепта, а на этой основе сформулировать нормативные регулятивы сохранения эволюционно сложившегося образа человека в условиях интенсивно трансгрессирующего научно-технического прогресса. В развернутом виде данный вывод обосновывается в следующих положениях:

1. Теоретическая концептуализация феномена биомедицины в современном философском, общенаучном и медико-биологическом познании существенно отстает от запросов биомедицинской практики, что обретает наглядное выражение в теоретико-практических подходах биоэтики.
2. Онтогносеологический анализ феномена биомедицины, осуществленный в междисциплинарном (философском, научном и специально-медицинском) контексте, создает перспективу её интегративного истолкования, которое, с одной стороны, выступает как адекватное специфике современной ситуации, а с другой стороны, позволяет избежать угроз, связанных с возможностью поспешного, недостаточно продуманного внедрения некоторых достижений биомедицинской науки в практику.
3. Проведенный онтогносеологический анализ феномена биомедицины представляет собой вклад в разработку единой науки о человеке в качестве философски и методологически обоснованного концепта.

Практическая значимость исследования заключается в раскрытии истоков социально и антропологически деструктивных тенденций, обострившихся в текущей постнеклассической реальности в связи с угрозой бесконтрольного достижения научно-технических достижений в практику, а на этой основе — в выработке философски обоснованных и практически действенных альтернатив этим угрозам. В свою очередь, обобщения и выводы,

вытекающие из содержания исследования, создают теоретико-методологическую основу для последующих разработок по самым разным направлениям философского и общенаучного познания.

Степень достоверности полученных результатов исследования достигается последовательным философско-теоретическим анализом рассмотренной в междисциплинарном контексте проблемы при использовании исходно обозначенной и адекватной поставленным задачам методологии, а также соотносением полученных теоретических результатов с прикладными аспектами и практически значимыми выводами.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования представлены в качестве докладов на XXII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, 21-23 марта 2019 г.), на VIII Международной научной конференции «Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира» (Челябинский государственный университет, г. Челябинск, 22 октября 2021 г.), на XIII Международной научной конференции «Мировоззренческие основания культуры современной России» (МГТУ им.Г.И. Носова, г. Магнитогорск, 19-20 мая 2022г.), а также на IX Международной научной конференции «Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира» (Челябинский государственный университет, г. Челябинск, 18 ноября 2022 г.).

Публикации по теме диссертации

По теме диссертации опубликовано 13 работ, в том числе 3 статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ, 2 статьи в прочих научных журналах, 8 публикации в сборниках материалов всероссийской с международным участием и международных научной и научно-практических конференций.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 193 наименований, из них 19 на иностранном языке.

С учетом обозначенных целей и задач исследования структура диссертации оформлена в логике продвижения от обобщения наличных, сложившихся взглядов на проблему к ее углубленной, конкретизированной, сущностной концептуализации в следующей последовательности:

1. Выстраивание общефилософских и методологических параметров исследования, предполагающее анализ и отбор теоретико-практических подходов к проблеме биомедицинских технологий и биомедицины в целом — преимущественно гносеологический аспект работы (Глава 1).
2. Исторически конкретное рассмотрение феномена биомедицины средствами философии, предполагающее систематизацию знаний о сущности и бытийном статусе человека в контексте общеисторического развития культуры с истолкованием вытекающих отсюда перспектив ее дальнейшего развития — преимущественно онтологический аспект работы. (Глава 2).

ГЛАВА 1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Осуществить онтогносеологический анализ современной биомедицины означает выработать философский концепт данного феномена, то есть сформулировать «идею», выражающую единство теоретических и практических аспектов этого специфического варианта медицинской деятельности. Предстоящее исследование является философским, и потому слова профессионального философа, уже много лет работающего в медицине, и могут служить напутствием для начала работы: «Философ не тот, кто ловко жонглирует ответами, полученными гениями мировой философии, а тот, кто практически, при выполнении сверхсложной и ответственной работы, решает вечные и неразрешимые вопросы. Неразрешимые в силу того, что истина конкретна и живет в бегущем времени истории до того момента, когда появится новая в свое конкретности истина. Знание истины не есть застывшее в догмате знание, а есть живое, творческое движение мысли от незнания к знанию относительной истины, от относительной истины к объективной истине конкретно-исторического времени. А далее уже слышны зовы грядущего времени»⁴.

Поскольку, как было показано во введении работы, наличный уровень понимания проблемы до сих пор остается размытым, страдает неопределенностью, требуется предварительное выстраивание параметров проводимого исследования. Первым этапом в данном направлении является определение предпосылок совершенствования дальнейшего познавательного процесса, формулировка исходных ориентиров подобного перехода.

⁴ Князев В.М., Белкин А.В. Нейронаука о будущем человеческой природы // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 103.

1. 1. Концептуальные предпосылки онтогносеологического анализа

Во введении, излагающем степень разработанности проблемы, были рассмотрены наиболее распространенные подходы к феномену биомедицины, а именно медицинский, биоэтический, юридический и философский. По результатам предварительной оценки все их можно считать односторонними, поскольку все они отнюдь не разрешают углубляющиеся в практике противоречия, а напротив, порождает новые. В лучшем случае эти подходы подробно описывают возникающие проблемы с той или другой точки зрения. Подобную критическую оценку следует отнести и к философскому подходу, несмотря на то, что проблема биомедицины в его рамках подвергается углубленной концептуализации. Поэтому есть смысл вернуться на исходные позиции и сделать новую попытку внести упорядоченность в тот конгломерат подходов, выводов, рекомендаций и оценочных суждений, в контексте которых реализуется сегодня феномен биомедицины.

Этот контекст определяется тем тревожным настроением, которое вносят в социум новейшие достижения биомедицинской науки. В этом и состоит парадокс феномена техники, но сегодня он концентрируется уже не на внешней природе, а на внутренней – на самом человеке: блага цивилизации, безусловные успехи в биологии и медицине сопровождаются угрозами и рисками, и чем дальше, тем больше. «Новые технологии развиваются стремительно, при этом оперативное осмысление возможных негативных последствий и угроз, которые они за собой влекут, непозволительно запаздывает. Человек оказывается не защищенным перед теми угрозами, которые вчера казались фантастическими, а сегодня уже воплощаются в реальности»⁵.

Само возникновение биомедицины связано с достижениями науки, воплотившимися в новейших биомедицинских технологиях, которые немецкий философ Й. Хайлингер предлагает разделять на три группы: 1) технические

⁵ Гнатик Е.Н. Трансгуманистическая экспансия: тенденции и вызовы // Время решающих перемен: «звездный час» науки? М.: КАНОН+, 2023. С. 264.

вмешательства или расширения («киборгизация»); 2) генетическая инженерия: с целью улучшения человеческой наследственности; 3) биологическая оптимизация процессов в организме, в частности в мозге⁶. Под «биотехнологиями» следует понимать такое воздействие на организм человека, включая его генетический аппарат, которое обладает способностью изменять функционирование его сознания и тела⁷. Так или иначе, биомедицина направлена на трансформацию организма человека.

В современном общетеоретическом сознании утвердился взгляд на человека как биосоциальное существо, представляющее собой продукт взаимодействия природы и общества. «Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть»⁸. Контекст «природа – общество» предопределяет, в конечном счете, все коллизии бытия человека в мире: «Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он есть существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье»⁹.

Природное начало в человеке и в обыденном, и в философском, и в научном познании всегда идентифицировалось с его телесностью. С этой точки зрения специфика текущего исторического момента состоит в том, что на переломе XX-XXI веков тело человека начинает как бы выходить за пределы своих естественных границ, причем выход этот в нарастающей степени носит

⁶ Heilinger J.-C. Anthropologie und Ethik des Enhancements. [Electronic resource] / J.- C. Heilinger // De Gruyter. 2010. P. 25. URL: https://www.academia.edu/23317051/Anthropologie_und_Ethik_des_EnhancemeEnh (access date: 13.11.2022).

⁷Beyond T. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. [Electronic resource] / T. Beyond // The President`s Council on Bioethics. 2003. P. 1. URL: <https://biotech.law.lsu.edu/research/pbc/reports/beyondtherapy> (access date: 13.11.2022).

⁸Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 92.

⁹Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 55.

деструктивный характер, прежде всего в том смысле, что природная телесность человека все чаще превращается в объект манипулирования. Отечественный философ О.В. Попова в ряде работ, вышедших недавно в свет, подвергает этот аспект многостороннему рассмотрению и дает обоснованную морально-этическую оценку инновационным практикам и технологиям биомедицины. С одной стороны, пишет она, трудно отрицать положительный эффект различных приемов по «улучшению природы человека», особенно в тех случаях, когда он сочетается с соображениями экономического интереса и финансовой выгоды: «Уже сейчас несложно представить себе ряд профессий (например, хирургов, проводящих многочасовые операции, или профессию дальнобойщика), где усиление когнитивных способностей будь то с помощью препаратов, усиливающих концентрацию внимания и производящих тонизирующий эффект, или же с помощью каких-либо устройств будет востребовано и, скорее всего, оправдано обществом, как нашло себе оправдание употребление кофе, энергетических напитков и других стимуляторов»¹⁰. Подобные приемы реализуются также в русле экспериментов по созданию «идеального солдата», не только без зазрения совести идущего на убийства и насилие¹¹, но и способного некоторое время выполнять свою функцию при тяжелейших повреждениях, несовместимых с жизнью (что подтверждается новейшими фактами из практики проходящей сегодня СВО¹²). Далее, медицинские технологии обретают все более массовый характер и все более явным образом интегрируются с политической функцией, с воздействием на общество. В этом ключе следует расценивать зародившуюся в США тенденцию по применению лекарственных препаратов для коррекции поведения детей, характеризующегося отклонением от общепринятых норм и

¹⁰ Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография / О.В. Попова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. С. 235. 336 с.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Microsoft создает солдата будущего [Электронный ресурс] // Военное обозрение. Электрон. дан. [Б. м.], 7 августа 2022. URL: <https://topwar.ru/199844-microsoft-sozdaet-soldata-buduschego.html> (дата обращения: 22.12.2022).

проявляющегося в синдроме гиперактивности. В целом, подчеркивает О. Попова, «повышенный интерес со стороны общества и властных структур к нейролептикам и психостимуляторам обусловлен очевидным осознанием факта их использования в качестве средства для управления развитием личности и придания ей желательных черт»¹³. Следующий шаг в этом направлении — практика редактирования генома, исходно созданная с целью предотвращения нежелательных заболеваний, но сегодня используемая для трансформации физических качеств личности¹⁴.

Нетрудно увидеть, что уже в первом приближении, на стадии начальных суждений по поводу биомедицины и биомедицинских технологий создаются определенные, оппонирующие друг другу смысловые точки опоры: кто-то выступает «за» тенденции подобного рода, кто-то «против», кто-то в обоснование своих суждений апеллирует к природе человека, кто-то к человеческому обществу. В результате контурируется весь спектр подходов, реализуемых в биомедицине, а именно определяются две группы, каждая из которых складывается из пары противостоящих друг другу позиций, а именно: **биолибералы – биоконсерваторы, биоцентристы – социоцентристы** (см. рис. 1). Рассмотрим их последовательно.

¹³ Попова О.В. Указ.соч. С. 247.

¹⁴ Там же. С. 267.

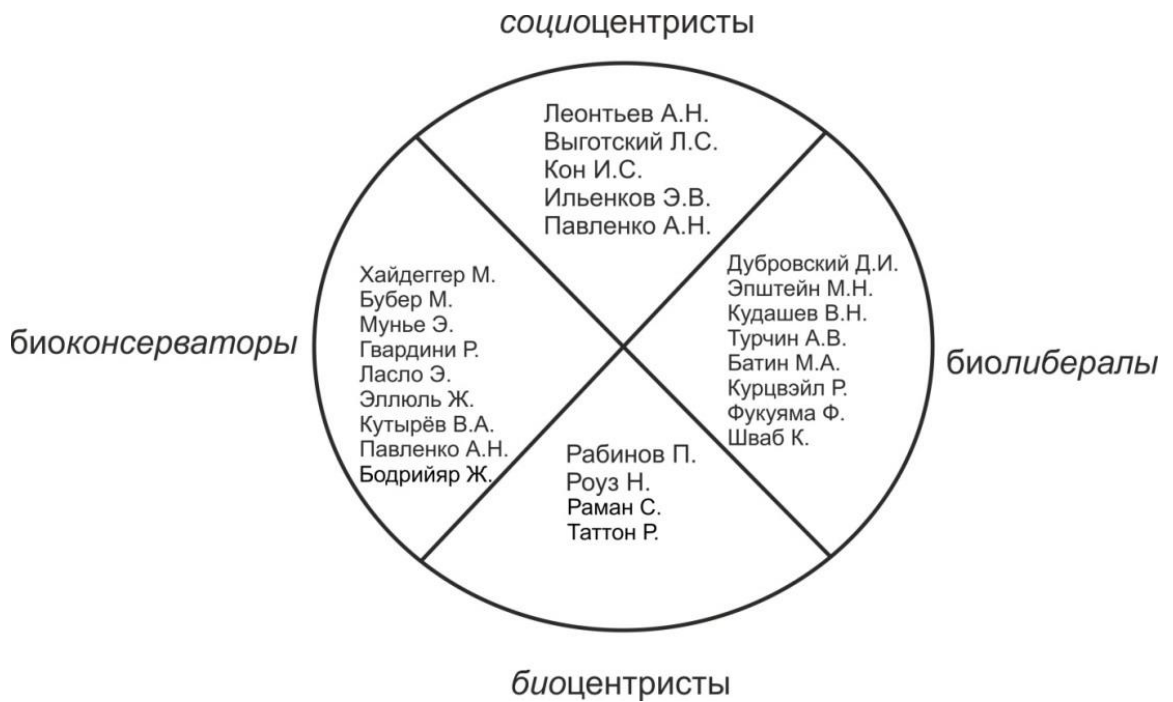

Рис. 1. Дискурсивные полюса анализа природы человека

Наиболее наглядной является первая оппозиция, противопоставляющая сторонников и противников биомедицины. Именно в этой дискурсивной плоскости ведутся сегодня и в России, и за рубежом самые жаркие споры по ее поводу. Известный отечественный специалист по биоэтике И.В. Силуянова предлагает именовать эти полюса соответственно «либеральный» и «консервативный»: «В морально-мировоззренческом пространстве России реально сосуществуют различные ценностно-мировоззренческие ориентации, среди них – либеральная и консервативная. Каждая из этих позиций имеет свои основания, свою традицию»¹⁵. Наличие подобных противостоящих друг другу полюсов подтверждает и Френсис Фукуяма, обозначая их как «либертарианский» и «энвайроменталистский»: «Сегодня в обсуждении биотехнологий выделилось два полярных лагеря. Первый – либертарианский, который утверждает, что общество не должно и не в состоянии накладывать ограничения на развитие новых технологий. В этот лагерь входят исследователи, ученые, желающие раздвинуть границы знания, представители биотехнологической промышленности, которые хотят получить выгоды от

¹⁵Силуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. М.: ЗАО «Литера», 1997. С. 93.

свободного технологического развития. <...> Второй лагерь – неоднородная группа, испытывающая моральную тревогу по поводу биотехнологий, которые состоят из людей с религиозными убеждениями, энвайроменталистов, верящих в святость природы, противников новых технологий и людей с левыми убеждениями, которых беспокоит возможное возвращение евгеники»¹⁶. Мы же предлагаем определять сторонников той и другой позиции с приставкой «био», выделяя соответственно «биолибералов» и «биоконсерваторов».

Биолибералы

Установки биолибералов наиболее последовательно выражают *трансгуманисты*, подкрепляя их ссылками на неизбежность научно-технического прогресса. Наиболее исчерпывающее определение трансгуманизма, на наш взгляд, выглядит следующим образом: «Трансгуманизм — мировоззренческая концепция и социальный проект, нацеленный на биотехнологическую трансформацию сложившихся в ходе естественной эволюции морфологических и внутриорганизменных характеристик человека, а тем самым — на преодоление тех представлений о назначении, внутренней сущности и внешнем его образе, которые сегодня воспринимаются в качестве естественных, обычных, соответствующих норме. Что и соответствует смысловому содержанию самого термина: транс-гуманизм, то есть *идея человека за границами сложившегося понимания человека*»¹⁷.

Трансгуманисты видят свою цель в биотехнологическом совершенствовании человека с помощью научно-технических достижений и генетических модификаций, и они понимают человека как существо, не завершившее свою эволюцию и способное при помощи развития науки и технологий к переходу на новый эволюционный уровень, более того, к смене

¹⁶Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции; Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство» АСТ, 2004. С. 257–258.

¹⁷Рыбин В.А. Трансгуманизм // // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 78.

родовой идентичности¹⁸. Важно отметить, что та резкость и даже сенсационность, с которой сторонники трансгуманизма заявляют о своей позиции (биолиберальной), имеет некоторое положительное значение, поскольку столь острая постановка вопроса стимулирует активный поиск критериев, отделяющих те медицинские технологии, которые действительно способствуют улучшению биологических функций и способностей человека, от тех, которые носят разрушительный и опасный характер.

Биолибералы строят свой подход на общей со своими оппонентами идее, что природа человека постоянно создается в ходе истории¹⁹ и на том факте, что по мере приближения к нашему времени природный аспект человеческого существования все больше дополняется искусственным, предельным выражением которых на данный момент являются биотехнологии, в частности нанотехнологии²⁰ (о рисках и угрозах которых, следует отметить, основная масса населения имеет минимум представлений²¹), но расходятся с ними во взглядах на перспективы данной тенденции. Биолиберальная позиция однозначно предполагает физическое перерождение человека, тогда как оппонирующие ей теоретики категорически не приемлют эту перспективу.

Курс на качественную трансформацию человеческого естества как раз и выражается сторонниками трансгуманизма наиболее радикальным образом. Основоположник учения – английский биолог Джулиан Хаксли, утверждавший, что новейшие биомедицинские разработки избавят людей от

¹⁸ Синеокая Ю.В. Проект нового человека в российском нищезанятии / Ю.В. Синеокая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 2. С. 98-113.

¹⁹ Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 37-40.

²⁰ Мареева Е.В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171-177.

²¹ Vicsek L. Media presentation and public understanding of stem cells and stem cell research in Hungary [Electronic resource] / L. Vicsek, J. Gergely // New Genetics and Society – NEW GENET SOC. 2011. Vol. 30. P. 1–26. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14636778.2011.552297> (access date: 13.11.2022).

старения, смерти и неизлечимых болезней²². Сегодня трансгуманисты всерьез рассматривают возможность переноса человеческого разума в компьютеры, заявляя, что это даст людям возможность жить вечно. В пределах современной России самым ярким, на наш взгляд, представителем биолиберального течения является Д.И. Дубровский, ведущий смелую полемику со сторонниками биоконсервативной линии. Он заявляет, что у человека и человечества при существующем положении дел нет никакого будущего в смысле выживания, и потому необходимо принимать срочные меры для спасения человеческого рода. Совокупность нынешних кризисов — показатель уникальной ситуации, которой характеризуется текущий исторический момент: «либо деградация и гибель человечества, антропологическая катастрофа, либо выход на качественно новую ступень социальной самоорганизации»²³. Такая самоорганизация, по мнению Дубровского, должна выражаться в решительных действиях по фундаментальному преобразованию человеческого организма, главным образом посредством воздействия на геном, то есть на наследственность²⁴. Впрочем, Дубровским не исключаются и другие приемы радикального воздействия на жизнедеятельность человека, вплоть до внедрения индивидуального сознания и личности в техническую систему. В этом русле разворачивается деятельность отечественного сообщества трансгуманистов «Перспектива 2045»²⁵, одним из основателей которого стал Дубровский. Положительные эффекты биомедицинских технологий наглядно видны на практике, а именно, например, некоторые коммерческие организации «23andMe», «deCODEme» и «Navigenics» предлагают услуги сканирования личного генома для покупки через Интернет. Эти компании заявляют, что способны диагностировать генетическую предрасположенность своих клиентов

²² Huxley Julian. Transhumanism. [Electronic resource] / Julian Huxley // In New Bottles for New Wine. 1957. P. 17. URL: chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjcgclclefindmkaj/https://ia600306.us.archive.org/19/items/NewBottlesForNewWine/New-Bottles-For-New-Wine.pdf (access date: 13.11.2022).

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 52.

²⁵ Россия 2045 [Электронный ресурс] URL: <http://2045.ru/> (дата обращения: 22.12.2022).

к различным сложным заболеваниям и признакам. Все эти услуги предлагают потребителям возможность узнать свои индивидуальные генетические факторы риска ряда заболеваний, и каждая компания делает акценты на использовании сканирования генома для выработки рекомендаций, связанных со здоровьем и образом жизни, на отслеживании генетического происхождения и на моделях наследственности²⁶.

Не менее радикальную позицию выражает и российско-американский философ М.Н. Эпштейн, рассматривающий судьбу человека с позиции техногуманизма, предполагающего свободу воли человека, включая способность передоверять ее своим творениям в виде техники, автоматических артефактов. По утверждению Эпштейна, «признание автономности будущих высокоразвитых киборгов ничуть не ведёт к принижению роли человека»²⁷, поскольку это не кто-то иной, а сам человек создает искусственные формы жизни и разума, превосходящие его самого. «На рубеже тысячелетий, — пишет Эпштейн, — становится все яснее, что медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу — этапу ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. <...> Человек — существо биологически рудиментарное, на смену ему придут более совершенные киборги, бесконечно самосовершенствуемые технические или биотехнические носители разума»²⁸

Именно к этому, по мнению биолибералов, и сводится основная задача биомедицины: «Совершенный человек есть как бы сверхчеловек, который и

²⁶McGowan M. L. Personal genomics and individual identities: motivations and moral imperatives of early users [Electronic resource] / M. L. McGowan, J.R. Fishman, M.A. Lambrix // *New Genet Soc.* — 2010. Vol. 29 (3), Is. 1. P. 261–290. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2976061/> (access date: 13.11.2022).

²⁷Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 120.

²⁸ Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 50.

делает возможным собственно человеческое начало бытия. Его бытие – не столько антропоморфное, человекообразное, сколько антропогенное – человекопорождающее»²⁹. В ракурсе трансгуманизма все препятствия, возникающие на пути к этой цели, носят исключительно технический характер, тогда как соображения этического, мировоззренческого или эстетического порядка просто не принимаются во внимания. Например, А. Турчин и М. Батин, являясь сторонниками реализации трансгуманистических идей в наиболее «жестком» варианте, излагают свои позиции исключительно в положительном ключе («Усиление интеллекта, духа, воли, целеустремленности, ответственности, достижение свободы личности от биологического носителя, повышение степени освоения пространства и уровня управляемости материей и энергией»³⁰), тогда как все сомнительные или принципиально неосуществимые аспекты оставляются в стороне.

Фрэнсис Фукуяма, самый видный западный представитель биолиберальной позиции, выводит ее истолкование на новый уровень: биомедицина, по его мнению, максимально расширяет пространство человеческой свободы, вплоть до овладения естественной эволюцией. В работе с характерным названием «Наше постчеловеческое будущее» Фукуяма пишет: «Может быть мы готовы войти в постчеловеческое будущее, в котором технология даст нам возможность постепенно изменить нашу сущность со временем. Многие приветствуют такую возможность под знаменем человеческой свободы. Они хотят максимально расширить свободу родителей выбирать, каких детей иметь, свободу ученых в исследованиях и свободу предпринимателей использовать технологию для получения прибыли... Может статься, что мы каким-то образом обречены на этот вид свободы или что на

²⁹ Кудашев В.И. Перспектива идеи усовершенствования человека // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: «Канон+», 2014. С. 217

³⁰ Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. С. 242. 263 с.

следующей стадии эволюции мы сознательно возьмемся за наше биологическое строение, а не оставим его в руках слепых сил естественного отбора»³¹.

Среди зарубежных теоретиков следует отметить также Рэя Курцвейла³² и Клауса Шваба³³, которые заявляют о положительных эффектах биомедицинских воздействий (совершенствование природных качеств человека, формирование новых способностей, избавление его от болезней, старения и даже смерти), но, как и почти все сторонники биолиберального лагеря, одновременно исключая из рассмотрения все сомнительные аспекты (сама возможность их осуществимости, предел допустимого при манипуляциях на человеке, последствия для социума и всего человеческого рода и пр.).

В некоторых источниках обсуждение вопросов, связанных с биомедициной, проводится так, будто практика биологической трансформации человека уже обрела полностью легализованный характер и осуществляется без каких-либо ограничений. Например, поскольку 97% программного обеспечения, используемого в Китае, просто копируется, по отношению к биомедицинской деятельности предлагается ввести такие же законы, какие действуют по отношению к интеллектуальной собственности³⁴. А именно: «Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных сущностей, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти “вещи” преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические сущности должны быть

³¹Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 349 с. (с. 307)

³² Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Рэй Курцвейл ; [перевод с английского Т.П. Мосоловой]. Москва: Эксмо, 2020. 448 с.

³³ Шваб К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. Москва: Эксмо, 2019. С. 265-266. – 288 с.

³⁴ De Meyer A. Technology transfer into China: Preparing for a new era [Electronic resource] / A. De Meyer // European Management Journal. 2001. Vol. 19. № 2. P. 140–144. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=4833&context=lkcsb_research (access date: 13.11.2022).

трансформированы в юридические, одомашненные сущности. Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали»³⁵.

В целом позиция либералов достаточно ясна, разница между ними заключается лишь в степени той уверенности, с какой они намерены нарушить «антропологическую границу».

Биоконсерваторы

Воззрения биоконсерваторов наиболее последовательно выражают сторонники традиционных (в том числе и религиозных) ценностей, которые, рассматривая технику и технологии как факторы порабощения человека, выступают за полный запрет всех биомедицинских инноваций. Следует отметить, что в наши дни западные теоретики фактически не высказывают каких-либо критических и тем более осуждающих замечаний не только по поводу позиции биолибералов, но и биомедицины вообще. Самой радикальной точкой зрения является примирительно-скептическое отношение к достижениям биомедицинской науки и возникающим на их основе антропологическим перспективам. Юрген Хабермас в своих последних работах, посвященных этическим проблемам новейшей генетики и объединенных в книге «Будущее человеческой природы» отмечает противоречие между масштабом биомедицинских воздействий и узостью практикуемых норм, призванных осуществлять их регуляцию: этические принципы неуклонно отступают под давлением «либеральной свободы автономного выбора», которая требует немедленного введения биотехнических инноваций в жизнь, невзирая на какие-либо сдерживающие нормативы³⁶. Подобное же умонастроение выразительно описывает Жак Эллюль: «Следовательно, предполагается что-то абсолютное, неоспоримое, против чего ничего не поделаешь, чему человек должен просто покориться, это — технический рост

³⁵Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 68.

³⁶Хабермас Юрген. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. С. 38-39.

(так как, безусловно, в нашем обществе прогресс сводится к этому росту). Иначе говоря, для человека не имеется никакой возможности. Не имеется никакой свободы по отношению к технике, так как свобода здесь состоит просто в том, чтобы сказать "да" или "нет". А вот кто скажет "нет" космическим зондам или генной инженерии? Именно здесь и только здесь мы обнаруживаем абсолютный детерминизм для человека (а не в его генах или в его культуре). Это и есть причина, ключ фундаментальной безнадежности современного человека. Он безнадежен, потому что ничего не может, а смутно ощущает это, не осознавая»³⁷.

Тем не менее, именно на Западе в течение XX века, особенно во второй его половине, сложилась солидная критическая философская традиция по отношению к научно-техническому прогрессу в целом и биотехническим эффектам воздействия на человека в частности. Аргументы представителей этого теоретического направления сохраняют свою весомость и в наши дни, логика их критических рассуждений остается вполне приложимой не только к завоеваниям науки и техники середины XX века, но практически и ко всем эффектам новейшей биомедицины. Поэтому некоторых из этих мыслителей с полным основанием можно отнести к сторонникам биоконсервативной позиции, противостоящих биолибералам как апологетам безудержного и безграничного развития науки и техники.

Первым в ряду биоконсерваторов следует назвать крупнейшего философа XX века Мартина Хайдеггера, осуществившего философский перенос антропологической проблематики в онтологическую плоскость. Удалось ему сделать это благодаря принципиально новому взгляду на технику, точнее, на техническую составляющую человеческого существования. Человек, рассуждает Хайдеггер, является мыслящим существом не потому, что живет и действует в в «сущем», то есть в обозримом им реальном мире, но потому, что

³⁷ Эллюль Жак. Технологический блеф // Это человек: Антология. Сост. П.С. Гуревич. М.: Высшая школа, 1995. С. 283.

в своих исходной основе погружен в более глубокие, фундаментальные начала мира, а именно в его «бытие». По этой причине человек, считает Хайдеггер, не «хозяин сущего», а «пастух бытия», что и находит выражение в его мыслительной способности³⁸. Метафизика, философское мышление является наиболее адекватным способом постижения этого высшего человеческого призвания. Корень того зла, которое, по мнению Хайдеггера, несет с собой техническая цивилизация, заключается в том, что западный человек отказался от этого призвания, он стремится быть повелителем сущего и в реализации этого стремления избирает опору на науку, «физику», которую ставит на место «метафизики», то есть целостного миропонимания. Хайдеггер жёстко критикует Платона за то, что именно Платон еще в Античности осуществил разворот от «бытия» к «сущему» и тем самым заложил установку на его покорение, которая затем воплотилась в образе науки и ее практического инструмента в виде техники. Начиная с Нового времени техника – далеко не нейтральный инструмент в руках человека, сначала использовавшего ее и во благо, и во зло, а начиная с XX века — главным образом во зло, поскольку именно техника всё больше превращает реальность в чистый объект эксплуатации и господства.

«Мы ставим вопрос о технике – говорит Хайдеггер – и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше бытие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах. Техника не то же самое, что сущность техники <...> и сущность техники вовсе не есть что-то техническое»³⁹. Сущность техники М. Хайдеггер определяет как ее способность выводить бытие из потаенности в открытость. Именно это событие древние греки именовали словом «алетейя»⁴⁰. Человек всегда, с самого начала

³⁸ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и посл. П.С. Гуревича; Общ.ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314.

³⁹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 45.

⁴⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике. Указ.соч. С. 51.

использовал технику, но современная техника в силу своих масштабов становится угрозой, поскольку обретает господство над человеком. Сущность современной техники М. Хайдеггер определяет через понятие «постав» (Gestell), который означает особый «вызов», когда человек сосредотачивается на технике как на средстве и тем самым упускает более высокую цель. Например, на Рейне построена гидроэлектростанция. Но она «не встроена в реку так, как встроены старый деревянный мост, веками связывавший один берег с другим. Скорее река встроена в электростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставщик гидравлического напора, благодаря существованию электростанции»⁴¹.

Обеспечивая новые условия человеческой жизни, «постав» становится частью самого человека. Но как раз это и влечет за собой крайнюю опасность, ибо втянутость в непрерывное «поставляющее» производство толкает человека на риск дальнейшего отказа от своей свободной сущности, вплоть до воздействия на свой организм посредством различных технологий. Хайдеггер не говорит прямо про биомедицину, поскольку в его время она еще не сформировалась, но предвидит ее появление и оценивает ее эффекты крайне негативно: «Поскольку человек есть важнейшее сырье, следует ожидать, что на основе сегодняшнего химического исследования со временем будут сооружены фабрики для искусственного создания человеческого материала»⁴², что, в конечном счете, предполагает «потребление всех материалов, включая сырье "человек" для технического производства неограниченной возможности изготовления всего»⁴³. Способ поведения человека, не умеющего остановиться, полагает Хайдеггер, угрожает жизни в самых глубоких ее основах, необходимо спасение человека, оно требует выхода за пределы принятой некогда траектории покорения природы, но эта надежда связана не с самим техническим производством, а с обращением людей к искусству и к

⁴¹ Там же. С. 52.

⁴² Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 189.

⁴³ Там же. С. 190.

философскому размышлению. Причем, как именно это должно произойти, Хайдеггер не говорит.

Ряд других философов первой половины и середины XX века не менее глубоко рассуждают по поводу проблемы человека. Правда, у них еще не термина «биомедицина», но их высказывания по поводу научных достижений, преобразованных в технологии, вполне можно отнести и к современной биоантропологической проблематике.

Тревожные мысли о человеке, о поисках решения проблемы антропологического кризиса высказывает один из создателей «диалогической философии» Мартин Бубер. Философ отмечает, что тема человека стала предметом специального научного изучения лишь в XX в. Причину такого положения дел М. Бубер усматривает, прежде всего, в прогрессирующем разложении традиционных форм совместной жизни людей, таких общностей как: семья, сельская и городская община, религиозный союз. На этом фоне происходит индивидуализация социума и общая технизация жизни, вследствие чего человек утрачивает чувство гармонии с миром как природы, так и прежнего традиционного социума, что в духовном плане порождает ощущение ненужности и одиночества, в жизненно-практическом приводит к подчинению технике и технологиям: «Машины, изобретенные для того, чтобы служить человеку-работнику, сделали его своим рабом. Они задуманы всего-навсего как инструмент и некий придаток человеческих рук, но человек сам стал их придатком и одной из снующих взад и вперед мелких деталей»⁴⁴.

Антропологический кризис, в своих последовательных результатах угрожающий биологическому естеству человека, стал предметом осмысления некоторых французских персоналистов, в частности, Эмманюэля Мунье: «Мы присутствуем при крушении целой эпохи в жизни цивилизации, возникшей в конце средних веков, укрепленной и одновременно подрываемой

⁴⁴Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем./ Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М.: Республика, 1995. С. 193.

индустриальным развитием, эпохи капиталистической, если говорить о ее структурах, либеральной по своей идеологии, буржуазной по своей морали. Мы присутствуем при зарождении новой цивилизации, реальные черты и нравы которой остаются ещё не ясными, смешанными и распадающимися формами бьющейся в конвульсиях уходящей цивилизации»⁴⁵.

При этом Мунье понимает цивилизацию как путь последовательного приспособления человека в качестве природно-социального существа, биологический организм которого осуществляет приспособление к окружающей среде посредством культуры, определяемой ростом его сознания, умений, завоевываемых напряжением духа, участием его в делах и размышлениях. Но эта способность отнюдь не всегда реализуется во благо. Согласно Э. Мунье, «ловкая индустрия сделала материю изощренной, что способствовало её отделению от духовной жизни. По мере того, как человек, заботясь о своих удобствах, все более и более эксплуатировал материю, он забывал о жизни духовной, а затем и просто пограл её, в итоге мир снова утратил свое единство»⁴⁶, что не может не отразиться на биологических аспектах существования человека. В свете подобных умозаключений не приходится сомневаться, что объективно Мунье стоит на позиции биоконсерватизма.

Идея немецкого философа Романо Гвардини, анализировавшего проблему человека, сводится к констатации предопределенности его судьбы логикой развития технической цивилизации, поскольку сущность человека, как и любого живого существа, в конечном счете, является адаптивной. Свои выводы Р. Гвардини делает на основе глубокого анализа современной цивилизации, начиная с эпохи Нового времени, пытаясь определить его будущее. И высказывания его по этому поводу звучат неутешительно: «Человек не устремляет свою волю на то, чтобы хранить самобытность и прожить жизнь по-

⁴⁵Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. / Вступ. ст. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. С. 272.

⁴⁶Там же. С. 278.

своему... Скорее напротив, он принимает и предметы обихода, и формы жизни такими, какими их навязывает ему рациональное планирование и нормированная машинная продукция, и делает это, как правило, с чувством того, что это правильно и разумно»⁴⁷. Гвардини утверждает, что современный человек утратил непосредственное отношение как к природе, так и другим людям, между ним и миром встала техника. Поскольку же человек является очень пластичным существом, то подобная ситуация может угрожать константам его существования, включающим также и биологические аспекты. Тем не менее, философ не делает однозначно негативного вывода, он не исключает того, что человек способен подчинить себе технику так же, как он подчинил природу.

Серьезную озабоченность по поводу расширения использования биотехнологий по отношению к человеку, в частности информационно-кибернетических и механико-экзотехнических протезов, а особенно по поводу возможности клонирования человека, выражал и известный французский философ-постмодернист Жан Бодрийяр. В некоторых высказываниях явственно прослеживаются настроения биоконсервативного толка. По поводу клонирования он говорит: «Мы не представляем себе уровень современного развития этой технологии, которая, производя идентичные существа, делает невозможным возврат к существу изначальному.<...> Мы живем в век податливой технологии, в век генетического и ментального software [программного обеспечения]»⁴⁸. Клонирование у Бодрийяра сравнивается с различными феноменами — с имитацией, которая способна привести к поглощению тела техническими артефактами, а также с раковой опухолью, которая существует благодаря неограниченному делению базовой клетки,

⁴⁷Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 145.

⁴⁸Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. С. 176.

игнорирующей законы организма в целом: клонированный «индивидуум теперь является собой некий раковый метастаз формулы, лежащей в его основе»⁴⁹.

Предостережения против слепого подчинения технологическому императиву выдвигает венгерский футуролог Эрвин Ласло. В своих размышлениях о будущем человека и человечества он оперирует таким понятием, как «макросдвиг», под которым понимает начавшуюся в первые годы XXI в. глубокую всеобщую эволюционную трансформацию, которая выходит за рамки глобальной экономики для продолжения пути к новой цивилизации. Э. Ласло так об этом говорит: «Эта трансформация – эра макросдвига: сдвига, всеохватывающего, быстрого и неотвратимого, простирающегося до самых далёких уголков земного шара и затрагивающего все аспекты жизни. Его движущая пружина – технология, но созданные им стрессы и конфликты имеют экономическую, социальную и политическую природу и не имеют чисто технологических или военных решений»⁵⁰. Иными словами, не следует делать слишком большую ставку на технику. Напротив, человек должен прислушиваться к своей природе, в том числе биологической, и тогда негативных эффектов можно избежать: «Макросдвиг не предопределен, он чувствителен к человеческому восприятию, человеческим ценностям и действиям. Макросдвиг может привести как к более безопасной и стабильной цивилизации, так и к серии войн и вспышки террора, экспансия которых могла бы перерасти в катастрофу»⁵¹.

Солидарен с Э. Ласло в отношении засилья техники и негативного влияния её на естество человека другой французский философ и социолог Жак Эллюль. В работе «Другая революция» он пишет: «Мы живем в техническом и рационалистическом мире... Природа уже не есть наше живописное окружение. По сути дела, среда, мало-помалу создающаяся вокруг нас, есть,

⁴⁹ Там же. С. 177.

⁵⁰ Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Тайдекс Ко, 2004. С. 12.

⁵¹ Там же. С. 13.

прежде всего, вселенная Машины. Техника сама становится средой в прямом смысле этого слова. Техника окружает нас как сплошной кокон без просветов, делающая природу (по нашей первой непосредственной оценке) совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной. Что имеет значение – так это Техника. Природа оказалась демонтированной науками и техникой: техника составила целостную среду обитания, внутри которой человек живет, чувствует, мыслит, приобретает опыт. Все глубокие впечатления, получаемые им, приходят от техники. Решающим фактором является заполнение нашей мысли, как и нашей чувственности, механическими процессами. Именно техника есть теперь «данность» без всяких определений: тут нет надобности ни в смысле, ни в ценности, она навязывает себя просто тем, что существует»⁵².

Если Э. Ласло выход из сложившейся ситуации видит в переоценке ценностей и стереотипов поведения человека, что в действительности осуществить крайне сложно, то Ж. Эллюль очень прагматично и взвешенно подходит к этому вопросу, делая акцент на последовательных этапах преобразования жизни человечества, утверждая, что техника – не только фактор порабощения человека, но и фактор его освобождения. Французский философ предлагает конкретные и осмысленные пути решения проблемы, выражая эту установку через понятие единственно, по его мнению, реализуемой «политико-технической революции», которая «будет иметь своим последствием радикальное отвержение любых идеологий, разрушающих индивид и субъект, и вместе с тем – радикальное отвержение не техники как таковой, но идеологии техники. Техника вводит нас в небывало новую, невиданную, немислимую вселенную. Наши предшествующие знания уже ни на что не пригодны»⁵³. Для подобного перехода, считает Ж. Эллюль, необходима «мутация человека», но не биологического, а духовного характера

⁵²Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 147–148.

⁵³ Там же. С. 148.

— «психологическая, идеологическая, нравственная, перестройка всех целей жизни. И это должно произойти в каждом»⁵⁴.

Отечественные философы также активно затрагивают тематику, связанную с проблемой биомедицины. Не всех их можно отнести к разряду биоконсерваторов, но даже те, кто не принадлежат к сторонникам жесткой биоконсервативной линии, придерживаются взвешенной, осторожной позиции и в подавляющем большинстве случаев никогда не переходят на сторону биолибералов.

В подтверждение этого, академик РАН В.А. Лекторский на заседании «круглого стола» в 2012 г., посвященного данной проблеме, говорил, что «конвергентные БНИК технологии по распространенному мнению – это не просто новый этап технологического развития, но и разрушение жизненного мира человека, а точнее, тех инвариантов этого мира, которые делают человека человеком»⁵⁵. В 2014 г. академик РАН В.С. Стёпин выступил с докладом «Трансгуманизм и проблема социальных рисков», где изложил свои воззрения относительно будущего человека, связав его с развитием новейших биотехнологий. Тот уровень бытия человека, который был создан природой, уже исчерпал себя, заявил Степин, поэтому необходимо предусмотреть перспективу, когда придется выходить за пределы человека и человеческой истории. Это приведет к созданию "постчеловека" как нового существа, который будет покорять Вселенную успешнее, чем мы с вами. При этом надо серьезно разобраться с рисками, которые грозят в этой связи человеку, выявить тот предел, который заставит человека ограничить стремление к совершенствованию»⁵⁶.

Известный специалист в сфере биоэтики И.В. Силуянова чрезвычайно настороженно относится к этой идее. Она считает, что в этом случае

⁵⁴Эллюль Ж. Указ.соч. С. 152.

⁵⁵ Конвергенция биологических, нано-, информационных и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3-23.

⁵⁶ Воронин А.А. Совершенствование человека // Вопросы философии. 2015. № 8. –С. 203.

потребуется радикальные, вплоть до генетических, изменения человеческой природы, что становится уже чрезвычайно рискованным: «Не умаляя значение геной инженерии для лечения наследственных болезней, следует с особым вниманием относиться к проблеме возможного изменения генома его потомков... Биомедицинские технологии, базирующиеся на РНК-интерференции, создают возможность изменять молекулу ДНК, генокод, генотип, телесность и нейросистему, делая их «редакторами» биологической судьбы человека»⁵⁷. Поскольку, по мнению И.В. Силуяновой, подобные биотехнологии совершенствуются на фоне распространения мировоззренческого плюрализма, который способствует размыванию сложившихся нормативов не только в сфере медицины, но и в совокупном пространстве культуры, высказываемое ею настороженное отношение к воздействию на наследственность вполне допустимо отнести к выражению позиции биоконсерватизма..

В качестве теоретика, наиболее последовательно отстаивающего позицию биоконсерватизма, следует выделить философа из Нижнего Новгорода В.А. Кутырёва, который прямо и непосредственно заявляет о катастрофических последствиях бесконтрольной технической эволюции и рисует картину возникающего на этой основе грядущего технологического Апокалипсиса: «Всё это кончится появлением сначала техноидов: мутантов-зомби, кентавров-киборгов (они уже здесь, “при дверях”, чтобы обмануть себя, их называют “техночеловеками”), потом появлением чего-то совсем постчеловеческого, того, к чему устремилась современная технонаука. Она хочет заменить человека роботами, маскируя происходящее, а потом и свою смерть болтовней о бессмертии. Оно будет, но – не наше»⁵⁸. Развертывая свою аргументацию в этом духе, философ высказывает резко критическое отношение к научно-техническому прогрессу, сущность которого он определяет термином

⁵⁷Силуянова И.В. Биомедицинская этика. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 204.

⁵⁸Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. С. 521–522.

«идолатрия техники», суть которой — превращение человека в вещь, безмолвный предмет технологического прогресса, откуда уже нет никакого выхода. Противостоять этому способно только одно — стойкое удержание биоконсервативной позиции.

Решение этой нелёгкой задачи В.А. Кутырёв видит в сохранении человеком его «жизненного мира» в гуссерлевском смысле — как Umwelt-a, призванного поддерживать устойчивость такой внешней и внутренней реальности человека, которая была бы адекватна его сущности. Кутырёв выдвигает метод «феноменологического субстанциализма», основанного на том положении, что бытие, его сохранение — это высшая ценность для человека, его подлинное благо. С этой точки зрения научный прогресс следует понимать не как движение неизвестно куда без законченного образа и идеала, а как актуализацию и увеличение силы сущего в человеке.

Тревогу у В.А. Кутырёва вызывает тот факт, что прогресс переходит в трансгресс, когда человек из субъекта процессов превращается в их фактор и материал (в том числе биологический), что в конечном итоге не даёт ему шансов на выживание: «Если прогресс перерос в стадию деконструкции человека сначала как субъекта, а потом как индивида, то для нас это регресс, вырождение. Философия людей должна искать о(бо)снование продолжения их бытия с учетом изменившихся обстоятельств»⁵⁹. Вся надежда на спасение человека, таким образом, возлагается на «философию (для) людей», опирающуюся на сохранение жизни как таковой, где бытие не имеет никакой иной высшей цели и представляет реальность, отдельные части которой взаимодействуют друг с другом. В.А. Кутырёв называет эту идею коэволюцией, используя понятие, выдвинутое отечественными теоретиками ещё в середине 90-х годов прошлого века⁶⁰. В отличие от прогресса, который, по его мнению, основан на отрицании одной системы другой, коэволюция даёт возможность

⁵⁹ Кутырёв В.А. Философия (для) людей // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 87. (С. 86-96).

⁶⁰ См.: Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 350 с.

согласованного соразвития и природы в ее базисных характеристиках, и человека в его природно сложившемся облике в рамках единой целостности.

«Философия (для) людей» должна, прежде всего, обосновывать мир, в котором они могли бы «продолжать жить», совершенствуясь не в физическом, а духовно-нравственном смысле. Для этого крайне важно предоставить современной науке возможность создавать новое без обязательства его неперенной практической реализации, то есть творить, но не всегда воплощать сотворенное в реальность. И заключительная ремарка: «Философия – постижение духа времени... философия воплощает как рациональное, так и ценностное отношение к миру. Но выражается оно на рациональном языке. Ее предмет не мир в целом, а целостно о мире. В этом рациональная ценность философского знания»⁶¹.

Критическую, близкую биоконсервативной позиции точку зрения высказывает другой отечественный философ А.Н. Павленко. Перспективы, вытекающие из потенциала биотехнологий он рассматривает в онтологическом ключе, во многом в духе Хайдеггера. По его мнению, сущность современного бытия определяется возможностями техники, которые питают эсхатологические ожидания современного европейского человека. В европейской культурной традиции Павленко выделяет три формы эсхатологии: религиозную, придающую большое значение духовно-мистическим техникам; секуляризованную, делающую ставку на материальную технику, и современную светскую, ориентированную на приближение и материализацию будущего. В современном мире, утверждает он, именно светская эсхатология принимает форму эсхатологии технической, благодаря которой растут ожидания, что в самом ближайшем будущем, еще до прихода «нового технического царства», наступят времена, «когда новые технологии позволят реанимировать законсервированного покойника, то есть когда “старцы будут умирать юношами”<...> Близкая криогенной консервации

⁶¹Кутырёв В.А. Крик против небытия // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 72. (С. 60-72).

программа – восстановление тканей тела человека из стволовых клеток, по сути рекорперизация человека»⁶².

Современное общество и современная техника, считает А.Н. Павленко, потеряло всякий интерес ко всему индивидуальному, где отдельные детали в техническом механизме, как и отдельные человеческие индивиды в общественном механизме, утратили свое неповторимое значение, а эсхатологическая машина пытается безгранично властвовать над миром, подчиняя себе все новые и новые сферы человеческой деятельности⁶³. Однако, хотя он и рассматривает перспективу биологической трансформации человека безо всякого восторга, но, в конце концов, оправдывает ее, заявляя, что «между искусственным в своей сущности человеком и искусственной в своей сущности средой никаких противоречий нет»⁶⁴. Следует отметить, что в первые десятилетия XXI века Павленко несколько модифицирует и даже заостряет свою позицию: если прежде он концентрировался на анализе противоречий научно-технической революции и всей зародившейся на Западе техногенной цивилизации, то в работах последнего времени в качестве альтернативы технологическому Апокалипсису он обращается к идеям возврата к традиционному укладу.

Однозначно негативную позицию по отношению к бесконтрольному внедрению биомедицинских технологий высказывает отечественный философ Валентин Михайлович Князев. Он придерживается традиционной линии в мировоззрении, стоит на четкой консервативной позиции в медицине и отнюдь не скрывает этого: «Очевидно, что главная инновация всей техногенной и традиционной цивилизации видится в человеке, в развитии его сущностных качеств. Техногенная цивилизация придерживается идеологии трансгуманизма, согласно которой традиционный человек должен умереть, чтобы в лоне новых

⁶²Там же. С. 52.

⁶³Там же. С. 57.

⁶⁴Павленко А.Н. «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 66–79. С. 75.

технологий родился киборг, мутант, клон, гибридный человек, трансвестит и прочее. Цивилизации традиции борется за человека-творца, труженика, воина, создателя. Борьба за будущее человека — это борьба за власть над технологиями. Сами технологии нейтральны, но, попадая в руки субъектам разных цивилизаций, они приходят к разным результатам: либо к смерти духовного человека, либо к его к духовному бессмертию»⁶⁵.

Серьёзную озабоченность относительно активного внедрения в медицину современных биотехнологий и инноваций в последние годы своей деятельности высказывал Б.Г. Юдин, который подчеркивал: «Даже учитывая все многочисленные несовершенства рода человеческого, мы, тем не менее, должны с чрезвычайной осторожностью относиться к проектам его биотехнологической (как, впрочем, и всякой иной) переделки. <...> Технологическое могущество современного человека столь велико, что его возможностям радикально воздействовать на собственное будущее стоит относиться со всей серьёзностью»⁶⁶. Тем не менее, следует отметить, что в позиции Юдина нельзя не усмотреть и некоторой двойственности, поскольку при всех критических оговорках он все же расценивает техническую модификацию человека как вполне приемлемую при соблюдении некоторых принципов и правил, принимаемых на том основании, что каждое человеческое существо в некотором смысле является уже созданным, порождённым, сконструированным⁶⁷. Поэтому его невозможно однозначно отнести ни к биоконсерваторам, ни к биолибералам. Об истоках подобной неопределенности и двойственности будет сказано в дальнейшем.

Следует отметить и тех теоретиков, которых затруднительно назвать прямыми сторонниками биоконсервативной позиции. Скорее их выделяет настороженность в отношении тех успехов биомедицины, которые вызывают

⁶⁵ Князев В.М. Инновационная медицина – возможности развития // Вестник Уральского государственного медицинского университета. 2017. Выпуск № 4. С. 27.

⁶⁶ Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 5-17.

⁶⁷ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 27.

восторг у биолибералов. Так Е.Н. Гнатик подчеркивает: «Вместе с тем, на наш взгляд, пока ящик Пандоры не открыт, необходимо задуматься о том, что последствием недостаточно осмысленного внедрения новых технологий может оказаться смена социальной парадигмы и формирование общества, в котором искусственный интеллект и синтетическая реальность начнут доминировать во всех значимых сферах человеческой деятельности»⁶⁸. Аналогичную критическую позицию высказывает и В.П. Веряскина⁶⁹. Особая настороженность к современной тенденции тотальной медикализации жизни населения присутствует в работах К.В. Храмовой: «Не исключаются риски и проблемы цифровой медицины, а именно: возможное вторжение в частную жизнь граждан, незащищенность их данных, а также виртуализация реальной жизни и эмоционально сниженное и поверхностное восприятие информации»⁷⁰. Также К.В. Храмова считает, что новейшие достижения медицины являются постиндустриальными факторами риска для здоровья человека⁷¹. Хотя в данном случае и нет оснований говорить непосредственно про биоконсерватизм, но вектор в его направлении здесь определенно просматривается.

На данном же этапе, завершая рассмотрение обозначенной оппозиции, следует отметить, что оба подхода страдают односторонностью, поскольку не способны выдвинуть аргументы, опровергающие точку зрения их оппонентов, и тем самым способствовать выработке практически действенных принципов регуляции биомедицинской практики, которая, как уже указывалось, на этом

⁶⁸ Гнатик Е.Н. Трансгуманистическая экспансия: тенденции и вызовы // Время решающих перемен: «звездный час» науки? М.: КАНОН+, 2023. С. 262.

⁶⁹ См.: Веряскина В.П. Технологии и образ будущего: системные изменения социальной реальности и человека // Время решающих перемен: «звездный час» науки? М.: КАНОН+, 2023. С. 266-285.

⁷⁰ Храмова К. В. Трансформация мировоззренческих оснований современной медицины и роль новых образовательных программ в формировании облика медицины будущего / К. В. Храмова // Мировоззренческие основания культуры современной России: Сборник научных трудов XIII Международной научной конференции, Магнитогорск, 19–20 мая 2022 года / Под общей редакцией В.А. Жилиной. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 139.

⁷¹ Храмова, К. В. Социология здоровья как актуальное направление теоретической и практической подготовки будущего врача / К. В. Храмова, З. Р. Садыкова // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2019. № 2. С. 152.

фоне обретает все более неуправляемый и деструктивный характер. Тем самым актуализируется поиск в русле иных подходов, в частности по линии «биоцентризм – социоцентризм», связанной с более широким, нежели в рамках прежней пары, истолкованием и сущности жизни, и сущности человека как живого существа, способного трансформировать свой организм.

Биоцентризм

XXI век часто провозглашается «веком биологии», при этом ожидается, по мнению ряда ученых, что революционные прорывы, базирующиеся на фундаментальных идеях, могут улучшить жизнь людей в широком аспекте – от получения чистой энергии до целенаправленной и более безопасной медицины и новых типов производства. Биологические манипуляции широко используются для создания генетически измененных клеток и организмов; вся биотехнологическая промышленность вырастает благодаря расширяющимся возможностям в этой области.

Видное место среди новых технологий занимает «синтетическая биология», которая ставит своей целью применение в биологии инженерных методов и создание на этой основе организмов или биологических систем с новыми или специализированными функциями, направленными на удовлетворение самых разнообразных потребностей⁷². Другими словами, синтетическая биология занимается сборкой живых организмов из абсолютно неживых частей и по этому поводу ведутся ожесточенные споры о ее правомерности. Биомедицинская проблематика, таким образом, является и остается определяющим фактором в современных научных исследованиях. После того, как стартовал проект «Геном человека» в 90-е гг. XX в., возрос интерес к биологическим наукам, а также к феноменам биовласти и

⁷² New directions. The ethics of synthetic biology and emerging technologies: Presidential commission for the study of bioethical issues [Electronic resource] Washington: DC., December. 2010. 180 p. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcsbi/sites/default/files/PCSBI-Synthetic-Biology-Report-12.16.10_0.pdf (access date: 13.11.2022).

биополитике. В результате этого «синтетическая биология» становится неким теоретическим полем, на площадке которого обсуждаются такие экзистенциальные стороны человеческого бытия, как жизнь и смерть, здоровье и болезнь, благополучие и страдание, а также манипулирование ими со стороны государства и определенных социальных групп. Все активнее стала навязываться идея, что люди должны подчиняться различным государственным и политическим структурам, неукоснительно выполнять все их указания и предписания относительно их же жизни и здоровья⁷³.

Реализуемый в данном случае подход напоминает позицию биолибералов, но в отличие от них, он апеллирует не столько к физико-математическому естествознанию и инженерии, сколько непосредственно к исследующим общие закономерности наследственности биологическим наукам и технологиям воздействия на всё живое вещество, которые затем переносятся на человека. «Биоцентристы» в качестве основы человеческого типа жизни выдвигают некое врожденное, общее животным и людям, сконцентрированное в организме отдельной особи внутреннее природное начало, тогда как внешние средовые условия рассматриваются лишь в качестве вторичных, фоновых факторов. В качестве основы следующих отсюда мировоззренческих, философских и политических выводов избираются ссылки на так называемую этополитику, в свете которой организм человека идентифицируется со всякой иной живой (биохимической) субстанцией, вне зависимости от уровня сложности. Р. Rabinow и N. Rose определяют этополитику как ориентированные на человека «техники, посредством которых люди судят о себе и воздействуют на себя с тем, чтобы стать лучше»⁷⁴. Этополитика выстраивается вокруг «жизни самой по себе» как некоторой политической и этической ценности, истолкованной с точки зрения изолированного индивида, обладающего правом на свою «биологическую субстанцию». Отсюда

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Rose N. The politics of life itself [Electronic resource] // Theory culture & society. 2001. Vol. 18. № 6. P. 18. URL: <https://philpapers.org/rec/ROSTPO-38> (access date: 13.11.2022).

выводится оправданность любой биомедицинской манипуляции, если ее мотивом служит желание конкретного индивида.

С позиции биоцентризма человек выступает не более чем в образе биомассы, растущей из комплекса генов, манипулирование которыми на всех этапах — от лаборатории до клиники — не нуждается в какой-либо особой регуляции. Теоретическое обоснование — «молекулярное видение жизни» («именно на молекулярном уровне понимается жизнь и осуществляется воздействие на нее»⁷⁵), выдвигаемое как научно модифицированное мировоззрение агента западного общества, которого государство призывает взять ответственность за свое здоровье, регулировать свой образ жизни. Ученые из Великобритании С. Раман и Р. Таттон разработали концепцию, согласно которой индивиды в своей повседневной жизни должны опираться на науку, с тем, чтобы сформулировать свои суждения и политические требования, тогда как государство должно поощрять их за собственную инициативу. Утверждается, что такие технологии, как клеточная и генная терапия, ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии), экзопротезирование, внешнее питание, имплантология и т.д. увеличивают медицинское благо, т.к. позволяют не только достигать терапевтического эффекта, но и исправлять ошибки природы.

В рамках биоцентризма, таким образом, отдельный индивид предстает как высшая прерогатива, а его намерения и желания выступают как безусловный и абсолютный критерий. Не группа, а особь, не виды, а биомасса, не популяция, а молекула — таковы базисные установки биоцентризма⁷⁶. Фактически это проявление предельного индивидуализма, обосновываемого

⁷⁵ Rose N. The politics of life itself: Biomedicine, power and subjectivity in the twenty-first century [Electronic resource] / N. Rose. Princeton : Princetonuniv.press. 2006. P. 12. URL: https://www.academia.edu/5353981/Nikolas_Rose_The_Politics_of_Life_Itself_Biomedicine_Power_and_Subjectivity_in_the_Twenty_First_Century (access date: 13.11.2022).

⁷⁶ Раман С., Таттон Р. Жизнь, наука и биовласть (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики : сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / Отв. ред. Юдин Б.Г. – М., 2016. – С. 118–123.

ссылками ни биологию. Закономерно, что с этой позиции биомедицинская трансформация человека лишается каких-либо сдержек и ограничителей.

Но это благо только для тех, кто в нём нуждается. Неизвестно, как это благо может обернуться для всей человеческой популяции. Вообще рассматриваемые технологии носят дифференцированный характер, что не позволяет расценивать их как безусловное благо⁷⁷. Необходимо вводить и критерии социального, общественно значимого порядка.

Социоцентризм

Принципиальная позиция социоцентристов исходит из примата внешних, средовых начал, ее представители придерживаются позиции «исключительно социокультурной детерминации человеческих качеств, согласно которой все телесное и вообще биологическое в человеке “выводится за скобки”»⁷⁸. Конечно, это «выведение» не может быть абсолютным и человек никогда не перестанет быть единством биологического и социального, проблема лишь в том, каково их соотношение, соразмерность и приоритетность. Именно этот вопрос и вызывает неподдельную трудность, которую пытались решить многие известные ученые и философы.

Если сущность человека рассматривается как детерминированная преимущественно социально, то и критерии биомедицинской практики следует искать исключительно в социальной сфере. Решение проблемы с этой позиции представляется весьма несложным. Но является ли биологическое начало в человеке столь однозначно вторичным, как утверждают сторонники социоцентризма? И что отсюда следует для биомедицины? Здесь надо серьезно разобраться.

⁷⁷Седова Н.Н. Этический портрет «Homo perfectus»: от биоэтики к техноэтике // Биоэтика. 2016. № 2. С. 6-10.

⁷⁸Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек. 2020. Т. 31. № 1. С. 49.

Надо сказать, что социоцентрическая позиция в понимании человека имеет солидную традицию в отечественной философии и познании человека. В методологическом плане основой подобного понимания является деятельностная концепция, «деятельностное» истолкование сущности человека. Основоположником данной научной традиции является психолог и мыслитель Л.С. Выготский, основатель так называемой «культурно-исторической школы в психологии». Его исходные идеи о происхождении внутренней психической деятельности из внешней сформировались из анализа особенностей специфически человеческой деятельности – трудовой, которая осуществляется с помощью различных орудий и по своей сути являющейся изначально общественной, развивающейся только в условиях кооперации и общения людей. Именно орудия опосредуют деятельность человека и связывают его не только с миром вещей, но и с другими людьми. В результате эта деятельность вбирает в себя опыт всего человечества, а психологические процессы человека приобретают структуру, имеющую в своем основании «общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними. <...> Высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т.е. как интрапсихологические, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно»⁷⁹. Что и приводит к возникновению сознания – рефлексии субъектом своей деятельности, самого себя. Сознание рассматривается Выготским как совместное знание: индивидуальное сознание может существовать только благодаря общественному сознанию и языку, который является носителем фиксированных в нем общественно-выработанных значений⁸⁰.

⁷⁹Выготский Л.С. Развитие высших психических функций: из неопубликованных трудов. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1960. С. 198-199.

⁸⁰Там же.

Идеи, основанные на приоритетности социального над биологическим, и возрастание роли социоцентризма в эволюционном развитии являются отправной точкой в понимании природы человека социоцентристами.

Ярким представителем деятельностного подхода является отечественный психолог А.Н. Леонтьев, который природу человека, его сущность рассматривает не через анатомо-физиологические свойства, а посредством его деятельности, подвергая ее детальному анализу: «В каких бы, однако, условиях и формах ни протекала деятельность человека, какую бы структуру она ни приобретала, её нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества»⁸¹. Человеческая жизнь, таким образом, по-Леонтьеву, – поток деятельности, представляющей собой действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям и операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели.

Неразрывную связь индивидуальной жизнедеятельности человека с историческим процессом развития общества, разделением общественного труда и социальных функций, которые находятся в противоречивых отношениях, отмечает российский социолог и философ И.С. Кон: «Социальное и индивидуальное, вещное и личное, детерминизм и свобода – диалектические противоположности, которые одновременно отрицают и предполагают друг друга»⁸². Кон считает, что деятельностная сущность человека, связанная с выведением на передний план таких качеств, как свобода выбора, осмысление и переживание критических ситуаций, самоосуществление, ответственность, способность идти на риск и т.д., привносит определенные трудности в описание жизненного мира,. Это связано с тем, что науки о человеке и обществе опираются, прежде всего, на объективную реальность, объясняющуюся

⁸¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 82.

⁸² Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. С. 24.

объективными методами, а человеческое «Я» представляет собой, как правило, особый субъективный мир.

Решение озвученной проблемы И.С. Кон видит в историко-эволюционном подходе к личности, основанном на глубокой взаимосвязи биологического и социального, выраженного в определенной стадийности процесса ее становления: «особь – социальный индивид – личность», где каждому этапу соответствует конкретный тип самосознания: «У человека индивидуально-природные различия дополняются различными социальными, обусловленными общественным разделением труда и дифференциацией социальных функций, а на определенном этапе общественного развития – также и различиями индивидуально-личностными»⁸³. Важную роль при этом играет осознание значимости, социальной и личной ценности индивидуальных различий и связанную с этим автономизацию индивидов, которую И.С. Кон называет «персонализацией», а личность должна рассматриваться не как объект, а как субъект – активно-творческое начало деятельности.

Но наиболее последовательно примат социального над биологическим рассматривает известный отечественный философ советского Эвальд Васильевич Ильенков, согласно которому сознание человека как специфицирующее его свойство формируется в процессе деятельности, существует в деятельности и всегда выступает как продукт и форма человеческого труда, целенаправленного преобразования природы и общественных отношений. Идеальный образ как содержание сознания предшествует материальному предмету, который человек производит в процессе своей деятельности, без него он не может осуществлять обмен веществ с природой и оперировать вещами: «Идеальное есть только там, где есть индивид, совершающий свою деятельность в формах, заданных ему предшествующим развитием человечества. Наличием идеального плана

⁸³Там же. С. 39.

деятельности человек и отличается от животного»⁸⁴. Принципиальное отличие деятельности человека от деятельности животного заключается в том, что формы этой деятельности не наследуются вместе с анатомической организацией тела, а передаются через формы предметов, созданных человеком для человека. Идеальное, таким образом, превращается в особый процесс или особый предмет, не совпадающий с предметным формированием природы: «Человек, и только человек, перестает «сливаться» с формой своей жизнедеятельности, он отделяет ее от себя и, ставя перед собой, превращает в представление»⁸⁵.

Философская дискуссия относительно проблемы идеального (то есть сознания, а следовательно, и понимания сущности человека) разыгралась на переломе 60–70-х годов XX века на страницах журнала «Вопросы философии». Оппонентами выступали Э.В. Ильенков и Д.И. Дубровский, который связывал сознание с индивидуальной психикой, с нейрофизиологическими процессами в человеческом мозге. Каждый человек, согласно Дубровскому, рождается с генетически уникальной нейронной структурой мозга, которая развивается в «типовой» для данной группы индивидов социальной среде, в которой проявляются запрограммированные в генетике мозга индивидуальные особенности психики и личности, Ильенков придерживался противоположной позиции: «Психологические» определения человека имеют свою действительность, свое бытие, но не в системе нейродинамических структур головного мозга, а в более сложной и широкой системе – системе отношений человека к человеку, опосредованной вещами, созданными для человека»⁸⁶. И в конце-концов заключает: «Все без исключения специфически человеческие функции мозга и обеспечивающие их структуры на сто процентов, а не на девяносто процентов и даже не на девяносто девять процентов определяются, а

⁸⁴Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. С. 201.

⁸⁵Там же. С. 203.

⁸⁶Ильенков Э.В. Психика и мозг: Ответ Д.И. Дубровскому // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 150.

стало быть, и объясняются исключительно способами активной деятельности человека как существа социального, а не естественно-природного»⁸⁷.

В то время правота Ильенкова представлялась непоколебимой, но сегодня становится ясно, что соотношение биологического и социального складывается более тонким образом. Сам Ильенков категорически отрицал даже малейшие намеки на возможность вмешиваться в природу человека средствами биомедицины, но в наше время, когда достоверность теоретических позиций подвергается непосредственной проверке биомедицинской практикой, приверженность установкам социоцентризма ведет к парадоксальным выводам: если развивать то положение социоцентризма, что природа человека полностью детерминирована культурой, то придется согласиться с тем, что организм человека тоже подвержен пересозданию вместе с совершенствованием технологий⁸⁸, то есть в итоге признать в позиции биоцентристов определенную долю истины.

Б.Г. Юдин считает противостояние биоцентристов и социоцентристов основанным на расхождении двух ценностных установок в отношении к природе человека: естественной и искусственной. Так, естественная установка «отражает ценности сохранения и акцентирует необходимость оберегать, защищать существующий порядок вещей, который может быть легко разрушен нашими грубыми и неразумными действиями... Согласно другой установке, мы можем ставить свои интересы выше императивов сохранения окружающей среды (и не только окружающей, но и нашей собственной)»⁸⁹. Но какой установки следует придерживаться, и как именно? Тут остается неясность.

Обобщая содержание первого параграфа, следует заметить следующее. На первый взгляд, складывается логически убедительная теоретическая сетка с

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 40.

⁸⁹ Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 13–14.

выделением полюсов *социоцентристы – биоцентристы, биолибералы – биоконсерваторы*. Однако применительно к биомедицине она оказывается малопродуктивной, поскольку ни одна из обозначенных позиций не содержит в себе искомым критериев для выбора того или иного образа действий в конкретных ситуациях. Более того, сохранение этой системы в сложившемся виде, без ее дальнейшего уточнения, только усложняет и запутывает истинное понимание вещей: ведь если развивать то положение сторонников социоцентризма, что природа человека детерминирована культурой, то придется согласиться с тем, что организм человека тоже должен пересоздаваться вместе с ней по ходу совершенствования технологий⁹⁰, то есть в итоге признать правоту биолибералов, сторонников биоцентризма и апологетов трансгуманизма. По-прежнему сохраняется неопределенность, а вместе с ней и согласие со сложившимся ходом вещей, признание предопределенности дальнейшей эволюции человека по линии биотехнологической трансформации: «Биологически за этот период он заметно измениться не может, а вот симбиоз с новыми технологиями способен преобразовать его радикально.<...> Трансформация только начинается, она затрагивает каждого в разной степени»⁹¹.

Таким образом, в обозначенных дискуссионных плоскостях проблема внедрения биомедицинских технологий в практику не находит продуктивного решения. Обозначенная система подходов и выражающая её теоретическая сетка представляют собой не более чем первичную теоретическую разметку для онтогносеологического анализа. Философская рефлексия на данном этапе не достигает необходимого уровня, поскольку понимание человека – главного предмета биомедицины – во всех случаях остается односторонним (либо «да» – либо «нет», либо «био» – либо «социо»), что, впрочем, не отрицается и большинством упомянутых теоретиков. Для преодоления подобной

⁹⁰ Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 40.

⁹¹ Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3-17.

ограниченности, как указывает даже придерживающийся биолиберальной позиции Френсис Фукуяма, «необходимо вывести дискуссию о биотехнологии из этой поляризации. Оба подхода – полное попустительство развитию биотехнологий и попытки широкого запрета различных ее направлений – ошибочны и нереалистичны»⁹².

Поэтому с учетом обозначенных позиций в круг рассмотрения данного исследования следует включить сам феномен биомедицины в сочетании тех теоретических (ценностных) и практических (технологических) компонентов, посредством которых она сегодня реализуется в области практики и выражается в пространстве рефлектирующей на нее теории.

⁹²Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. С. 258.

1.2. Биомедицина как предмет научной концептуализации: казус биоэтики

В качестве предмета философского познания биомедицина заслуживает особого внимания уже по той причине, что она вбирает в себя новейшие достижения науки и в то же время концентрируется на проблемах человека. Само формирование феномена биомедицины связано с тем, что благодаря совершенствованию теоретического и биоинженерного знания, медицинская практика смогла преодолеть границы чувственного восприятия и на этой основе перейти от манипулирования с человеческой телесностью и психикой на *макроуровне*, как это было характерно для классической медицины и классической науки, к воздействию на *микроуровне*, предполагающему эффекты более отдаленного порядка в пространственном и временном отношении.

Современная биомедицина является наглядным примером воздействия науки на природу и общество, на жизнь людей. Расширение знаний о специфике жизненных процессов, открытия в сфере генетики, новые данные в науках о мозге, успехи в конструировании искусственного интеллекта, выращивание искусственных органов и тканей, впечатляющие результаты в плане создания новых лекарственных средств – всё это является убедительным свидетельством эффективности и огромной практической значимости новейшей биомедицинской науки.

Наука всегда была и остается ориентированной на поиск объективного, достоверного и истинного знания. Но все более очевидным становится факт, что современная наука XXI в. значительным образом отличается от науки первой половины XX в., и тем более – XVIII-XIX вв. Можно сказать, что произошел заметный переход от классической науки к неклассической (и постклассической), суть которой заключается в том, что, изучая любые объекты, ученым приходится сталкиваться с необходимостью учета специфики человеческой деятельности, в которой преобразуются эти объекты. Учёт человеческого фактора становится первостепенным при изучении, прежде

всего, биосферы, социальных процессов, биомедицины, биотехнологий и др. Всё это обостряет актуальность анализа гуманистических измерений современной науки.

Классическая наука, начавшая свое шествие с XVII в., опиралась на механистическую картину мира, а основополагающие взгляды базировались на идее о единстве мегамира, макромира и микромира. Важной характеристикой классической науки является стремление направлять основное внимание на устойчивые, неизменные состояния объектов природы, на обратимые процессы в ней, которые приводят лишь к количественным, а не качественным преобразованиям.

Неклассическая наука, появившаяся на рубеже XIX-XX вв., характеризуется принципиально иным представлением о роли случайного в природе, объекте как нерасчлененной целостности и, конечно же, позиции наблюдателя. При данных обстоятельствах основной акцент уже делается на отстраненности наблюдателя от объекта наблюдения и возможности изучить систему с разных сторон. Неклассическая наука (прежде всего – квантовая физика) основывается на принципе ограничения возможности наблюдателя быть отстраненным (отчужденным) зрителем. Параллельно с разработкой квантовой механики возникла существенная проблема при объяснении природных явлений. В подтверждение сказанному можно привести высказывание немецкого физика-теоретика и одного из создателей квантовой механики XX в. Макса Борна: «Предполагается, что внешний мир – объект естествознания, с одной стороны, и мы – наблюдающие, мыслящие и вычисляющие субъекты, с другой, полностью отделены друг от друга, что существует способ исследовать явления, не вмешиваясь в их течение. Такова философия науки, при которой выросли мы, люди старого поколения... нужно

говорить о состоянии объективного мира при условии, что это состояние зависит от того, что делает наблюдатель»⁹³.

Постнеклассическая новая наука формируется в настоящее время, основанная на эволюционном подходе в исследовании и описании материальных систем. Современная научная картина мира имеет главную особенность в том, что она включает в процесс познания самого человека, а также достижения его деятельности. Изменение положения человека в новой социокультурной научной реальности ставит открытым вопрос о создании неких этических регулятивов научных достижений, основанных на базовых духовных ценностях.

Нужно отметить, что духовные ценности, безусловно, не являются чем-то неизменным, догматическим или незыблемым. Техногенная цивилизация открывает новую зону риска для человека, и поэтому, не изменяя базисную систему ценностей современного техногенного общества, нельзя будет найти оптимального решения в критических вопросах, таких как, например, преобразование и переконструирование биологической природы человека с помощью новейших технологий. Эта идея проходит «красной» нитью в научном творчестве советского и российского философа Вячеслава Семеновича Стёпина: «Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее ценностных регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, третьему, по отношению к традиционалистскому и техногенному»⁹⁴. И эти изменения, считает В.С. Стёпин, уже происходят, и доказательством тому является осуществляемый в настоящее время философский анализ базисных ценностей техногенной цивилизации, точек

⁹³Борн М. Размышления и воспоминания физика: сборник статей; отв. ред. Э.И. Чудинов, пер. с англ.; сост. У.И. Франкфурт; Академия наук СССР. М.: Наука, 1977. С. 81.

⁹⁴Стёпин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 22.

роста новых ценностей, выяснение новых смыслов мировоззренческих универсалий и стратегий развития.

Логика рассуждений В.С. Стёпина очевидна: природа в техногенном обществе понимается как упорядоченная и закономерно устроенная структура, где разумный человек познает ее законы для тотального покорения и постановки ее в услужение. Но техническая цивилизация таит в себе целый ряд гипотетических опасностей, и одна из них непосредственно связана с возникновением проблемы «сохранения человеческой личности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих всесторонних процессов отчуждения. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис. Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и очевидно ухудшающие ее»⁹⁵.

Неоспоримым фактом признается реальная опасность разрушения биогенетической основы, являющейся предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, обладающей знаниями, убеждениями, нормами, ценностными ориентациями и др. В.С. Стёпин заявляет о неминуемой угрозе существования человеческой телесности как результата миллионов лет биологической эволюции, которую начинают искажать техника и технологии.

Конечно, «блага» техногенной цивилизации налицо: значительное увеличение продолжительности жизни, победа над смертельными болезнями, повышение комфортности жизни и т.п. Но эти «достижения» имеют и обратную сторону: перестает работать естественный отбор, появляются новые

⁹⁵ Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 31.

болезни, что ведет к физическому ослаблению и психической неустойчивости организма человека. И как следствие – ухудшение всего генофонда, имеющее необратимые и разрушительные последствия. Выход из этой сложной ситуации В.С. Стёпин видит не в отказе от научно-технического прогресса, а в придании ему гуманистических свойств, что, вполне вероятно, может способствовать формированию нового типа научной рациональности, которая включала бы в себя гуманистические ориентиры и ценности. Также необходим пересмотр старого потребительского отношения к природе и создание новых идеалов человеческой деятельности и нового понимания перспектив человека⁹⁶.

В.С. Стёпин подчеркивает, что различия в понимании природы в традиционном и техногенном обществе играют ключевую роль для понимания истинного положения самого человека в мире. При этих обстоятельствах научно-технический прогресс вступил уже в такую фазу своего развития, что требуются радикальные изменения взаимоотношений человека и техники с тем, чтобы не только обеспечить приспособление техники к человеку, но и сформировать способности самого человека изменяться с развитием техники и технологий.

Несомненно, что новые возможности появляются для человека со вступлением науки в «век» биомедицины и биотехнологий. Наука стала все более активно переключаться на человека и касаться изменений в его биологической природе, что не может не вызывать серьезных опасений в обществе и научной среде. Поэтому остро встает вопрос относительно этической стороны современной науки, прежде всего, биомедицины.

Доводы о важных преобразованиях у В.С. Стёпина касаются относительно формирующейся в настоящее время постнеклассической науки, которая должна при описании познавательных ситуаций значительно расширить набор признаков, существенно характеризующих познающий

⁹⁶ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Указ. соч. С. 34-35.

субъект, который должен иметь как глубокие профессиональные знания, умение усвоить этос науки⁹⁷ (установку на поиск истины и мотивацию на рост истинного знания), умение опираться на неклассические принципы исследования объекта, так и не способность забывать относительно рефлексии ценностных основ научной деятельности. Особенность этой рефлексии является проведение параллелей между принципами научного этоса с социальными ценностями, представленными гуманистическими идеалами, а также формирование дополнительных этических обязательств при изучении и технологическом освоении сложных человекообразных систем⁹⁸.

Поставленная проблема человекообразности приводит к многочисленным аллюзиям, что требует всесторонне полного разъяснения. Так, В.С. Стёпин, выделяя в постнеклассической науке особый тип исторических систем – человекообразных, включающих человека и требующих осторожного отношения, не допускающего свободного экспериментирования, говорит о том, что, работая с такими системами, исследователям обязательно необходимо решать проблемы этического характера, поиска ценностных ориентиров и методологических оснований. Таковыми системами, по его мнению, являются: объекты современных биотехнологии (генной инженерии), медико-биологических структур, человеко-машинных систем, биосферных, социальных и др. Ценность и важность методологических исследований исторически развивающихся человекообразных систем заключается в тенденции к интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания⁹⁹.

⁹⁷Понятие «этоса науки» подробно рассмотрено американским философом и социологом Робертом Мертоном, под которым он понимает: «аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений. Они легитимизируются в терминах институциональных ценностей» (Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой, В.Н. Николаева и др. М.: АСТ: АСТМОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 769. 873 с.).

⁹⁸Стёпин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 73.

⁹⁹Стёпин В.С. Там же.

Необходимо уточнить, что само понятие «человекоразмерность» в отечественную философию было введено Михаилом Константиновичем Петровым в тезисах, написанных в июне 1980 г., которую он понимает как «Сумму ограничений, которую человек как существо естественное (суточные и биологические ритмы, движение по возрастным группам, универсалии общения и взаимопонимания, закономерности психики, физические и ментальные возможности и ограничения) накладывает на социальные структуры коллективной жизни и деятельности...»¹⁰⁰.

Главные мысли М.К. Петрова касаются научного знания, которое по его глубокому убеждению – человекомерно, хотя в его элементах нет ничего человеческого, но каждый из них в отдельности доступен для человеческого познания лишь при условии, если они не нарушают границы человеческой вместимости. Может ли человек знать то, что находится за пределами вместимости индивида? Ответа на этот вопрос просто не существует. Анализ и описание человекомерности позволяет утверждать, что события, совершаемые в природе, могут оказаться на значительном удалении друг от друга в человеческом восприятии. При этом ученый, совершающий открытие в реальном, астрономическом времени, в социальном времени ничего не совершает, а произойдет это событие только в момент публикации результатов исследования.

Проблема человекомерности как единства и различия внутренних и внешних факторов и возможностей человека, считает М.К. Петров, особо актуальна в современном обществе, основанном на научно-технической революции, поражающей грандиозными темпами и масштабами изменений. К сожалению, несмотря на прогрессивные тенденции в развитии, происходит отстранение человеческих проблем на задний план как малозначительных и несущественных, что и приводит к негативным последствиям. В дополнение к

¹⁰⁰ Петров М.К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 108.

этому, главный объект философствования – человек все чаще стал рассматриваться как «вещь среди вещей», «машина среди машин», что отражает его изъятие из научной картины мира и человекоразмерности все чаще приходится опредмечиваться¹⁰¹.

Умозаключения М.К. Петрова убеждают нас в целесообразности того, что «пора уже заговорить и об охране природы человеческой, о защите человека от многообразных по типу и источнику загрязнений, вызываемых и технологическими применениями науки, и простой беззаботностью и неосведомленностью людей, в фрагменты деятельности которых как раз и входит ответственность за разумное использование человека в мире предметной деятельности»¹⁰². Выводы напрашиваются сами: человек должен сохранить в себе все человеческое, а значит, и свою биосоциальную сущность, творческую и уникальную природу и очень осторожно относиться к любым возможным изменениям.

Для реального понимания размерности человека, его сущности, крайне важным является решение вопроса о происхождении человека и его месте в этом мире. Поэтому проблему человекоразмерности можно экстраполировать на известный в современной науке антропный (антропологический) принцип, имеющий две основные формулировки (слабую и сильную). Первая версия – слабый антропный принцип содержательно раскрыт английским физиком-теоретиком и космологом Стивеном Хокингом (1942–2018) в популярной книге «Краткая история времени», где он утверждает, что «во Вселенной, которая велика или бесконечна, условия для развития разумной жизни возникнут только в определенных районах, ограниченных во времени и пространстве. Поэтому разумные существа в этих районах не должны удивляться, что в их части Вселенной условия как раз те, которые необходимы для их

¹⁰¹Петров М.К. Указ. соч. С. 117.

¹⁰²Петров М.К. Указ. соч. Там же.

существования»¹⁰³. Слабый антропный принцип говорит о том, что появление земного наблюдателя – простая случайность.

Другая версия антропного принципа именуется сильным антропным принципом. С. Хокинг определяет его так: «В соответствии с этой теорией, имеются либо многие различные Вселенные, либо различные районы в пределах одной Вселенной, каждый со своей начальной конфигурацией и со своим собственным набором законов науки. В большинстве этих районов условия, не подходящие для развития сильных организмов. Лишь в одной Вселенной (или нескольких?), подобных нашей, разумная жизнь разовьется и задаст вопрос: «Почему Вселенная такова, какова, она есть?» Ответ прост: “Потому что, если бы Вселенная была другой, некому было бы задавать такие вопросы!”»¹⁰⁴.

В трактовках сильного принципа проявляются две противостоящие линии. С одной стороны, этот принцип рассматривается с позиций стохастичности природных процессов, что вынуждает вводить предположение о множественном рождении Вселенных, в каждой из которых случайным образом реализуется произвольный набор физических постоянных и физических законов. С другой стороны, выдвигается предположение о самореализации единственной Вселенной, однако и в этом случае возникает ряд новых проблем: если «тонкая подстройка» изначально заложена во Вселенной, то линия ее последующего развития в основном predetermined, а появление наблюдателя на соответствующем этапе неизбежно.

Оба эти постулата не предполагают существования божественного творца и поэтому оказывают заметное влияние на многие науки о человеке: биологию, физиологию, антропологию, психологию, медицину и др. Антропный принцип – пример того, как эти науки поднимают самые фундаментальные

103 Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н. Смородинской. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. С. 176.

104 Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные / Пер. с англ. М. Кононова. СПб.: Амфора, 2001. С. 163.

мировоззренческие вопросы. Это одна из областей, где недостаточность знания существует принципиально – она обусловлена ограниченностью реальных возможностей науки, и, с другой стороны, бесконечностью познаваемого материального мира. В таких областях большое значение приобретают вненаучные факторы, например, нравственно-этические принципы или эстетические предпочтения – чем и можно объяснить появление антропного принципа, который как бы уводит рассмотрение проблем эволюции материального мира за рамки научных подходов.

Антропный принцип наглядно показывает, что происходит переход от пассивной роли человека-наблюдателя к активной, что приводит и к перестройке научного познания от акцентов, связанных с внешним миром на переход ориентиров в направлении самого человека. Человек бесспорно становится своеобразным контуром научного познания, его системой координат и точкой отсчёта, который не только открывает законы природы, но и непосредственно принимает участие в их создании. Возможно, в ближайшем будущем, одним из признаков объективности мира может стать человеческое сознание, а мир будет не открываться, а конструироваться по законам человеческой целесообразности. Поэтому антропный принцип – убедительное подтверждение того, что в научном познании мира субъективность, характеризующая различными параметрами, прежде всего - этическими, не может быть полностью устранена и должна играть определяющую роль в постижении истины.

Обобщая идеи В.С. Степина, М.К. Петрова, Р. Мертона, С. Хокинга можно сделать вывод, что этос науки помимо постижения истинных достоверных знаний также должен включать в себя и ценности гуманистического характера. Необходимо введение учета человеческого фактора в научных исследованиях.

Эта совершенно новая ситуация в представлении о мире и месте человека в нем, которая сегодня ставит вопросы не только познавательного характера,

ориентирующегося на достижение объективной истины, но и нравственно-социальной ответственности учёного, по-новому заставляет осмыслить проблемы этики науки. В современном обществе всё более проявляется ценностная ориентация научного познания и её социальное выражение. Наука, прогрессируя ускоренными темпами, всегда развивалась параллельно с развитием общества и разворачивающейся глобализацией, усиливающейся дифференциацией и интеграцией между различными странами. Поэтому закономерно возникает проблема формирования социального статуса науки, её влияния на человека и его жизненно важные ценности.

Среди отечественных философов во второй половине XX в. впервые о проблеме ценностного статуса науки заговорил Иван Тимофеевич Фролов. По его убеждениям «логика, методология и философия науки вступили сейчас в новую фазу своего развития, когда исследования закономерностей науки как феномена человеческой культуры выводят нас на проблематику высших гуманистических ценностей»¹⁰⁵. Человеческие «характеристики» науки, считает он, определяются не только тем, что она является формой человеческой деятельности, но и в том, что она осуществляется для самого человека, реализации его насущных потребностей. И дело здесь не только в том, что наука имеет практически-прикладную функцию, а в том, что знание, которое получает субъект, должно быть таким по своим свойствам, чтобы его могли понять и использовать другие субъекты деятельности.

Бесспорно, что реальная действительность требует нового видения изучения философских и социальных проблем научно-технического прогресса, приводящего к постановке совершенно новых задач, что нашло отражение в принятой в 1989 г. Президиумом АН СССР программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования», руководителем которой был назначен И.Т. Фролов. В общих рамках этой программы был разработан блок первоочередных задач «Человеческая ориентация научно-технического

¹⁰⁵ Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989. С. 205.

прогресса», где были обозначены следующие направления: исследование тенденций и закономерностей развития науки и техники и их влияния на духовную жизнь человека; воздействия научно-технического прогресса на социальные отношения и на развитие человека, на его интересы, идеалы и ценности; исследование интеллектуального потенциала общества, этических проблем науки, в частности, в познании человека; анализ влияния нравственных установок на познавательную деятельность ученых, гуманистических ценностей науки (проблемы истины, добра, свободы и т.д.).

Современная наука, таким образом, во все большей степени стала нуждаться в анализе не только своих мировоззренческих оснований, но и векторов гуманистической направленности. Возникает необходимость выявления отнесенности научного познания непосредственно к человеку как к субъекту и объекту науки, что с неизбежностью ведет к рассмотрению его ценностных аспектов, т.е. человеческого измерения и принципов, выступающих в форме своеобразных регулятивов, только через которые может быть определена гуманистическая, человеческая сущность культуры в целом. Именно для всестороннего изучения этих проблем, а также анализа ведущихся по ним дискуссий, важно раскрытие конкретной природы связи науки и ценностей.

Наиболее важные резюме акцентируются на идее, что наука, как особая форма человеческой деятельности, становится в настоящее время все более ориентированной на субъект этой деятельности – человеку, и из общественно отчужденной сферы все более становится «человечески измеримой», т.е. соотносимой с человеческими качествами и потребностями. Этот неизбежный и динамический процесс вполне справедливо приобретает особую коннотацию, которую можно назвать термином «гуманизация». Все эти сложные переходы и трансформации происходят благодаря повышению роли человека как субъекта научной деятельности, при возрастающей роли и технических средств. Наука, согласно критическим замечаниям И.Т. Фролова, все более основательно

вторгается как в социальную, так и в личную жизнь человека, значительно преобразуя ее, подчиняя новым, неизвестным ранее стандартам и структурам. В результате наука становится еще более зависимой от общества, но вместе с тем, эта связь все более индивидуализируется, приобретает личностный характер, при этом значительно теряя свои анонимно-отчужденные формы¹⁰⁶.

Большим достижением последних десятилетий правомерно можно считать формирование движения ученых, связанное с осуществлением более эффективного контроля за соблюдением этических и правовых норм, кодексов и соглашений, касающихся науки. Значительную роль в этом формировании начинает играть единство научных исследований и гуманистических идеалов, утверждаемое в качестве принципа и перспективы истинной науки как особого социального института общества, служащего человеку, его свободному и всестороннему развитию. Это означает, по утверждению И.Т. Фролова, что главная задача единства социальных целей научного познания и этических ценностей человечества – благо всего человечества. Такая согласованность научного исследования и гуманистических идеалов, общность социальных целей познания и этических ценностей человечества существует лишь как принцип и перспектива истинной науки¹⁰⁷.

В этом ключе крайне важно учитывать тот факт, что гармоничное соединение научного познания и гуманизма – одна из важнейших проблем для современного развития общества, которая, к сожалению, не имеет других альтернатив. Осознание этого важного факта позволяет лучше оценить научное исследование и его результаты в этическом плане и при этом преодолеть опасный для человечества этический релятивизм и нигилизм, т.е. апеллирование к «неотвратимости» познания как высшей форме человеческой природы, самодостаточному источнику этических ценностей науки¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Фролов И.Т. Указ. соч. С. 218.

¹⁰⁷ Фролов И.Т. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁸ Там же. С. 221.

В период классического развития науки, представление об объективности научного познания как высшей ценности и единственного источника истины, формирующее сциентистский подход к изучению реальности, исключало, как правило, необходимость внешней – социальной и этической оценки знания. Поэтому вполне закономерно, что в это время ни о какой связи этики и науки не могло быть и речи, т.к. этика не считалась объективной формой культуры, а значит, ей не было места в сфере научного знания. Этическая оценка научного знания в это время считалась бесполезной и ненужной. При этом даже утверждения Сократа о совпадении подлинной мудрости (знания) и подлинной добродетели (нравственности) и убеждения И. Канта, ограничивающие знание и дающие место вере (моральному принципу), не смогли изменить ситуацию к лучшему.

И только динамические события научно-технической революции XX в. и разворачивание научно-технического прогресса заставили многих ученых осознать новую социальную и этическую ситуацию, в которой они оказались. Закономерно и последовательно начинают формироваться установки, что наука не может развиваться изолированно, вне связи с этикой, нравственными принципами и убеждениями. Сциентизм как приверженность культу науки и объективности, постепенно начинает терять свои высокие позиции и все более возрастает социальная ответственность ученых, роль нравственного, этического начала в науке. Но вместе с тем растет понимание и того, что сама по себе этика познания, этика науки не может дать ученым надежный ориентир, позволяющий выбрать правильное направление в поиске истины, а также гарантии соблюдения критериев научности.

Этика науки, с точки зрения И.Т. Фролова, не может выполнять роль этического кодекса, в широком смысле этого слова, т.к. сама существенно зависит от социально-экономических, социально-политических, этических, моральных факторов и ценностей, имеющих всегда конкретно-исторический характер и определяющих развитие науки как социального института

современного общества. И крайне важное утверждение философа – этика науки не может быть самодостаточной и высшей ценностью, основой всех других ценностей, т.к. объективная истина, являющаяся целью научного познания – всегда относительна и конкретна, а ее основной критерий – человеческая практика¹⁰⁹.

Говоря о будущем науки, И.Т. Фролов связывает его с человеком и обществом, где именно научное познание создает новую исследовательскую ситуацию, когда «человек рассматривается в системе научно-технического прогресса уже не только как его субъект или объект, но в их диалектическом взаимодействии»¹¹⁰. Диалектическое противоречие этих двух сторон единого процесса – субъектно-объектных человеческих отношений в ореоле научно-технического прогресса составляет основу нового видения проблемы, где не только человек влияет на развитие науки, но и её достижения оказывают существенное воздействие на человека (как положительные, так и отрицательные).

Подведя итог размышлениям И.Т. Фролова об отношениях науки и этики, можно с уверенностью сказать, что наиболее актуальными проблемами современной науки являются те, которые носят этический характер и которые не могут быть решены только исходя из логики и этики самого научного познания. Существующие в науке и философии подходы к проблеме человека не соответствуют объективной реальности, они, можно сказать, отстали от жизни. Реальность культуры порождает такие горизонты, которые уже не отслеживаются в рамках прежних методов, использующихся в рамках классической версии науки. Становится вполне очевидным, что необходимо формирование глубокой взаимосвязи научного познания с гуманистическими идеалами и морально-этическими ценностями всего общества как целого.

¹⁰⁹Фролов И.Т. Указ. соч. С. 222.

¹¹⁰Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. С. 141.

К сожалению, И.Т. Фролов, как апологет классической науки, не дает конкретного решения проблемы конвергенции научного познания и этики, в его концепции человек, наука и этика рассматриваются довольно абстрактно, без существенных количественно-качественных изменений. Поэтому в последнее время актуальным становится вопрос о существенных преобразованиях физической и социальной природы человека в ходе научно-технического прогресса, периоде роста и развития науки. Безусловно, что наука и техника являются величайшими достижениями человечества и выражением человеческого разума, реализацией творческого потенциала и жизненных потребностей.

В совместной книге И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина изданной еще в 1986 г. «Этика науки» авторы утверждают, что наука уже сама по себе обладает достаточным теоретическим потенциалом для того, чтобы самостоятельно осуществлять эффективное этическое регулирование. Исходя из их убеждений следует, что «если познавательная деятельность есть деятельность целенаправленная и целеосознанная, то она неизбежно приобретает и нравственно-этическое содержание»¹¹¹. При этом он считает, что неважно как происходит осознание цели – в результате обращения к логике развития науки или на основе потребностей общества – «главное, что акт познания погружается тем самым в ценностно заряженную, а не ценностно нейтральную атмосферу. Человеческие характеристики научного познания выражаются не только в том, что оно осуществляется человеком, но и в том, что оно осуществляется для человека»¹¹².

Необходимо подчеркнуть, что основной сферой возникающих при этом проблем, согласно Б.Г. Юдину, становится биомедицина, сосредоточивающая в себе новейшие достижения научного познания и одновременно сосредоточенная на человеке: «И в той мере, в какой на нем начинает

¹¹¹ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986. С. 64.

¹¹² Там же. С. 64-65.

концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, возрастает риск и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты человека, ради которого осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий того же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них»¹¹³. А раз так, то «научный поиск вполне может, а во многих случаях и должен руководствоваться, помимо всего другого, моральными критериями и этическими оценками»¹¹⁴. Таким образом, непосредственное воздействие этических норм на научное познание и практика этического регулирования в настоящее время становится условием функционирования науки.

Вернемся к тем трудам Б.Г. Юдина, в которых он принимал активное участие, обсуждая вопросы, связанные с этосом науки, определением характера этики научного познания, выделяя два направления: внешнюю и внутреннюю этику науки. Уделяя основное внимание обсуждению проблем, порождаемых преимущественно результатами научных исследований (внешняя этика науки), Б.Г. Юдин неоднократно повторяет, что они должны проводиться не только с точки зрения выгоды, но и с позиции общечеловеческого блага. Он пытается предостеречь ученых от ошибок, констатируя: «Пределы нашего вмешательства в жизненные процессы и функции определяется не только расширяющимися научно-техническими возможностями, но и нашими представлениями о том, что есть человек, а значит и о том, какие действия и процедуры по отношению к нему допустимы, а какие – неприемлемы»¹¹⁵. Именно устанавливая эти пределы, человек своими решениями и дает

¹¹³ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Указ. соч. С. 61.

¹¹⁴ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Указ. соч. С. 64.

¹¹⁵ Юдин Б.Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 240. С. 225-242.

определение самого себя посредством допустимых или недопустимых вмешательств в жизнь людей.

Достижения современной биомедицины представляют собой самые неожиданные эксперименты по инвазивному вмешательству в организм человека. И это означает наглядность самоочевидного – тот вариант ценностного статуса науки, в рамках которого, как предполагалось, открывается возможность осуществлять целенаправленное этическое регулирование её достижений, не оправдывает возлагавшихся на него надежд.

За этот период в качестве особой отрасли научно-философского познания окончательно оформилась философия науки; в ее рамках в статусе особой философской дисциплины выделилась этика науки, исследующая такие проблемы, как ценности научного познания, социальная ответственность ученого, этическое регулирование внедрения научных достижений в практику и т.д. Но главное, сформировалась биоэтика – специфическая научно-философская форма рефлексии на достижения биомедицины. Всего за два-три десятилетия она прошла путь от преимущественно теоретической дисциплины до полноценного социального института, представленного собственными образовательной, организационной и издательской подсистемами, и претендующего в этом качестве на всеохватное этико-юридическое регулирование всех соотносящихся с биомедициной сфер, включая практическое здравоохранение. В этом образе биомедицина предстала своеобразным гарантом социальной состоятельности всей современной науки, удостоверяющим её положительный ценностный статус.

И, тем не менее, в течение этого же периода по отношению к биоэтике не стихает волна критических замечаний, справедливость которых хотя бы отчасти трудно не признать. Суть их сводится к тому, что воздействие биоэтики на практику биомедицины остается недостаточно эффективным. Утверждается,

что биоэтика ограничивается «публицистическим гуманизаторством»¹¹⁶, что ее теоретический инструментарий страдает скудостью, порождая «в конечном счете, бесплодный перебор аргументов “за” или “против” (как это показывают ведущиеся много лет, но не давшие внятных ответов дискуссии по поводу эвтаназии, аборт, стволовых клеток и пр.)»¹¹⁷, что «вместо анализа и критики безответственного применения технических достижений к человеку, вместо главного для нее лозунга: не всё, что технически возможно, следует осуществлять, она примеряет на себя роль их “гуманитарного сопровождения”»¹¹⁸. Даже Фрэнсис Фукуяма, один из наиболее авторитетных теоретиков в области философии медицины, заявляя о неизбежности творимого технаукой «постчеловеческого будущего», признаёт, что «многие специалисты по биоэтике превратились в изошренных (не всегда логичных) оправдывателей всего, что хочет научное сообщество <...> В любой дискуссии по клонированию человека, исследованию стволовых клеток и генной инженерии зародышевых путей именно профессиональный специалист по биоэтике придерживается обычно самых разрешительных взглядов»¹¹⁹.

Всё это свидетельствует о том, что с ценностным статусом современной науки, в рамках которой взаимодействуют биомедицина и биоэтика, дело обстоит не столь благополучно, как представляется на первый взгляд. Выражается это в том, что даже гуманистически настроенные теоретики вынуждены признать: сугубо естественнонаучный и технический подход преобладает над всеми другими подходами, включая философский и общегуманитарный¹²⁰. Чем и объясняется то обстоятельство, что по мере того,

¹¹⁶ Михайлов Ф.Т. О медицине... / Ф.Т. Михайлов // Избранное. М.: Индрик, 2001. С. 590.

¹¹⁷ Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек. 2020. №1. С. 49.

¹¹⁸ Кутырев В.А. Философия медицина антропологических катастроф / В.А. Кутырев // Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб, 2018. С. 508.

¹¹⁹ Фукуяма Фрэнсис. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2008. С. 288.

¹²⁰ См.: Юдин Б.Г. и др. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 2. С. 6-41; № 3. С. 2-25.

как перспектива «переструктурирования человека» обретает конкретные черты¹²¹, в теоретической сфере всё более явственно проявляется неспособность сформулировать как весомые аргументы в пользу радикальной трансформации человеческого естества, так и убедительные контраргументы в пользу сохранения его неизменности¹²². Закономерно, что на этом фоне ученые-естественники с фаталистической отрешенностью рассуждают о перспективах технической трансформации человека («биологически за этот период он заметно измениться не может, а вот симбиоз с новыми технологиями способен преобразовать его радикально»¹²³), а философы ограничиваются пассивной констатацией угроз, порождаемых прогрессом биотехнологий («это не просто новый этап технологического развития, но и разрушение жизненного мира человека, а точнее, тех инвариантов этого мира, которые делают человека человеком»¹²⁴). Можно ли в этом случае говорить об эффективности этического регулирования биомедицины?

Итогом складывающейся подобным образом тенденции является факт и самого возникновения феномена трансгуманизма, и почти мгновенного по историческим меркам превращения его в социальный проект, нацеленный на радикальную трансформацию человека за пределами тех его морфологических и функциональных характеристик, которые сложились в ходе природной эволюции и которые до сих пор воспринимаются в качестве естественных, обычных, нормальных¹²⁵. Такие представители трансгуманизма, как Клаус Шваб, Раймонд Курцвэйл, Михаил Эпштейн и др. заявляют о неизбежности

¹²¹ Эде Й. Ван Ден. Где же человек? О дебатах по поводу его улучшения (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН /отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 221.

¹²² Кожуховская А.А. Современная биомедицина в свете философской рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2020. № 8. С. 63-68.

¹²³ Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3.

¹²⁴ Конвергенция биологических, нано-, информационных и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3.

¹²⁵ Рыбин В.А. Трансгуманизм // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 77.

грядущей нейротехнологической трансформации человеческого естества¹²⁶, о выходе за прежние пределы человеческого существования, вплоть до обретения бессмертия в техническом воплощении¹²⁷, о необходимости рассматривать человека в его нынешнем образе как исчезающий вид, на место которого надлежит поставить терминатора, киборга, человека-робота¹²⁸.

Проблема трансгуманизма ставит перед нами задачу найти пути решения регулирования биомедицинских технологий. Биомедицина демонстрирует нам, как именно наука воздействует на человека, и это в свою очередь способствует ответу на вопрос о статусе науки в целостной системе культуры, целях, возможностях и пределах научного познания по отношению к природе, обществу и самому человеку. В свете данной проблематики особый интерес представляет сопоставление взглядов двух отечественных философов Бориса Григорьевича Юдина (1943–2017) и Николая Николаевича Трубникова (1929–1983) по поводу ценностных аспектов функционирования науки, поскольку подобный подход позволяет рассмотреть возникающие при этом вопросы с определенной исторической дистанции.

Определение ценностного статуса науки неизменно оставалось для Б.Г. Юдина основным направлением исследований на протяжении многих лет, но наиболее значимые работы в этой области были написаны им в первые десятилетия XXI в., в период активного участия в процессе становления в России социального института биоэтики и руководства академическим научно-философским журналом «Человек». В этих работах Б.Г. Юдин постоянно подчеркивал, что на переломе XX-XXI вв. наука набирает новые обороты – возникает технонаука, ориентированная на быстрое техническое приложение и создающая возможность не только исследовать и лечить человека, как установлено ранее, но конструировать и даже реконструировать его

¹²⁶ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019. С. 265-266.

¹²⁷ Эст Р., ван. Интимные технологии: битва за наши тела и поведение(Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / Отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 215.

¹²⁸ Эпштейн М. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: НЛО, 2017. С. 48.

биологический организм: «Такого не было еще 20–30 лет назад, когда обсуждалось главным образом опосредованное воздействие научно-технического прогресса на человека»¹²⁹.

Наука как часть культуры может эффективно функционировать, считает Б.Г. Юдин, только в целостной системе форм общественного сознания и базовых ценностей. Имея разные источники и основания с моралью, научная деятельность всегда сталкивается с необходимостью учета нравственных последствий своих поисков и открытий. И это, прежде всего, касается биомедицинских исследований и технологий. В данном случае, в высказываниях Б.Г. Юдина, как одного из наиболее авторитетных сторонников «ценностного подхода» в науке, мы видим серьёзную озабоченность по поводу активного внедрения в практику современных биотехнологий и медицинских инноваций: «Даже учитывая все многочисленные несовершенства рода человеческого, мы, тем не менее, должны с чрезвычайной осторожностью относиться к проектам его биотехнологической (как, впрочем, и всякой иной) переделки... Технологическое могущество современного человека столь велико, что его возможностям радикально воздействовать на собственное будущее стоит относиться со всей серьёзностью»¹³⁰. Решением данной проблемы способны, по его мнению, служить основательные и серьёзные дискуссии (в том числе междисциплинарного характера), а главное, создание в исследовательских и лечебных учреждениях комитетов этики и биоэтики, которые и должны контролировать темпы и масштаб внедрения биотехнологий. При этом, несомненно, основополагающую роль в обосновании биомедицины должен сыграть философский дискурс, опирающийся, прежде всего, на логические конструкции, объективные доказательства, строгий понятийно-

¹²⁹ Юдин Б.Г. Этика науки // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Б.Г. Юдина / Отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 27.

¹³⁰ Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 17.

категориальный аппарат, критический, всесторонний анализ и ценностный подход.

Теоретическим прообразом данной установки, по мнению Б.Г. Юдина, является биоэтика, в рамках которой, с опорой на ее восходящие к философии теоретические конструкции, в ходе междисциплинарных дискуссий и будет осуществляться ценностный подход к достижениям науки с последующим выходом на практически значимые решения в области биомедико-этической проблематики. Для этого в исследовательских и лечебных учреждениях существует необходимость создания комитетов этики и биоэтики, призванных уже реально, в административном и юридическом порядке, контролировать темпы и масштаб внедрения биотехнологий. Это в итоге позволит науке не только активно развиваться, не только сохранять свой статус высшего арбитра истины, но и брать на себя ответственность за все последствия внедрения своих достижений в практику.

Таким образом, Б.Г. Юдин в своих рефлексивных концептуальных построениях относительно отношений науки и нравственности делает акцент на их глубокой взаимосвязи и приходит к выводу, что научное познание по своей природе уже содержит нравственную компоненту. Его умозаключения позволяют говорить о высшем статусе науки в системе духовной культуры, который дает ей возможность не только активно и стремительно развиваться, но и быть ответственной за все социальные последствия ее достижений и открытий. Затрагивая проблемы биомедицины, он утверждает, что наука и в будущем сможет уверенно поддерживать свой нынешний статус ведущего социального института современной культуры, поскольку она обладает возможностью решать возникающие при этом этические проблемы за счет своего собственного потенциала.

Работы Н.Н. Трубникова, посвященные осмыслению ценностного статуса науки, относятся к 70-м и 80-м гг. прошлого века, то есть к несколько более раннему, нежели у Б.Г. Юдина, историческому периоду. Проблема

взаимоотношений науки и общественной морали находится также и в центре внимания Н.Н. Трубникова, который в заочной полемике с Б.Г. Юдиным остро реагирует на любые попытки поставить науку на высший пьедестал почета среди форм духовной культуры и задается вопросом: «Нравственна ли вообще наука?». Он убежден, что наука не является высшей инстанцией человеческого духа, а «научное» и «нравственное» занимают различные и даже нередко противоположные позиции. Оправдание существования науки, по его мнению, связано со служением, прежде всего, благу людей: «Если она этого не делает, она не нужна. Если она делает не это, она вредна. И каким бы чистым ни казался ее интерес к истине, если этот интерес не имеет конечной цели блага людей, он есть интерес к падали или рано или поздно превращается в таковой»¹³¹. Разумеется, что целью науки является достижение истины, что хорошо для блага людей. Однако различие истины и заблуждения (а это плохо для блага людей) может быть существенно в том случае, когда оно есть одновременно и различие добра и зла. А «эту оценку наука никогда не находит в своей собственной сфере. Совсем, напротив, она всегда получает ее извне»¹³².

В современную эпоху значение ценностей и смыслов, не входящих в сферу собственно научных интересов, но благодаря науке, наделяемых силой и властью, еще больше возрастает. При этом в сочетании «знание – сила» акцент все больше делается на «силе», порой в ущерб «знанию». Как пишет Н.Н. Трубников: «Сегодня наука ищет уже не столько истинного, сколько достоверного и конструктивного знания. Однако, как бы там ни было, в какой бы форме мы ни принимали то, что в классической философии называлось истиной и заблуждением, эти определения лишь извне получают определения добра и зла. И когда с точки зрения этого требования извне нужна не истина, а что-либо другое, более конструктивное или эффективное, то именно это

¹³¹ Трубников Н.Н. Наука и нравственность (О духовном кризисе европейской культуры) // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 283.

¹³² Там же. С. 284.

“другое” будет хорошим, тогда как все, выходящее за эти пределы, будь то какая-то идеальная истина или простое заблуждение, равным образом будет плохим»¹³³.

Очевидно, что Н.Н. Трубников имел в виду сугубо позитивистское мировоззрение, в рамках которого технический прогресс во всех его направлениях и проявлениях, независимо от издержек, признается за безусловное и неоспоримое благо. Но свою работу он писал несколько десятилетий назад, и за это время ситуация только усугубилась: как мы видели, перспектива «переконструирования человека» становится реальностью, тогда как каких-либо действенных контраргументов в целях сохранения его естества так до сих пор и не сформулировано.

Н.Н. Трубникова прежде всего занимают проблемы развития европейской науки, анализируя которую, он приходит к выводу, что научное знание при всей его строгости и всеобъемлющем характере оказалось «в условиях европейского бытия недостаточным, чтобы изыскать эффективные способы устройства человеческого мира на разумных гуманистических началах»¹³⁴. В античности научный разум рассматривался как непревзойденное благо, в Новое время он – высшая ценность, сопряженная обязательно с силой (например, высказывание Ф. Бэкона «Знание – сила»). Как потом выяснилось, научное знание не оправдало своих надежд, оно оказалось не самодостаточным, не легче, не свободнее от каких-либо вненаучных запретов, и при этом способно «уживаться не только с самыми отсталыми нравственными формами, но и с прямыми формами безнравственности и агуманизма, вплоть до фашизма, с различного рода варварством, иногда откровенным, чаще византийским изощренным, маскирующимся теми или иными, в том числе и положительно-

¹³³ Трубников Н.Н. Указ. соч. Там же.

¹³⁴ Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философского исследования. Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: ИФРАН, 1995. С. 149.

научными лозунгами»¹³⁵. Эта связь, согласно рассуждениям Н.Н. Трубникова, может быть губительной для науки, а наделенный силой знания научный разум хотя и величайшая надежда человечества, но оправдал себя, к сожалению, только технически, технологически и экономически, а не гуманистически, показав при этом нравственную беспомощность.

Поэтому, по глубокому убеждению Н.Н. Трубникова, возникает потребность в поиске гуманистических оснований, начал, принципов научного познания, которые были бы соизмеримы с общекультурными гуманистическими принципами и ценностями. «Спасение» науки и выход из сложившегося кризиса он видит, в первую очередь, как «гуманистическое пробуждение философии, выявление фундаментально гуманистических оснований знания и непосредственно научных его оснований, последовавшая за этим дифференциация принципов гуманизма и сциентизма... эта дифференциация ценностей мира, как он есть сам по себе, как он дан науке и как он дан человеку во всем объеме его жизнедеятельности...»¹³⁶.

Парадоксальным образом, именно благодаря философии, которая, во-первых, будет вынуждена пересмотреть весь свой духовный капитал и систему исходных принципов; во-вторых, взглянуть на мир не как на таковой, как он существует сам по себе, а как он дан человеку, в процессе его жизнедеятельности в целом; в-третьих, должна обрести свой взгляд на общечеловеческий, а не только научный смысл наших понятий о мире, возможно развитие современной науки. Итог рассуждений Н.Н. Трубникова о пересмотре системы ценностей европейского научного разума в поиске новых чистых методологических оснований знания и более чистых гуманистических оснований заключается в выдвижении двух форм философского разрешения кризиса науки: философии науки и философии жизни.

¹³⁵Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни. Указ. соч. С. 153.

¹³⁶ Там же. С. 155-156.

Таким образом, согласно Н.Н. Трубникову, вопрос о статусе науки и ее ограничительных критериев, во-первых, не имеет положительных результатов путем поиска ответов в самом научном знании; во-вторых, решение предлагается искать за рамками наличных форм не только науки, но и современной культуры в целом. Подходы Н.Н. Трубникова и Б.Г. Юдина в поисках регуляции науки и ее деятельности являются совершенно противоположными. Кто же прав?

Несмотря на различные взгляды философов на тему ценностного статуса науки, следует признать, что в современном обществе единственным общепринятым регулятором науки является биоэтика. Фактом того, что этот регулятор не справляется со своими функциями, является ряд полученных проблем. Первую проблему можно озвучить так: каким образом следует выстраивать разграничительную линию между тем, что на самом деле способствует оптимизации функций человеческого организма, и тем, что может стать уродованием человека под влиянием каких-то узких интересов или даже преступных замыслов (как, например, описано в романе Виктора Гюго «Человек, который смеется»)? Вторая проблема опирается на следующую идею: в арсенале культуры и в багаже науки в данный момент не имеется той идеальной модели человека, какую можно было бы использовать в качестве образца для предполагаемых вмешательств. Третья проблема вытекает из первых двух: не определена конкретная мера для тех более частных, локальных изменений человеческого естества, достижимость которых становится реальностью благодаря успехам биомедицинской науки. Как признает сам Б.Г. Юдин в статье с красноречивым названием «На пути к трансчеловеку», «когда речь заходит о радикальной модификации человека, то оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам по себе задает

для себя этот масштаб, а потому единственным, что может определять эти планы и проекты, является, наверное, человеческая фантазия»¹³⁷.

Однако, как показывает признание Б.Г. Юдина, на деле подобный вариант не содержит каких-либо конкретных критериев, которые в контексте самой жизненной практики биологии и медицины создавали бы возможность реально осуществлять заявленное взаимодействие ценностей научного познания и ценностей гуманистического порядка.

Детерминанта подобной ситуации заключается в том, что в рамках подхода, который сформировался в этике науки и закрепился в биоэтике, человек рассматривается абстрактно – как человек вообще, то есть принимается как некая величина, про которую всё уже известно и которую нет смысла далее уточнять и конкретизировать. Поле исследования представлено здесь «внешними средами поведения человека»¹³⁸, без углубления в проблему постижения его сущности. Представленный подход, безусловно, возможен и оправдан, но это лишь один из возможных вариантов, который является исторически конкретным и, следовательно, не может быть абсолютизирован: это взгляд и установка классической науки, которая «условием объективно-истинного знания считала элиминацию из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и средствам деятельности»¹³⁹.

Для классической науки человек всегда оставался фигурой умолчания, а все относящиеся к нему вопросы ценностного порядка, не решаемые посредством отнесения их к категории истины, рассматривались как недостойные внимания. Более того, подобный подход до определенного момента был закономерным и прогрессивным, поскольку избавлял

¹³⁷ Юдин Б.Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Б.Г. Юдина / Отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 347.

¹³⁸ Носов Н.А. Психологическая диагностика в системе образования: Круглый стол ред. журнала «Человек» // Человек. 2001. № 1. С.83

¹³⁹ Степин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 27.

человеческое мышление от различных субъективизмов, порождавшихся ограниченным культурным опытом, прежде всего от суеверий и религиозных догматов, от соответствующих им ценностных суждений обыденного сознания. Именно так работала вся новоевропейская «классическая» наука, создавая объективную, научно достоверную картину мира.

Действительно, данная ситуация сохранялась лишь до тех пор, пока наука работала в параметрах реальности, непосредственно данной человеку, пока познание еще не перешло за границы соразмерного опыта, соразмерного человеческой повседневности, и не вступило в сферу сверхчувственных измерений. При подобном «макроскопическом» подходе, в самом деле, можно было рассуждать о человеке вообще, рассматривая его в качестве «естественного», а ценностную проблему различения добра и зла сводить к поискам истины, то есть обосновывать ценностный статус науки ее собственным внутринаучным потенциалом. Но как только наука перешла границу непосредственного чувственного восприятия, углубившись в «микромир», и вышла за пределы обыденной реальности, ситуация изменилась и стала «неклассической». Для физики этот момент наступил в начале XX в., для биологии – почти на 100 лет позднее, а именно в последние десятилетия XX в. и в первые десятилетия XXI в., когда перспектива преобразования биологической природы человека определилась со всей четкостью.

Подведя некую черту под исследуемыми проблемами, уместно привести одно рассуждение В.С. Степина, где он заявляет, что от человеческого присутствия в процессе научного познания избавиться невозможно, что наука сама по себе обладает человеческим измерением – человекоразмерностью, значимость учета которой особенно возрастает в современных условиях¹⁴⁰. Вместе с тем выяснилось, что каждой исторической эпохе соответствует собственный масштаб человекоразмерности, который следует учитывать и в процессе научного исследования, и при оценке его результатов в плане

¹⁴⁰Степин В.С. Наука . Указ. соч. С. 28.

возможных социальных последствий. Очевидно, если данное обстоятельство не осознается и «поправка» на изменение ситуации не производится, то наука и нравственность резко противопоставляются друг другу.

Механизм и следствия подобного противопоставления выглядят следующим образом: в классической науке, ориентированной исключительно на истину как на высшую ценность, все иные, то есть вненаучные, «гуманистические» ценности не учитывались, и это было закономерно, но в современных условиях, когда воздействие науки на человека, общество и природу многократно возрастает, когда наука набирает невиданную прежде мощь и силу, того прежнего внутринаучного ценностного потенциала оказывается недостаточно для того, чтобы, обуздав новые, открытые благодаря науке силы природы, «изыскать эффективные способы устройства человеческого мира на разумных гуманистических началах»¹⁴¹.

Вместе с тем, есть все основания утверждать, что самим своим появлением биомедицина обозначила факт перехода науки в новое – постнеклассическое – состояние, в котором ценностный статус науки объективно обретает принципиально новое качество, связанное с необходимостью не только учитывать фактор человекоразмерности, но и конкретизировать его на рациональных основаниях.

Биомедицина и связанные с нею этические проблемы свидетельствуют о таком качественном изменении и всей современной культуры, и положения человека в ее системе, которое делает непродуктивными все прежние стандарты «человекоразмерности» не только классического, но и неклассического порядка. Эти стандарты были основой того варианта этики науки, воплощением которого в сфере биомедицины явилась биоэтика. Сама биоэтика при своем возникновении решила важную задачу: в ситуации

¹⁴¹ Грубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философского исследования. Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: ИФРАН, 1995. С. 149.

перехода науки к постижению новых уровней реальности, от исследований макромира к микромиру с последующим переносом результатов этих исследований на человека (что и обозначило переход от классического и неклассического типа научной рациональности к постнеклассическому) она не только поставила вопрос «что надо делать для этого?», но и дала предварительный ответ, а именно: «необходимо ввести человека в сферу научного познания». Эту линию в своем научно-философском творчестве последовательно проводил и отстаивал Б.Г. Юдин.

К сожалению, биоэтика не дала ответа на другой, не менее важный вопрос: «как именно это следует сделать?» в плане практически эффективного и нравственно выверенного совмещения достижений биомедицинской науки с этическими регулятивами. Причина подобного рода недоговоренности заключается в том, что понимание человека в рамках общетеоретического дискурса (и, как следствие, в рамках биоэтики) осталось ограниченным теми абстрактными представлениями о человекообразности, которые были характерны для классической науки, и как следствие, не обрело той конкретности, которая соответствовала бы постнеклассическому уровню новейшей биомедицинской науки. Расхождение между масштабом новых задач, поставленных биомедициной и обращенных к новой культурной реальности, – с одной стороны, и рамками тех ценностных подходов, которые были свойственны классической науке, – с другой, сделало процесс прогресса биомедицины нерегулируемым. И как следствие – появление феномена трансгуманизма, который в наши дни не только заявляет о себе как о влиятельном социальном проекте, но и угрожает биологическому естеству человека в полном смысле этого слова.

В этих условиях перед философским познанием встает новая задача – разработать ценностные регулятивы, соответствующие тем параметрам человекообразности, которые при участии науки, прежде всего биомедицины, формируются в современной культуре. Н.Н. Трубников определял эту задачу

как «гуманистическое пробуждение философии, выявление фундаментально гуманистических оснований знания и непосредственно научных его оснований, последовавшая за этим дифференциация принципов гуманизма и сциентизма <...> это дифференциация ценностей мира, как он есть сам по себе, как он дан науке и как он дан человеку во всем объеме его жизнедеятельности»¹⁴². В методологическом плане это означает переход к необходимости рассматривать науку не автономно, а в соотнесении с непрерывно обновляющимся контекстом культуры. Поскольку специфика и содержание культуры определяются человеком, то принципом подобного соотнесения выступает именно человек и как реальный действующий субъект исторического процесса, и как конкретизирующаяся на этом фоне философская категория. Иными словами, задача совершенствования философской рефлексии по поводу проблем биомедицины и совершенствования подходов к истолкованию ценностного статуса науки в обновляющемся контексте современной культуры должна быть перенесена в плоскость историко-философского подхода к обозначенной проблематике. Что и предполагается осуществить на последующих этапах исследования феномена биомедицины.

Итак, анализ трудов И.Т. Фролова, В.С. Степина, Б.Г. Юдина и Н.Н. Трубникова и др. позволяют прийти к выводу, что подходы современной науки, а именно ее методы и ценности, оказываются ограниченными относительно новых масштабов науки и биомедицины в частности, и соответствующих ей ценностных (нравственных) регулятивов. Первые попытки начать серьезный разговор о разрыве связи между наукой и этикой произошли несколько десятилетий назад, и чтобы преодолеть это отчуждение, необходимо конкретизировать понимание человека, его место в системе духовной культуры. Поскольку специфика культуры определяется положением человека в ее составе, то для реализации целей исследования на последующем его этапе предполагается перейти от концептуализации познавательных параметров к

¹⁴²Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни. Указ. соч. С. 155-156.

концептуализации человека в качестве природного феномена, реально действующего субъекта и философской категории.

ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА БИМЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Поскольку в социально-гуманитарном познании отсутствует столь достоверный метод, как эксперимент в естественных науках, для решения подобной задачи возникают определенные трудности. Тем не менее, данное обстоятельство можно преодолеть, обратившись к историко-генетической методологии, которую допустимо рассматривать как некоторый аналог естественнонаучного эксперимента. Продуктивность подобного подхода была убедительно продемонстрирована еще Гегелем в его идеалистической диалектике. Рассматривая в разделе «Антропология» из третьего тома своей «Энциклопедии философских наук» вопрос о телесной индивидуальности человека, Гегель утверждал, что на определенном этапе саморазвития Абсолютного духа (и соответственно этапе постижения человеком его замысла) человеческая индивидуальность должна раскрыться через ее противопоставление Вселенной, всему объективному миру, который представляет собой целостное инобытие Абсолютного духа. Но для человека (которого Гегель идентифицирует с сознанием, с душой) «это нечто, противостоящее душе, не есть нечто, для нее внешнее. Скорее, вся тотальность отношений, в которых находится индивидуальная человеческая душа, составляет ее действительную жизненность и субъектисность и соответственно этому является с ней так прочно сросшейся, как неразрывно — пользуясь образом — срослись с деревом его листья»¹⁴³.

Для решения нашей проблемы аналогично этому, но уже на материалистических основаниях, требуется последовательно рассмотреть различные варианты человеческого бытия в мире, чтобы в рамках обрисовавшейся при этом целостной картины установить специфику исторического момента новейшей современности, связанной с оформлением биомедицины в качестве особого, автономного от классической медицины

¹⁴³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 130.

социального института и началом интенсивного инвазивного воздействия биомедицинских технологий на человеческий организм.

Предварительно требуется выполнить еще одно условие: так как взгляды на историческую периодизацию в науке, философии, культуре порой существенно различаются, в вопросе истолкования «способов бытия человека в мире» (М. Хайдеггер) необходимо заранее установить некоторое единообразие.

2.1. Онтоантропология биомедицины: историко-генетический контекст

Таким образом, с целью решения проблем биомедицины, определения ее базисных теоретико-практических оснований, в её рассмотрение вместе с современной наукой необходимо включить и более широкий мировоззренческий контекст, то есть в совокупную систему философски представленной культуры, имманентным компонентом которой является человек, требуется ввести самого человека, причем не декларативно, не на словах, а вполне реально, практически, «операционально» и при этом рефлексивным, ценностно отрегулированным образом. Но, как было показано выше, практика и ее рефлексивное сопровождение не совпадают друг с другом. Биомедицина как обладающая серьезным технологическим потенциалом практическая сфера постнеклассической науки непосредственно обращена к человеку, но биоэтика, претендуя на полноценное теоретическое сопровождение биомедицины, не способна сделать это адекватно, поскольку остается в рамках научной классики и неклассики. Данное обстоятельство демонстрирует серьезный дефект всего современного общетеоретического знания, которое по своим заявкам нацелено на то, чтобы включить человека в научную картину мира, но, однако, не способно сделать это адекватно или, по меньшей мере, менее деструктивно в антропологическом отношении.

С другой стороны, возникновение феномена трансгуманизма и проблемы «антропологической границы», не решаемой силами биоэтики, наглядно демонстрирует, что человека необходимо ввести в научную картину мира, но уже не абстрактно в виде пожеланий и широковещательных заявлений, а конкретно определенным, действенным в практическом отношении образом. Логика предшествующего изложения показывает, что добиться этого не удастся по той причине, что решения проблемы пытаются найти исключительно в рамках самой науки.

Между тем, наука — лишь часть культуры, и поэтому все порождаемые ею проблемы, необходимо решать с учетом специфики всей общечеловеческой культуры в целом, рассмотренной в единстве как теоретических, так и практических ее аспектов, причем взятых не статично, а в историческом развитии. С этой точки зрения следует говорить не только о постнеклассической рациональности в науке, но и о постнеклассической реальности, создаваемой при посредстве научного познания, и чем дальше, тем больше, если иметь в виду значение науки для культуры. В рамках этой новой действительности положение человека становится качественно иным, чем прежде (что и демонстрирует феномен биомедицины). Это значит, что для решения обозначенной выше проблемы необходимо концептуализировать изменившееся положение человека в составе новой, нынешней культуры. Сделать такое возможно единственным достоверным способом в рамках социально-гуманитарного знания — посредством использования историко-генетического подхода. Это значит, что для решения поставленной нами проблемы необходимо рассмотреть исторические предпосылки и путь становления современной *социокультурной* и антропологической ситуации, показателем которой являются виртуальные угрозы, исходящие от биомедицины в виде трансгуманизма, претендующего на преодоление «антропологической границы».

Но прежде чем переходить к такому рассмотрению, следует предварительно, хотя бы в самых общих чертах установить, в чем именно заключается современная социокультурная ситуация. Представляется, что ее специфика состоит в следующем: в наше время уже не природа заявляет о себе как первичная реальность, а культура, которая понимается как искусственная рукотворная реальность, созданная людьми. Негативные последствия подобного сдвига мы наблюдаем как экологический кризис, возникший как побочный результат научно-технического прогресса, у истоков которого стоят люди. Следовательно, без сомнений можно заявить, что за культурой со всеми ее материальными и духовными феноменами в их как положительном, так и негативном выражении, стоит человек, и соответственно, что культура – это человеческая реальность, существующая в пространстве межчеловеческих отношений.

Но сложность дальнейшего теоретического движения заключается в формировании более конкретного понимания взаимосвязи между культурой и человеком, в частности, в плане возможности человека посредством культуры воздействовать на самого себя, на свое естество (что и обозначается как глобальная проблема биомедицины и все вытекающие из нее более частные подпроблемы). Описательность всех наличных попыток решения этой проблемы, равно как и продемонстрированная выше ограниченность биоэтики, как раз и указывают на сложность выработки такого конкретизированного понимания. И все же определенный продуктивный материал для искомой концептуализации имеется, он на наш взгляд содержится в трудах Вячеслава Семеновича Стёпина. Рассмотрим его подход более основательно.

В.С. Стёпин признаёт, что современная техногенная цивилизация, которая, опираясь на достижения науки, приблизила решение целого ряда жизненно важных для человечества проблем, таких, в частности, как энергетическая и продовольственная, в то же время создала зону новых рисков и угроз для человека и человечества. Выделяя три различных исторических

типа рациональности (науки): классический, неклассический, постнеклассический, Стёпин предлагает принципиально иной, нежели принято, взгляд на решение проблемы взаимосвязи научного познания и позицией человека (в конечном счете нравственной), заключающийся в использовании коррелятивной зависимости между изучаемыми системными объектами и соответствующими характеристиками познающего субъекта. Его позиция основана на том, что классическая, неклассическая и постнеклассическая науки предполагают различные типы рефлексии в отношении человеческой деятельности: «от элиминации из процедур объяснения всего, что не относится к объекту (классика), к осмыслению соотнесенности объяснимых характеристик объекта с особенностями средств и операций деятельности (неклассика), до осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотнесении с социальными целями и ценностями (постнеклассика)¹⁴⁴.

Другими словами, представленные типы рефлексии коррелятивны системным свойствам изучаемых объектов и являются необходимым условием их эффективного познания: простых систем как основных объектов в классической науке, сложных саморегулирующихся систем – в неклассической и сложных саморазвивающихся – в постнеклассической. Объективность науки как одного из основных его критериев возможна только благодаря соответствующему уровню рефлексии, а не вопреки ему. Стёпин подчеркивает это: «Все три типа научной рациональности взаимодействуют, и появление каждого нового из них не отменяет предшествующего, а лишь ограничивает его, очерчивает форму его действия. При теоретико-познавательном описании ситуаций, относящихся к различным типам рациональности, требуется вводить каждый раз особую идеализацию познающего субъекта»¹⁴⁵. Между идеализациями можно установить определенное историческое соотношение, и

¹⁴⁴ Стёпин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 73.

¹⁴⁵ Там же. С. 74.

выходит, что в классической науке происходит теоретическое отчуждение объекта от деятельностной природы субъекта, в неклассической – природа уже в явном виде выступает как предмет воздействия субъекта, в постнеклассической – очевидное воздействие субъекта на объект дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности.

Очевидно, что этот подход является более продуктивным, чем простое сопоставление этапов развития науки, однако, на наш взгляд, он всё же не дает полного решения, поскольку ограничен сугубо научной сферой и не затрагивает всю полноту культуры, то есть остается неспособным концептуализировать как те предпосылки, которые обращают силы науки на негуманные, античеловеческие цели, так и более общие антропологические основания, которые делают реальностью обозначенные предпосылки. Каким образом можно осуществить такую концептуализацию?

Чтобы приблизиться к решению этого вопроса, обратимся снова к работам Н.Н. Трубникова. Рассматривая науку с исторической точки зрения, он приходит к выводу, что сложившийся в истории тип научного знания при всей его строгости и всеобъемлющем характере оказался «в условиях европейского бытия недостаточным, чтобы изыскать эффективные способы устройства человеческого мира на разумных гуманистических началах»¹⁴⁶. Однако эта же самая ситуация сформировала понимание того обстоятельства, что решение поставленных наукой проблем следует искать не в рамках самой науки, а в более обширной общекультурной сфере. Если объединить эти выводы с положениями В.С. Стёпина, то возникают основания говорить уже не только о трех типах науки, но и о трех типах культуры: классической (новоевропейской), неклассической (современной, периода Модерна) и постнеклассической (новейшей, периода Постмодерна), каждому из которых соответствует свой

¹⁴⁶ Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философского исследования. Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: ИФ РАН, 1995. С.149.

концепт реальности и человека. Это *первый методологический прием*, вводимый в процесс осуществляемого нами онтогносеологического анализа на этапе перехода от описательного, эмпирического его этапа к сущностному, собственно теоретическому. Обратимся снова к историческому сопоставлению.

Классическая наука работает в масштабах *макромира*, т.е. в рамках обыденного опыта и непосредственно данной человеку реальности, масштаб постижения которой определяется соответствующим характером культуры. Соответствующее ей понимание человека исчерпывается концептом «естественного человека» в качестве существа, познаваемого средствами естествознания, тогда как все возникающие при этом вопросы ценностного порядка, не решаемые посредством отнесения их к категории истины, рассматриваются как недостойные внимания.

Переход от классической научной рациональности к неклассической (а равным образом от классической культуры к неклассической) происходит на протяжении всего исторического периода Модерна. Он связан с переходом науки за границы простого чувственного восприятия в сферу *микромира* (революция в физике в начале XX века), когда в процесс познания включаются средства воздействия на исследуемые объекты.

Последующий переход от неклассической рациональности к постнеклассической (а равным образом от неклассической культуры к постнеклассической) осуществляется в период Постмодерна и связывается с выходом науки уже в *мегамир*, когда в последние десятилетия XX и начале XXI вв. предмет углубленной теоретической рефлексии и качественных трансформаций становятся и сам человек, и крупные экосистемы, и биосфера в целом, ближний космос, в перспективе вся Вселенная¹⁴⁷.

¹⁴⁷Стёпин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 28.

Таким образом, момент превращения биологии и медицины в фактор преобразования культуры происходит почти на 100 лет позднее, чем в остальном естествознании, но зато он обозначает несравненно более существенные сдвиги, а именно возможность биологической трансформации не только внешней природной (экологической) среды, но и внутренней (человеческой). Конкретнее, трансгуманизм угрожает подвести всю современную культуру до пересечения «антропологической границы», которая, по мысли автора этого термина С.С. Хоружего, заключает внутри себя то, что обозначается как человек и является им на самом деле, и одновременно выводит обозначаемое этим понятием существо (если, разумеется, оно будет сформировано) за ее пределы, в ту внешнюю сферу, где оно продолжает оставаться живым, не будучи уже человеком. По крайней мере в том смысле, какой вкладывался в это понятие до сих пор.

Именно в свете подобной перспективы и для биомедицины, и для науки, и для философии, и в конечном счете для всей культуры возникают наибольшие неясности. До недавнего времени не возникало сомнений, что имеющийся мировоззренческий потенциал способен легко справиться с проблемой разделения человеческого от нечеловеческого, что в случае возникающих при этом затруднений можно призвать на помощь биоэтику. Но собственные ценностно-теоретические регулятивы биоэтики, как было показано в параграфе 1.2., не способны четко указать, что можно делать по отношению к человеку, а что уже выходит за пределы допустимого и нарушает «антропологическую границу». Рефлексия в собственно научной сфере, когда за решение данной проблемы берутся сами деятели науки, осуществляется по принятой в философии науки модели соотношения знаний и ценностей, следовательно, не может предложить иных вариантов, нежели те, что уже реализованы в биоэтике. Чисто философский подход тоже не способен очертить искомую «антропологическую границу», поскольку он либо опирается на метафизические предпосылки и оставляет в стороне естествознание, как это

происходит в философской антропологии и вообще во всех ориентированных на экзистенциализм и духовность учениях, либо, напротив, опирается как раз непосредственно на естествознание и вытекающие из него социогуманитарные модели и тем самым выстраивается по образу позитивизма. Как итог, в существующем виде философский подход «не берёт» человека с той степенью конкретности, которая соответствовала бы реальным антропологическим тенденциям в культуре.

Ситуация выглядит чрезвычайно затруднительной. Тем не менее, существует перспектива выхода из нее, если не терять из виду *ситуацию человека*, то есть придерживаться антропологического видения. Если принять во внимание то уже отмеченное обстоятельство, что наиболее достоверным для гуманитарного знания в методологическом смысле остается историко-генетический подход, то это означает необходимость концептуализировать человека на протяжении, по крайней мере, всего исторического периода, совпадающего с развитием цивилизации. Сделать это надо кратко, в сжатом виде, и в то же время на едином теоретическом основании. Подобным потенциалом при всех возможных недостатках обладает лишь один вид гуманитарного знания, а именно философия. Поэтому историко-философский подход к проблеме человека предстает в данном случае как необходимый этап раскрытия биомедицинского аспекта современной антропологической проблематики.

2.1.1. Антропологический концепт: философское прочтение

Нам представляется, что объективное, целостное и в то же время сжатое изложение антропологического концепта с освещением как практических, так и теоретических составляющих его трансформации в ходе истории представлено в работах двух теоретиков — отечественного социолога и философа Игоря Семеновича Кона («В поисках себя») и немецкого католического философа Романо Гвардини («Конец нового времени», «Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность»). Работа Кона обладает большей основательностью,

поскольку опирается на прочную марксистскую основу в виде теории формаций (последнюю неоднократно критиковали с самых разных позиций, но за прошедшие 150 ничего более приемлемого для научных, а не описательных целей, так выдвинуто и не было), но в работе Гвардини присутствует гораздо больше важных для нашего исследования моментов, к тому же ее использование дает возможность ввести в теоретический оборот относительно новый материал. Поэтому для осуществления антропологической концептуализации в рамках нашей работы мы решили использовать материал Гвардини.

Гвардини исходит из понимания природы как объективной и самодостаточной сущности и одновременно из представления о личности как автономном и развивающемся субъекте, который воздействует на природу согласно её законам и одновременно по собственным, человеческим нормам, имеющим рациональную основу. Это классическое субъект-объектное противопоставление. Ключевой исторической эпохой, открывающей человеку подобное понимание является эпоха Нового времени, точнее, соответствующая ему культура. С этой точки зрения открывается возможность наиболее полно понять прошлое и в то же время определить специфику грядущих трансформаций. Заслуга Р. Гвардини в понимании проблем человека заключается в том, что он пытается посмотреть на них как бы с высоты «птичьего полёта», целостно, начиная с анализа мироощущения человека Античности и Средневековья, затем переходя к характеристикам Нового времени и впоследствии к современности, наглядно и объективно используя историческое видение антропологического вопроса.

Мировоззрение человека Античности, согласно Гвардини, является ограниченным замкнутом на локальном мире полисной культуры, без точек опоры вне его: «Он созерцает мир никоим образом не "извне", а только исключительно "изнутри". Оформленная картина мира – результат самоограничения, отвергающего хаотически-бесконечное и отказывающегося

от непомерного; чувство гармонии требует, чтобы все сущее было "космосом", прекрасным и упорядоченным. Античность даже не пытается сконструировать мир как целое, отведя в нем каждому предмету свое место, что так характерно для средневековой воли»¹⁴⁸. Мир в понимании древних греков предстает как конечный и ограниченный, а выход за его пределы даже мыслимо просто невозможен.

Далее ретроспективный анализ переходит на Средневековье, где отношение к миру, по мнению Гвардини, начинает резко меняться: он становится божественным, он есть образ Божий. «Ранг и ценность всякого сущего определяется той степенью, в какой оно отображает Бога. Различные области сущего соотнесены между собой и образуют порядок бытия: неживого, растительного, животного. В человеке и его жизни вновь собрана вся вселенная, чтобы развернуть новый порядок: порядок микрокосмоса во всей полноте его ступеней и значимостей»¹⁴⁹.

В современную эпоху, главные черты которой формируются в Новое время, отношение человека к природе качественно трансформируется: мир отныне воспринимается конечным, уязвимым, хрупким, посюсторонним, если брать мир индивидуальной повседневности, и в то же время безграничным, если мерить его масштабами Вселенной, которая переосмысливается на основе научных достижений. В Новое время посредником между природой и человеком становится техника, которая уверенно и ускоренными темпами начинает внедряться в жизнь человека, что поначалу горячо приветствуется из-за очевидной её пользы, приводящей к благополучию и комфорту, но в дальнейшем, ближе к современному периоду, начинает подвергаться сомнению.

¹⁴⁸Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. С. 242.

¹⁴⁹Гвардини Р. Указ.соч. С. 246.

В настоящее же время, Гвардини, отношение к технике начинает радикально меняться, так как происходит ее срастание с властью (прежде всего, государственной) и она становится средством овладения миром, орудием господства над природой и людьми: «Человек этой эпохи знает: техника, в конечном счете, не имеет отношения ни к пользе, ни к благополучию, речь идет о власти; о власти в предельно широком смысле слова. Носитель такой власти пытается наложить руку на первичные элементы природы и человеческого бытия. Это означает необозримые возможности строительства, но также и разрушения... отношение к природе приобретает характер решающей, смертельной схватки: либо человеку удастся правильно поставить свою работу и свою власть, и тогда он добьется своего силой, либо всему конец»¹⁵⁰. Это значит, что картина мира, сформированная в Новое время, начинает распадаться, но драматизм современной антропологической ситуации состоит в том, что этот распад далеко не завершен и что человек на протяжении нескольких веков вынужден существовать в условиях этого распада.

Гвардини стремится найти понимание совершенно иных, нежели повиновение и подчинение, возможностей человека современного типа, где благодаря его пластичной природе «предстоит развиться некой способности опосредованного чувствования, с помощью которой человек станет воспринимать как часть собственной жизни все то, что прежде мог лишь абстрактно мыслить. Во всяком случае, по отношению к этой природе придется выработать бдительность и серьезную ответственность – вещи, тесно связанные с рассмотренными выше проблемами личного начала в человеке»¹⁵¹.

Однако в чем именно состоит новизна, Гвардини не говорит прямо, в основном он указывает на негативные проявления эпохи, наступающей при распаде картины мира Нового времени. Прежде всего, отношение к природе «утрачивает непосредственность, становится косвенным, опосредуется

¹⁵⁰ Гвардини Р. Указ.соч. С. 266-267.

¹⁵¹ Там же. С. 274.

вычислениями и приборами. Оно теряет наглядность, превращает в абстрактное и формальное. Исчезает живость переживания: на ее место встает деловой технический подход. Меняется и отношение человека к своему труду. Оно тоже становится по преимуществу косвенным, абстрактным и деловым. Труд нельзя больше переживать – можно только исчислять и контролировать... Человека, живущего таким образом, мы называем негуманным»¹⁵². Окружающая человека действительность все больше становится враждебной, перестает восприниматься как «Мать-Природа» и предстает в образе чего-то опасного и ненадежного. Очевидно, что два явления – «негуманный» человек и «негуманная» природа – и есть та основа, на которой и будет построено будущее общество и будет сформирован человек нового типа. Таким образом, Гвардини переходит непосредственно к антропологической концептуализации.

Но, следует отметить, он не проговаривает ее прямо, а как бы последовательно выстраивает из антропологических компонентов тех мыслителей, которые, по его мнению, наиболее важны для будущего, в котором суждено жить человеку нового типа (если, разумеется, он вообще сможет в дальнейшем существовать). Наиболее важным для Гвардини выступают такие мыслители Возрождения и Нового времени, как И.В. Гёте, Дж. Бруно, Гёльдерлин, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Бэкон и др. Проследим за движением мысли Гвардини, затронут наиболее важные для нашего исследования персоналии.

Одну из причин утраты ценности природы Гвардини видит в переосмыслении сущности природы и понятия бесконечности, присущих эпохе Нового времени. В подтверждение данной мысли можно привести высказывания о природе итальянского ученого и философа Джордано Бруно (1548–1600) и английского ученого и философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). Дж. Бруно в своих философских диалогах: «О Причине, Начале и Едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах» устами ученого Филотея говорит о

¹⁵²Там же. С. 273.

Божественном Начале, которое одухотворяет, наполняет жизнью все в бесконечной, вечно трансформирующейся Вселенной, о бесчисленных живых мирах: «Я называю вселенную “целым бесконечным”, ибо она не имеет края, предела и поверхности... Я называю Бога “целым бесконечным”, ибо он исключает из себя всякие пределы и всякий его атрибут един и бесконечен»¹⁵³.

Если природа у Дж. Бруно божественна и непостижима, и отношение к ней поэтому должно быть трепетным и возвышенным, то Фрэнсис Бэкон уже видит природу вполне самодостаточной, находящейся в неразрывной связи с человеком, который является ее слугой и истолкователем и назначение которого – покорить её: «Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом. В действии человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя»¹⁵⁴. Здесь берет начало познавательный и преобразовательный пафос, характерный для науки и научного мировоззрения в целом.

Несколько иное видение мира и человека прослеживается в философии Бенедикта Спинозы. В своей главной работе «Этика» автор сначала в рамках метафизики рассматривает происхождение души, затем переходит к рассмотрению аффектов и воли и, наконец, представляет этику, демонстрирующую могущество разума и человеческую свободу. Начало бытия — субстанция, отождествляемая с Богом, который одновременно совпадает с умозраительно трактуемой природой. Такое первоначало являет собой актуально бесконечный абсолют, обладающий бесчисленными атрибутами, из которых в реальном мире проявляются только два — протяженность, отождествляемая с материей, и мышление, соотносимое с Богом. Все в мире управляется абсолютной, логической необходимостью и все, что случается — есть

¹⁵³ Джордано Бруно. Философские диалоги: О причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах; О героическом энтузиазме. М.: Издательство «Новый Акрополь», 2013. С. 164.

¹⁵⁴ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. М.: «Мысль», 1978. С. 12.

проявление непостижимой природы Бога, а это ведет к отрицанию свободы воли человека: «Все, что только существует в Боге, и без Бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемо»¹⁵⁵.

Поэтому в антропологическом отношении концепция Спинозы демонстрирует совершенный фатализм. Во власти человека лишь ограниченный спектр возможностей, который руководится инстинктом самосохранения и рядом вытекающих из него аффектов, основными из которых являются радость, грусть, влечение, гнев, страх. Пока человек им подчиняется, он несвободен, и, вполне закономерно, что проблема человеческой свободы выражается в освобождении от их влияния. По сути в этом и заключается принцип разумного существования, который согласно этической теореме 67, звучит следующим образом: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»¹⁵⁶.

Подобный тип мировоззрения характерен для всей традиционной эпохи, которая подрывается социальными изменениями, вызванными, в свою очередь наукой и внедрением ее достижений в самые разные стороны и аспекты человеческого существования. После Великой Французской революции наступает эпоха капитализма и соответствующей ему индустриальной цивилизации. Порождаемая ею огромная техническая сфера и соответствующее этому углубление разделения труда становятся совершенно несовместимыми с принципами саморазвивающейся творческой личности и идеей автономности субъекта, которые были присущи человеку эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Происходит, как ни парадоксально, становление особого типа личности – «человека массы», который является прямой противоположностью «классической личности» предшествующих эпох.

¹⁵⁵Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; трактат об усовершенствовании разума; Этика / Пер. с голл. и лат.; Вступ. ст. Г.А. Паперна; Примеч. А.А. Храмова. М.: Мир книги, Литература, 2007. С. 208.

¹⁵⁶Там же. С. 430.

В плане углубления в проблему разработки антропологического концепта нельзя оставить в стороне концепцию «человека массы», которая принадлежит испанскому философу Хосе Ортега-и-Гассету: «Масса – это “средний человек”... это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип... Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью»¹⁵⁷. Именно этот тип человека становится типичным для современного общества как в его индустриальном, так и в информационном состоянии, что мы имеем возможность наблюдать в наши дни. Этот человеческий тип практически не изменился, он с тем же или даже еще большим удовольствием пользуется техническими средствами, автомобилями и другими продуктами цивилизации, но при этом остается совершенно безразличным к тем культурным, моральным и социальным принципам, на которых была построена цивилизация, создавшая эти блага. Это известный нам человек-потребитель.

Х. Ортега-и-Гассет, анализируя современное западное общество, приходит к довольно пессимистическим прогнозам, предвидя его трагическую судьбу: господство «человека массы», бюрократии, деспотических режимов, уничтожение культуры, превращение людей в моральных идиотов и технических роботов, вследствие чего «восстание масс», если оно произойдет, станет катастрофой для человечества. По мнению Ортеги, спасти западную культуру от деградации, избавить от удручающей перспективы, противостоять вторжению во все сферы жизни может только «избранное меньшинство» — тот тип людей, который встречается во всех социальных слоях и который ставит свою жизнь служению высшим нормам и моральным принципам. «Избранные – не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И, конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя

¹⁵⁷Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб. Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 81-82.

взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя»¹⁵⁸.

В общем, то социальное деление на низы и верхи, которое обозначилось еще при становлении первых государств древности, не только никуда не делось, но, по мнению некоторых мыслителей, в том числе и Ортегу, должно быть усугублено для блага самого же человечества. И, если продолжить данную мысль, то в том случае, если вдруг «творческое меньшинство» пожелает закрепить свой статус с помощью приемов трансгуманизма, такое начинание следует принять как неизбежность. К подобному выводу так или иначе приходят все «критики цивилизации», от Ницше и Шпенглера до Хайдеггера и Эллюля, если продумать их умозаключения до конечного, уже непосредственно соотносящегося с социальной практикой вывода.

Но подобный итог указывает только на то, что тот подход к выработке адекватного текущему моменту антропологического концепта, который был заявлен в начале данного параграфа, не может опираться на чисто философский потенциал. Сама по себе философия в образе тех или иных философских учений, выработанных теми или иными философами, как показывает осуществленный обзор, способна достаточно полно зафиксировать конкретные итоги развития культуры и общества, включая соответствующие им представления о человеке, но оказывается неспособной заглянуть в будущее, предложить какие-то принципиально новые антропологические концепты, выходящие за уже утвердившиеся теоретические горизонты. Отсюда вытекает, что к рассмотрению человека необходимо привлечь потенциал каких-то иных разделов культуры, истолковывающих человека по-иному, нежели это делает философское познание.

2.1.2. Антропологический концепт: медицинское прочтение

¹⁵⁸Ортега-и-Гассет Х. Указ.соч. С. 19.

Нам представляется, что значительным эвристическим потенциалом в этом отношении обладает медицина и что выработать адекватный проблемам современности антропологический концепт станет возможно, если дополнительно к философии рассмотреть человека в контексте медицины, истолкованной как «практическая антропология», то есть как антропологически ориентированная и рефлексивно нагруженная практика¹⁵⁹. Это второй теоретико-познавательный прием, реализуемый нами при онтогносеологическом анализе биомедицины на этапе проникновения в сущность данного феномена. Сочетание медицинского подхода к истолкованию сущности человека с чисто философским подходом открывает возможность сформировать более четкую картину тех антропологических процессов, которые совершаются в культуре по ходу ее развития и приводят к нынешнему моменту. Если теоретическая философия фиксирует базисные трансформации в культуре, обозначая смену представлений о человеке в качестве конечного результата этих изменений, то медицина как «практическая антропология» позволяет понять их также с процессуальной стороны и значительно более конкретно в практическом отношении.

На протяжении истории во всех культурных эпохах философия и медицина пронизывают друг друга в своих социокультурных взаимодействиях. Как будет показано далее, философия и медицина выстроены по единой схеме и играют в культуре сходные роли — они нацелены на познание человека. Различие состоит в том, что медицина нацелена на конечный результат практического характера, в то время как философия — на исходные теоретические предпосылки этого результата. Таким образом, медицину можно назвать также «практической философией».

В свою очередь, медицина как жизненно необходимая часть культурного наследия трансформировалась с каждой культурно-исторической эпохой, меняя

¹⁵⁹ Рыбин В.А. Медицина как парадигма философского знания // Науки о жизни и современная философия / Отв. ред. И.К. Лисеев. М.: «Канон+», 2010. С.411.

принципы и подходы лечения, а также ценностно-нравственные ориентиры. Поэтому для понимания философского содержания антропологического потенциала медицины потребуется заново пройти уже очерченную нами в общих чертах философскую линию развития человека и представлений о нем в истории. Но в этом случае общая теоретическая картина станет более объемной и, как мы рассчитываем, более весомой в эвристическом отношении — более эффективной для формирования антропологического концепта, адекватного текущей ситуации и пригодного для решения соответствующих ей проблем, включая проблему биомедицины.

Но для этого и саму медицину следует интерпретировать более конкретным образом, нежели это принято делать. Обычно в ее составе выделяют только два компонента: практический или лечебный, а именно клиническую медицину (учение о болезнях и соответствующих способах лечения посредством использования необходимых медицинских технологий лекарственного, хирургического, физиотерапевтического и прочего рода), и теоретический или ценностный (этика медицины, представленная в классическом варианте нормативами «Клятвы» Гиппократова, а в неклассическом — принципами медицинской биоэтики). Но есть еще и третий компонент, который не всегда осознается, однако неизменно воспроизводится в медицинской деятельности — *образ человека*, выступающий воплощением некоей нормативной антропологической целостности, отклонения от которой подлежат устранению посредством лечебных воздействий¹⁶⁰. В более широком смысле это и есть реализуемая в медицине «человекоразмерность».

Вообще *образ человека* или, выражаясь теоретически строго, «представление о человеческом индивиде как субъектном носителе основной

¹⁶⁰ Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. М.: URSS. 2014. С.113.

общественной связи и агенте социальной деятельности»¹⁶¹ присутствует не только в медицине, но имплицитно содержится в любой достаточно значимой в теоретическом и практическом отношении сфере. В научном отношении более распространенным является понятие «природы человека, человеческой сущности»¹⁶² или «человеческой природы»¹⁶³, но в данном случае, чтобы выделить именно медико-антропологический смысл данного понятия, на который уже указывалось в медико-философской литературе¹⁶⁴, мы пользуемся термином *образ*.

На первый взгляд, *образ человека* в медицине выглядит как составляющая вторичного порядка, менее значимая, нежели ценностный и тем более практический компоненты, однако на самом деле именно он является базисным звеном практики, которое императивно воздействует на нее, хотя и остается вне сферы систематической рефлексии. С этой точки зрения каждому из этапов развития культуры соответствует свой собственный вариант медицины в виде исторически конкретного сочетания всех трех обозначенных компонентов, среди которых наибольший интерес представляет именно *образ человека*, поскольку, будучи практически действенным фактором, он заведомо обладает определяющим антропологическим потенциалом.

С учетом этой установки рассмотрим заново основные этапы развития европейской культуры, начиная с Античности и вплоть до современности с ее биомедицинскими коллизиями. Перед началом этого медико-философского экскурса еще раз подчеркнем: проблему человека в современной культуре целесообразно рассматривать в контексте *исторически меняющихся форм медицины*, которая содержит в себе многомерно представленный образ

¹⁶¹ Шрейбер В.К. Научная картина социального мира и социальные теории / В.К. Шрейбер // Теория и жизненный мир человека: коллектив. моногр. / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН. 1995. С. 124.

¹⁶² Там же. С. 125.

¹⁶³ Там же. С. 133.

¹⁶⁴ См.: Панова Е.Л. Медицина и трансгуманизм: Путь от подражания природе к ее забвению // Биоэтика и социальная оценка технологий : Сб. Науч. тр. ; отв. ред. Гребенщикова Е.Г. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 112-125.

человека и выступает как практическая философия. Это *второй инновационный методологические прием*, вводимый нами в процесс исследования поставленной проблемы.

2.1.2.1. Античность

Становление современной медицины связано со школой Гиппократов. Этот факт сегодня никем не оспаривается. Медицинская школа Гиппократов неизменно остается точкой отсчета для понимания всех иных — и более ранних, и более поздних, и европейских, и восточных, и научных, и донаучных — вариантов лечебной деятельности.

В то же время из истории медицины известно, что школа Гиппократов возникла в результате преодоления взглядов и подходов, характерных для других, более ранних медицинских школ, которые выстраивали свою практику на основе натурфилософских представлений, характерных для ранней древнегреческой философии, предшествовавшей ее классическому этапу. Согласно взглядам первых натурфилософов и древнегреческих целителей, практиковавших на основе их представлений, человек воспринимался как некая аналогичная непосредственно воспринимаемому миру целостность, как микрокосм, который имел непосредственную связь с природой, с Космосом. Именно врачи-натурфилософы выдвинули «учение о кразах», согласно которому организм человека представляет собой своеобразную систему, состоящую из четырех жидкостей: крови, желтой желчи, черной желчи и флегмы (слизи). Здоровье человека определяется здесь гармоничным соотношением всех жидкостей, а болезнь означала нарушение этого равновесия (дискразия). Лечение, исходя из этих представлений, базировалось на «прибавлении» или «убавлении» определенной жидкости в целях воссоздания гармонии, в особых случаях требовалось и хирургическое вмешательство с помощью специальных инструментов и технических устройств.

Школа Гиппократов отнюдь не была свободна от этих взглядов, более того, впоследствии она взяла их на вооружение. Уникальность подхода Гиппократов состояла в том, что в понимании человека и в отношении к нему он сместил акцент, а именно перенёс основное внимание от природы на самого человека. Такой поворот стал специфическим выражением тех перемен, которые в этот период переживала культура античного полиса. Начало активной деятельности школы Гиппократов совпало с историческим появлением Сократа и софистов, возникновением учения Платона и систематизацией тогдашних научных идей в трудах Аристотеля. Этот этап развития философской мысли характеризуется денатурализацией – началом трансформации исходной, примитивной целостности человека, разрывом его связи с поверхностно понимаемой природой, с переходом медицины от учения о «стихиях» к постижению духовной сущности человека. Наступает период, определяемый в философии как «антропологический поворот», который характеризуется движением от природного к искусственному и становлением античной классики.

В сфере медицины это выразилось в том, что на первое место в школе Гиппократов была поставлена не техническая умелость в проведении манипуляций и вообще не изоциренное знание каких-то конкретных лечебных приемов, а совершенствование личности врача. Наиболее известное изобретение Гиппократов в данной области – его «Клятва», «Клятва Гиппократов». Ее возникновение и бытование указывает на то, что в качестве краеугольного камня в фундамент медицины теперь закладывается не только факт владения теми или иными лечебными приемами, но способность воспроизводить и универсально обновлять эту умелость, воплощенную во врачах как в активном агенте культуры.

Одна из общих особенностей медицины состоит в том, что человек в ней представлен и как объект воздействия – *пациент*, и как субъект деятельности – *врач*, и как личность в качестве психологически-личностного субстрата,

который подвергается обучению, «образовательному процессу» как *специалист-профессионал*. Благодаря «Клятве» медицина теперь в той же мере обращается на объект лечебной деятельности, в какой – и на ее субъекта, поскольку идеал врача ориентируется на формирование идеальной, совершенной личности: «Клянусь Аполлоном врачом, Асклеием, Гигеей и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями... Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости...»¹⁶⁵.

С другой стороны не следует забывать, в каких реальных условиях протекала эта рефлексивная и удвоено ориентированная – на субъекта и на объект – деятельность. Краеугольным камнем античного мировоззрения, его квинтэссенцией все время остается система социального неравенства, выражающаяся в безусловном праве господина распоряжаться своим рабом как вещью, что приводит к соответствующему пониманию природы человека и назначению медицины. Античная культура была построена на рабском труде, где раб представлял собой «говорящее орудие», соответственно, цель медицины того времени сводилась к восполнению утерянных функций для дальнейшего осуществления рабского труда. Аристотель по этому поводу говорит: «Господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему. Из вышеизложенного ясно, что такое раб по своей природе и по своему назначению: кто по природе своей принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот

¹⁶⁵Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. Ред., вст. ст. и примеч. проф. В.П. Карпова. М.: «Сварог», 1994. С. 87.

по своей природе раб... властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны»¹⁶⁶.

Причем, и «свободные граждане полиса» тоже, так или иначе, оставались в аналогичном положении, поскольку над человеком сохранялось господство неких внешних сил, прежде всего социальных: «Объясняя человеческое поведение, греческие авторы неизменно апеллируют к объективным условиям и (или) божественной воле»¹⁶⁷. В подтверждение этому можно привести цитату Платона из его знаменитых «Законов», где он утверждает, что индивид не является самостоятельным существом и зависит от жизни полиса и богов: «Каждый из нас – это единое целое... Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание... Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона... Что же касается государства и частного человека, то этот последний принял бы за истину слово о руководящих нитях и счел бы нужным жить соответственно ему; государство же, приняв это слово от богов или же от познавшего все это человека, сделает его законом...»¹⁶⁸.

Аристотель прямо указывает на ведущую роль государства и его приоритет над индивидом. В труде «Политика» мы читаем: «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек... Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас, ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части»¹⁶⁹. Чем дальше в историческом смысле, тем больше проявляются эти тенденции. При этом

¹⁶⁶ Там же. С. 382.

¹⁶⁷ Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. С. 74.

¹⁶⁸ Платон. Сочинения в трёх томах. Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 108-109.

¹⁶⁹ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ.ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 378-379.

функция медицины остается прежней — вернуть человеку утерянные им тем или иным образом рабочие способности, чтобы восстановить его функцию в качестве орудия, исполняющего конкретную роль в системе разделения труда. Надо отметить, что приемы для подобного восстановления все время остаются примитивными, ограниченными «преднаучным» кругозором того времени.

В римский период в медицине происходят существенные изменения. Она обретает культивируемый характер, становится специализированной и обретает статус ремесла. Следует отметить и тот факт, что в этот период медицина обретает государственный характер, при этом образуется сеть больниц – стационарных медицинских учреждений. Особое распространение данная система получила во времена императорского Рима, где массовое потребление рабского труда требовало восстановления работоспособности рабочей силы¹⁷⁰. С другой стороны медицина все больше стремится к узкоинструментальной, ремесленной форме, выделяясь в целенаправленно воспроизводимую в наборе тогдашних профессий специальность и утрачивая прежние «естественные» корневые связи с полисным «жизненным миром»¹⁷¹.

Именно по этой причине в период поздней античности усиливается стремление врачей преодолеть эту ограниченность: «Они не хотят замыкаться в своей частной культуре, но рассчитывают овладеть общей культурой в чисто человеческом плане. Для этого медик не довольствуется своим профессиональным образованием, но, как видно в римскую эпоху на примере Галена, пытается тоже стать культурным человеком, знающим своих классиков, говорящим как настоящий ритор и спорящим как философ»¹⁷². Например, знаменитый врач Гален наряду с медицинскими сочинениями оставил множество философских трудов.

¹⁷⁰ Грибанов Э.Д. История развития медицинского образования: Учеб.пособие. М.: Изд. ЦОЛИУВ, 1974. С.6.

¹⁷¹ Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с фр. А.И. Любжина, М.А. Сокольской, А.В. Пахомовой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина 1998. С. 272.

¹⁷² Там же. С. 311-312.

В целом же человек при этом индивидуализируется, а культура «медикализируется», одновременно совершенствуется понимание медициной человека в качестве своего предмета. При этом, как отмечает Мишель Фуко, происходит сдвиг от исследования тела к постижению человеком своих внутриспсихологических процессов, тем самым осуществляется самопознание и становление внутреннего «Я» личности¹⁷³. По мере этого в культуре Античности ее крушения происходит «божественное просветление» христианского типа.

2.1.2.2. Средние века и эпоха Возрождения

Основные постулаты Средневековья предполагают, что тело и душа в человеке неоднородны: тело имеет греховную природу, а душа имеет божественное начало и связано с телом опосредованным образом. Лечение заключается в молитве, аскезе, покаянии. В целом мировоззрение Средневековья теоцентрично. У Августина Аврелия в его «Исповеди» читаем: «Прекрасно всё созданное Тобой, и несказанно прекрасен Ты, Создатель всего»¹⁷⁴.

В Средние века человек уже перестает ощущать себя принадлежностью некоей земной локальности – он вырывается из неё и ставится выше её, являясь вершиной творения Бога. Приниженное положение человека в реальности объясняется тем, что он утратил свой высокий статус благодаря грехопадению первых людей, что, таким образом, без помощи божественной милости и благодати человеку невозможно возвыситься вновь. Характерной чертой Средневековья в социальном отношении является неразрывная связь человека с его общиной, семьей, принадлежностью к сословию. Личность описывается прежде всего набором обязательных сословных добродетелей. Здесь всегда

¹⁷³Фуко М. О природе человека. Справедливость против власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 ч. Ч. 1. / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 64-65.

¹⁷⁴Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Общая ред. и ст. А.А. Столярова. М.: Канон +, ОИ «Реабилитация», 2003. С. 275.

мужчины обладали смелостью, отвагой, умом, добротой или были трусливыми, грубыми, глупыми; женщины, как правило, должны были быть красивыми, скромными, кроткими, послушными и добрыми, при этом нейтральных качеств, практически нет.

Медицина этой эпохи в практическом плане фактически не совершенствуется по отношению к медицине Античности, поскольку по большому счету, в социальной реальности человек остается здесь тем же рабским орудием в исполнении своих функциональных обязанностей и на верхних, и на нижних этажах тогдашнего общества.

Некоторые изменения происходят в эпоху Возрождения, но, следует отметить, они совершаются фактически только в мировоззренческой сфере, тогда как сфера материальной и социальной практики остается неизменной. Радикальные сдвиги здесь, а также преобразование образа человека происходят позднее, только в период Нового времени. Тем не менее, важно подчеркнуть, что в этот период начинает радикально трансформироваться мировоззрение: теоцентризм постепенно заменяется антропоцентризмом. Прочно утверждается мысль, что у человека теперь все прекрасно — и душа, и тело, которое в Средние века считалось порождением греха, а самое главное — он может творить самого себя и создавать новое, как Бог. Пико дела Мирандола: «Я не стыжусь похвалить себя за то, что никогда не занимался философией иначе, как из любви к ней, и в исследованиях и размышлениях никогда не рассчитывал ни на какое вознаграждение или оплату, кроме формирования моей души и постижения истины, к которой я страстно стремился. Это стремление было всегда столь сильным, что, отбросив заботу обо всех частных и общественных делах, я предавался покою размышления, и ни зависть недоброжелателей, ни хула врагов науки не смогли и не смогут отвлечь меня от этого. Именно философия научила меня зависеть скорее от собственного мнения, чем от

чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не слышать зла, но о том, чтобы не сказать или не сделать его самому»¹⁷⁵.

Мировоззрение человека Возрождения, а вместе с тем и соответствующий ему *образ* претерпевают существенные метаморфозы по сравнению со средневековьем: происходит переход от жесткого аскетизма, терпимости, приоритета душевных благ и духовных ценностей к значимости материальных благ, почестей, телесных и чувственных удовольствий, которые оказывают существенное влияние на характер личности, и, как правило, не в лучшую сторону. Николло Макиавелли смело заявляет: «Люди, вообще говоря, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны... скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности»¹⁷⁶.

В отношении к здоровью и к жизненному процессу вообще в эту эпоху господствует фатализм. Наиболее наглядным примером здесь является Мишель Монтень с его скептически ориентированной философией. Нельзя не коснуться в нашем исследовании и гуманистических увещаний М. Монтеня по отношению к смерти и бессмертию души, которые он радикально противопоставляет традиционной теологической догматике и христианской морали. Он отвергает бессмертие души, а смерть рассматривает такой же необходимой частью природного целого, как и жизнь, которая дается лишь один раз, поэтому человек сам должен решать такую сложную дилемму: «быть или не быть». Но руководствоваться он должен при этом не догматическими предписаниями, а самостоятельным разумным выбором, основанным на необходимости и благе для самого человека.

Следует отметить, что М. Монтень вполне допускал добровольный уход из жизни, т.е. самоубийство, которое в средневековье считалось особо тяжким

¹⁷⁵Пико делла Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х томах. Т. 1. / Сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. Пер. В.В. Бибихина [и др.]. М.: Искусство, 1981. С. 256.

¹⁷⁶Там же. С. 82.

грехом, не подлежащим искуплению. По этому поводу он писал: «Природа назначила нам лишь один путь появления на свет, но указала тысячи способов, как уйти из жизни... Смерть – не только избавление от болезней, она – избавление от всех зол. Это – надежнейшая гавань, которой никогда не надо бояться и к которой часто следует стремиться. Все сводится к тому же, кончает ли человек с собой или умирает; бежит ли он навстречу смерти или ждет, когда она придет сама... Жизнь зависит от чужой воли, смерть же – только от нашей»¹⁷⁷.

Таким образом, подводя итог рассмотрению культуры Античности, Средних веков и эпохи Возрождения, есть все основания обозначить эти периоды как эпохи господства традиционной культуры, где главным социальным элементом являются коллективы общинного типа, а отдельный человек выступает в качестве не более чем функциональной их принадлежности.

Характерная особенность медицины этого времени – это ее *синдромальный* характер¹⁷⁸. Синдромальная медицина направлена на восстановление нарушений жизнедеятельности, трудовой функции с помощью примитивных, заимствованных, большей частью, из ветеринарии лечебных технологий. Человек рассматривается при этом как однородная со всем живым миром часть природы, поэтому и лечение было основано на использовании тех природных закономерностей, которые доступны непосредственному наблюдению.

Вообще в традиционной культуре медицина, как и философия, носит натурфилософский характер. Здесь клинические приемы направлены на ликвидацию наиболее грубых нарушений, ценностный компонент медицины представлен Клятвой Гипократа, а человек хотя и описывается в философских

¹⁷⁷ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 2. Пер.с фр. М.: Голос, 1992. С. 23.

¹⁷⁸ Рыбин В.А. Медицина как парадигма философского знания / В.А. Рыбин // Науки о жизни и современная философия. Отв. ред. И.К. Лисеев. М.: Канон+, 2010. С. 418.

и религиозных учениях как одухотворенное существо, на практике определяется чисто природными характеристиками и предстает в образе «многофункционального животного», выполняющего различные виды тяжелого физического труда. Восстановление способности к труду – работоспособности – всегда было и до сих пор остается главным назначением медицины.

Завершая рассмотрение этих периодов, приходится заключить, что для рассмотрения нашей проблемы они представляют преимущественно исторический интерес, поскольку характеризуются донаучным типом мышления. Наука еще не стала в эту эпоху определяющим фактором культуры. Подобный сдвиг совершается лишь в Новое время и в последующие за ним столетия.

2.1.2.3. Новое время

Разрушение средневековой картины мира начинается в XIV веке, а к XVII веку формируется иное видение мира – объективное, рациональное, исключая участие Бога и требующее критически обоснованного осмысления. На наш взгляд, эта эпоха является ключевой в плане тех противоречий, которые мы переживаем сегодня, поскольку именно с ней связано формирование науки, изменившей материальную основу и сам тип социума, а главное, выдвинувшей в качестве главного его элемента отдельного, автономного индивида. Данное обстоятельство и обусловило все последующие антропологические трансформации, затронув все без исключения сферы культуры.

Материалы по этой проблеме имеются в огромном количестве, но нет никакой возможности перечислять относящиеся к делу источники, поэтому к рассмотрению мы привлечем лишь некоторые работы, положения которых важны для целей проводимого исследования. В плане понимания глубинных процессов, оказавших определяющее воздействие на изменение положения

человека в социуме посттрадиционной эпохи наиболее продуктивной нам представляется работа В.А. Рыбина «Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте».

В целом сдвиги в характере культуры на протяжении всего исторического периода от Античности до Нового времени автор связывает с особенностями воспроизводства и деятельностью индивида, с ролью технических систем в его жизни. В древних культурах, в частности, в Античности, а также в Средневековье именно земля, ее возделывание выступают как главное средство производства и воспроизводства материальной основы жизни людей, Здесь нет никаких условий для формирования полноценного рефлексивного отношения к миру, подобного научному. Хотя люди здесь сами, искусственным путем воссоздают условия своего существования, то есть разделение субъекта и объекта здесь объективно существуют, но оно «оказывается преимущественно теоретическим, когда субъектность индивида в качестве продукта его собственной активности вообще не обосновывается, поскольку она представляется естественной – природно (или богом) данной. <...> Главной задачей воспроизводства культуры такого типа оказывается удержание постоянства орудийных способов действия, где человек в качестве живого орудия “пристроен” к заданному, созданному не им “природному” миру»¹⁷⁹.

В Новое время благодаря науке техника все больше становится вещественным воплощением теоретического замысла ученого и оказывает существенное влияние на практику, а в более широком смысле и на общественную жизнь в целом. Земледельческое производство становится подразделением промышленного. Традиционное общество гибнет, по крайней мере на Западе. Начинает формироваться техногенная цивилизация. В контексте своей жизнедеятельности человек остается орудием, но теперь,

¹⁷⁹Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 200.

образно выражаясь, он становится «придатком самого себя», поскольку подключается к технике и машинам — продуктам своего творчества, а не к природе¹⁸⁰. На первый план выходит техносфера, которая, если применить в данном случае воспроизводящую структуру человеческого практики учение Аристотеля о четырех причинах-началах¹⁸¹, воплощает собой только две из них, а именно материальную (теоретическая, фундаментальная наука), и двигательную (инженерная, практическая наука), тогда как две другие — формальная и целевая — остаются вне сферы рефлексии.

Как результат, весь последующий исторический процесс совершается в сочетании двух параллельных, но при этом противоположных процессов. Первый процесс совершается по линии научно-технического прогресса благодаря становлению науки, а также превращения ее в непосредственную производительную силу в эпоху Модерна. Второй процесс совершается по линии постепенного распада традиционного общества и полного вымывания его элементов из культуры. Однако и в научно-теоретическом и философском познании систематической рефлексии подвергается только первый процесс (поэтому философия сосредоточивается на создании «наукоучений»), а второй процесс, более тесно связанный с человеком, протекает в среде жизненной повседневности, в какой-то степени осмысливаясь средствами искусства. Медицина формируется по линии первого процесса, под влиянием науки, но сам человек пребывает на второй линии. Такое положение приводит к тому, что человек не только в науке, но и в медицине понимается ограниченным образом (когда главное внимание уделяется работоспособности — сначала рассматриваемой как продукт физических качеств человека, а ближе к нашему времени — еще и как духовно опосредуемое свойство. В общем, в ходе исторического процесса человек не только на практике, но и в теории всё больше превращается в орудие. Кульминацию этого процесса мы наблюдаем в

¹⁸⁰ Там же. С. 203.

¹⁸¹ Там же. С. 194-195.

наши дни. Именно под этим углом зрения, по мнению Рыбина, и надлежит рассматривать все возникающие сегодня проблемы культуры.

Вернемся к самому началу данного параграфа, где упоминается классификация типов научной рациональности по-Стёпину. Поскольку, начиная с Нового времени, и культура, и философия, и медицина начинают развиваться под влиянием науки, то с этого момента в рассмотрение антропологического аспекта медицины можно уже включать классификацию обозначенных В.С. Стёпиным типов научной рациональности и соответствующих им типов культуры. На этапе классической научной рациональности в культуре формируется *классическая медицина*, где воздействие на человека осуществляется в параметрах *макромира*. Здесь сохраняется действенность этических нормативов «Клятвы» Гиппократата, но, как убедительно демонстрирует Мишель Фуко в своем труде «Рождение клиники», к человеку уже начинают прилагаться приемы, заимствованные из арсенала естествознания¹⁸², вследствие чего отныне он понимается исключительно как «человек – машина» — в полном соответствии с названием классического сочинения Жюльена де Ламетри, но в конкретном инженерном воплощении соответственно ступени научно-технического прогресса. Таким образом, медицина Нового времени окончательно приобретает статус естественнонаучной области познания.

Как уже неоднократно упоминалось, именно прогресс науки породил проблемы современной техногенной цивилизации. Поэтому следует обозначить хотя бы некоторые слабые места того типа научного отношения к миру, который оформился в Новое время, закрепился в эпоху Просвещения и продолжает преобладать по нынешнюю пору. В критиках науки нет недостатка, но для целей нашего исследования наиболее целесообразным выглядит

¹⁸² Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2010. С. 56.

привлечение к рассмотрению некоторых положений из философского наследия крупнейшего представителя «философии жизни» Анри Бергсона.

Бергсон отождествляет науку с интеллектом: наука – высшая степень интеллекта, а сам интеллект – это рассудочное познание, достигшее высших форм в методах физико-математических наук. Интеллект разделяет целостность мира на тела, тела – на элементы, а затем конструирует из них сначала образы некоторых отдельных фрагментов реальности, а потом и всего мира.

Но познание этого рода остается ограниченным – оно способно познавать только «неорганизованную», неживую материю, загадка жизни для него закрыта. В случае подобных затруднений на помощь могла бы прийти философия. Но сложность в том, что сама философия находится под влиянием науки и мыслит аналогичным образом. Бергсон так описывает эту ситуацию: «Цель философии – умозрение, то есть видение; ее позиция по отношению к живому не является позицией науки, которая стремится только действовать и которая, умея действовать через посредство инертной материи, рассматривает и остальную реальность только под этим углом зрения. Что же будет, если философия полностью предоставит позитивной науке факты биологические и психологические, как по праву уступила она ей факты физические? Она примет *a priori* механистическую концепцию всей природы, концепцию непродуманную и даже бессознательную, исходящую из материальной потребности. Она примет *a priori* доктрину простого единства познания и абстрактного единства природы»¹⁸³.

Чтобы преодолеть ограниченность такого положения дел, философия должна занять «особую позицию и смотреть на него по-иному, чем позитивная наука»¹⁸⁴, продолжая, однако, работать вместе с нею, «чтобы в конце-концов

¹⁸³ Бергсон Анри. Творческая эволюция. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С. 202-203.

¹⁸⁴ Там же. С. 204.

прийти к одной общей форме»¹⁸⁵. В итоге «благодаря совместному и последовательному развитию науки и философии мы постигнем само бытие в его глубинах»¹⁸⁶.

Далее в своем главном сочинении «Творческая интуиция» Бергсон развертывает ту мысль, что задачей философии в этой совместной работе должно стать раскрытие сути интуиции как другой, дополнительной к интеллекту познавательной способности человека, но этот аспект уже выходит за рамки нашего исследования. Нам важно понять, в силу каких причин наука до сего времени развивается в познавательном отношении преимущественно по линии интеллекта и не выходит за рамки позитивизма, следовательно, какую именно «добавку» должна внести философия в познавательный процесс, чтобы ликвидировать такую односторонность развития науки и затем на этой основе выйти к формулировке тех регулятивов, в которых так остро нуждается медико-биологическое познание и практическая биомедицина. Версию подобной обновленной интерпретации философского знания планируется представить в заключительном, четвертом параграфе данной диссертационной работы. А сейчас следует вернуться к историческому рассмотрению представленных в медицине антропологических концептов вместе с характерным для каждого из них *образом человека*.

2.1.2.4. Медицина эпохи современности

Современность в данном случае идентифицируется с завершающим этапом периода Модерна в середине и второй половине XX века. Для наиболее продуктивного понимания антропологической ситуации сосредоточимся на тех процессах, которые в этот период происходят в медицине. В этот период происходит формирование *неклассической медицины*. Как и в естествознании, оно связано с переходом науки к воздействиям на *микромир* уже за пределами

¹⁸⁵ Там же. С. 211.

¹⁸⁶ Там же. С. 205.

непосредственного чувственного восприятия. Затем эти достижения переносятся в лечебную сферу.

После второй мировой войны контекст существования людей в развитых странах стремительно «денатурализируется»: преобладающими причинами заболеваемости и смертности становятся реакции человека на психоэмоциональные стрессы («эпидемия» сердечно-сосудистых заболеваний), на загрязнение среды мутагенами (аллергии) или на то и другое вместе (онкология), т.е. на факторы явно искусственного характера. В соответствии с нарастающей научно-технической вооруженностью современной медицины и культуры в целом актуализируется запрос и на нередуцированные представления о человеке, согласно которым целью медицины должно стать формирование здоровья. Но это в теории, потому что на практике медицина продолжает развиваться как медицина симптомов, болезней, но не здоровья.

Научно-технический прогресс оборачивается к человеку обратной стороной: увеличение массива формализованного «позитивного» знания и соответствующих орудийных технологий, трансформируется в нарастание узкоспециализированных направлений и специалистов. Медицина становится громоздкой и малоуправляемой, а человек «растаскивается» в ней по отдельным специалистам. «Закономерно, что ответом на узость частных орудийных практик, не позволяющих в своей селективности осознать новые, раскрывающиеся культурой горизонты, оказывается возрождение виталистических концепций в медицине»¹⁸⁷. Это гомеопатия, антропософская медицина, психоаналитически ориентированная психосоматика (школы Ф. Александера, Ф. Данбар и др.).

Американский философ Марк Вартофский в своей классической работе «Модели. Репрезентация и научное понимание» подробно излагает суть

¹⁸⁷Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 233.

ситуации, сложившейся в современной медицине: «Случилось так, что наша практика обогнала наши более старые нормы, и теперь невозможно систематически отделить те, которые остались жизненными, от тех, которые не являются таковыми. Наряду с этим под давлением изменений – социальных, технологических и научных – практика медицины, как и другие виды социальной и институциональной практики, вынуждена была адаптироваться к этим изменениям»¹⁸⁸. Вартофский считает сомнительными надежды на то, что можно просто вернуть к жизни прежнюю классическую медицину вместе с ее моральными нормами гиппократовского типа, равно как и просто модернизировать моральную теорию как основание для решения всего комплекса проблем. Он подчеркивает: на современном этапе медицина ускоренными темпами индустриализируется и капитализируется и выступает теперь уже не в виде частной врачебной практики, а как «союз медицинской практики с медицинской наукой и медицинской техникой»¹⁸⁹. В этом контексте приращение медицинских знаний и соответствующих биомедицинских технологий реализуется по линии углубления разделения труда и трансформируется в нарастание селективных, изолированных друг от друга исследовательских и лечебных направлений, воздействующих на человека с самых разных сторон, но в изоляции друг от друга.

Главный результат этих процессов — то, что *образ* человека в медицине (следовательно, и в культуре в целом; просто в медицине эти процессы совершаются реально и могут быть зафиксированы достоверно) начинает размываться, утрачивая прежнюю целостность. Человек теперь моделируется как система, внутреннее строение которой частично улавливается (обменные процессы в организме на органном и клеточном уровне, генетическая наследственность и т.д.), однако то, каким образом это внутреннее связывается с целостным организмом и внешними, непосредственно значимыми аспектами

¹⁸⁸Вартофский М. Добродетели и пороки: социальное и историческое конструирование медицинских норм // Маркс Вартофский. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1990. С. 421.

¹⁸⁹Там же. С. 439.

его существования (со здоровьем, с заболеваемостью, продолжительностью жизни, смертностью), остается неясным. На этом фоне «медицинская норма становится относительной, завися от постоянно изменяющихся социальных и индивидуальных стандартов, а понимание болезни как "нарушения" провоцирует увеличение степени медицинского вмешательства для устранения не только состояний, угрожающих жизни пациента, но и элиминации не соответствующих представлениям индивида как благополучных организменных процессов и явлений, которые, однако, являются нормальными с точки зрения биологии»¹⁹⁰.

По этой причине целесообразность тех или иных ориентированных на микроуровень вмешательств в организм человека (чем и занята биомедицина) приходится оценивать «по эффекту», а именно через соотнесение воздействий на входе с результатами на выходе, то есть на кибернетический манер – по образу «черного ящика». В наши дни можно сказать и «по образу компьютера новейшего образца».

Редуцированному образу человека соответствует редуцированная этика: на место классической этики Гиппократовы становятся принципы биоэтики. Если нормативы первой однозначно ориентированы на лечение и, как следствие, на приоритет врача в этом процессе, то установки второй во главу угла ставят такие юридически оформленные отношения врача и пациента, как «автономный выбор» и «информированное согласие»¹⁹¹. При этом нравственно нагруженное содержание классической гиппократовой этики начинает подменяться стандартами профессиональной добросовестности, обязательными для любых видов специализированной деятельности, не только для медицины.

2.1.2.5. Новейшая современность и ее антропологические перспективы

¹⁹⁰ Панова Е.Л. Категория здоровья и болезни в эволюции парадигм медицины // Социология медицины, 2019. Т. 18, № 2. С. 113.

¹⁹¹ Шевченко Ю.Л. Философия медицины / Ю.Л. Шевченко и др. М.: ГЭОТАР-Ф56 МЕД, 2004. С. 450.

Последний исторический этап развития культуры, который происходит в наши дни, включает в себя первые десятилетия XXI века. Данная эпоха характеризуется такой трансформацией антропологического статуса человека и социального института медицины, которая уже явно обозначает какое-то принципиально новое качество. Здесь, в момент перехода от *неклассической медицины* к *постнеклассической*, и возникает главная опасность для культуры и человека. Эта угроза обусловлена усиливающейся диспропорцией практических и теоретических аспектов в составе того антропологического концепта, который реализуется и в культуре в целом, и в любой из ее сфер, включая медицину: уровень рефлексии, особенно в плане осмысления долговременных последствий биомедицинских нововведений, снижается прямо пропорционально росту их технологической изощренности. В итоге, с одной стороны, вполне реальной становится перспектива трансформации человека в робота, киборга, терминатора и т.д. (проект трансгуманизма). С другой стороны, это обстоятельство не осознается с должной настороженностью, поскольку в параметрах и науки, и медицины, и философии все три последовательно сформированные версии антропологического концепта («человек – машина», «человек – черный ящик», «человек – робот») предстают как модификации исходного, качественно однородного антропологического концепта, сформированного по критерию работоспособности («человек – орудие»), и в результате выглядят вполне закономерной тенденцией, предполагающей неизбежную утрату человеком не только своей целостности, но и своей сущности по мере наращивания «техногенной цивилизацией» своего научного и технологического потенциала.

Положение человека в новейшей постнеклассической культуре радикально отличается от его положения в прежние периоды развития культуры, науки и медицины. Суть этого несоответствия заключается, с одной стороны, в невозможности регулировать развитие новейшей медицины и культуры прежними регулятивами, потому что они все еще продолжают

измеряться мерками классической и неклассической рациональности, тогда как сегодняшняя реальность все больше обретает постнеклассический характер. Теоретики признают, что гуманитарное знание в его нынешнем состоянии, как и представления о человеке, сложившиеся в предшествующий период, уже далеко не в полной мере соответствуют потребностям современной теории и практики¹⁹². С другой стороны, уже сейчас создается возможность реально преобразовывать организм человека средствами биомедицины: «Трансплантация и создание искусственных органов, терапия стволовыми клетками, генетическое манипулирование, выращивание искусственных тканей и органов, методики оживления и продления жизни, регулирование репродуктивности человека и прочие способы организменной трансформации уже входят в повседневную практику клинической медицины»¹⁹³.

Ситуация обретает критический, кризисный характер: биомедицина своими инвазивными технологиями ставит под угрозу жизнь всего человечества, а современное теоретическое знание не способно ни дать операционально четкого определения человека, ни указать тот критерий, на который можно ориентироваться при его «переделке». Как следствие, происходит новый сдвиг, теперь уже окончательный: образ человека как технического устройства, заложенный в основу научной картины мира в Новое время, теперь находит «свое наиболее полное воплощение в современном культурном запросе на произвольную трансформацию человеческого организма с помощью средств медицинского вмешательства»¹⁹⁴.

¹⁹² Юдин Б.Г. и др. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) // Человек. 2019. № 2. С. 6-41.

¹⁹³ Рыбин В.А. Трансгуманизм и философия: к вопросу о формировании гуманитарного знания нового типа // Научная парадигма цивилизации в XXI веке: капитализм, социализм и четвертая технологическая революция : Сборник трудов Десятого международного конгресса передовых наук (Конгресс WARP), Челябинск, 17–19 октября 2018 года / Под редакцией В.И. Бархатова, Д.А. Плетнёва. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. С. 305.

¹⁹⁴ Панова Е.Л. Панова Е.Л. Медицина и трансгуманизм: Путь от подражания природе к ее забвению // Биоэтика и социальная оценка технологий : Сб. Науч. тр. ; отв. ред. Гребенщикова Е.Г. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 120.

В более общем социокультурном истолковании новейшая постнеклассическая ситуация такова. В сфере науки наблюдается переход от неклассической рациональности к постнеклассической. В области культуры предельно остро встает вопрос о дальнейших антропологических тенденциях по «ту» или «эту» сторону «антропологической границы». В системе философии, рефлектирующей на целостность культуры, фиксируется состояние Постмодерна с его плюрализмом и релятивизмом. В поле деятельности медицины возрастает риск того, что сам человек из предмета *частично ограниченных* биомедицинских воздействий (каковым он еще остается в данный момент, поскольку биомедицина вынуждена пока сосуществовать с нормативами классической медицины) окончательно станет предметом *неограниченных* биотехнологических манипуляций.

Ситуация в самом деле выглядит предельно сложной. Но однозначно фатальной она представляется лишь в том случае, если за меру дальнейшего развития культуры принять тот концепт человека, который восходит к редуцированному его образу и реализуется в данный момент, в том числе и средствами биомедицины. Между тем, как показывает проведенный в сфере философии и медицины историко-антропологический анализ, подобная тенденция сформировалась исторически, то есть является антропологически производной, следовательно, не может рассматриваться как онтологически фундаментальная. В свете *иного антропологического концепта* ситуация будет выглядеть по-другому, и *с этой, другой* точки зрения она представляется более многомерной и неоднозначной: в ней определяются две альтернативные перспективы дальнейшего развития культуры и человека – либо движение по сложившейся траектории в сторону трансгуманизма, либо выработка такого обновленного концепта человека, который позволил бы реально разрешить значительную часть тех проблем, которые были порождены прогрессом науки в рамках «техногенной цивилизации» и столь остро обозначились в биомедицине.

2.2. Онтоантропологическая интерпретация феномена биомедицины в контексте новейшей современности

В предыдущих параграфах рассматривались положения ведущих российских и зарубежных теоретиков, положения которых важны для решения нашей проблемы. Предпринятое в предшествующем параграфе обширное историческое рассмотрение концепта человека сквозь призму философии и медицины убедительно демонстрирует, что культура постоянно преобразуется, расширяется, и, как следствие, изменяется положение человека в ее системе и мире в целом. Историческая эволюция непрерывно порождает новые проблемы, самой острой из которых в наши дни становится угроза существованию человека, порожденная самим же человеком в форме научно-технического прогресса, достижений науки, прежде всего в области биологического познания, проецируемого в сферу медицины. В то же время, как выясняется, происходит это при отсутствии адекватного теоретического инструментария для интерпретации складывающейся ситуации. Выработка этого методологического инструментария, а на ее основе и более конкретных рекомендаций, значимых для сферы практики и будет содержанием заключительного раздела нашего исследования.

Выражаясь обыденным языком, в контексте современной техногенной цивилизации человек становится несоразмерным ее мощи и масштабам, его природное естество оказывается под угрозой. Вся предшествующая культура, как выясняется, была «природозависимой», поскольку в той или иной степени оставалась традиционной в социальном отношении и встроенной в биосферу в материально-производственном отношении. Сегодня же необходимо признать тот факт, что в современных условиях вся биосфера, образно выражаясь, как бы накрывается «покровом» техносферы. На смену доминированию природы в жизни человека приходит доминирование культуры. А поскольку техносфера в настоящее время развивается благодаря науке, то темпы технического развития становятся стремительными и необратимыми, вследствие чего все прежние

стандарты отношения людей к миру, включая отношение их к собственному организменному естеству, стремительно устаревают. Эти стандарты, как оказалось, не были рассчитаны на быструю динамику изменений. Возникает соблазн «усовершенствовать» человека приемами, заимствованными из арсенала новейших достижений естественных наук и техники. Именно эти аспекты необходимо учитывать для того, чтобы преодолеть возникшие противоречия.

Проведенный в предшествующих разделах работы анализ теоретических и практических аспектов новейшей биомедицины раскрывает скрытую от поверхностного взгляда внутреннюю антропологическую специфику переживаемого нами исторического момента, относительно которого, учитывая сделанные на предшествующих этапах умозаключения, можно утверждать следующее. Уникальность текущей исторической ситуации заключается не только в том, что в нашу эпоху онтологическая реальность оформляется как создаваемая, проектируемая субъектом действительность, и даже не в том, что она воздействует на человека на пределе его биологических возможностей и в результате обретает отчетливый «человекообразный» характер. Вывод выглядит более глобальным: как было показано в параграфе 2.1., есть все основания характеризовать «наше время как развилку на дороге, как перепутье»¹⁹⁵ в ситуации выбора между двумя вариантами дальнейшего развития культуры, человечества, всего человеческого рода.

Первый, «пессимистический» вариант предполагает дальнейшую редукцию образа человека до *биоробота* с последующим разделением человеческого вида на несколько подвидов, конкурирующих друг с другом за качество приспособленности к среде, но не биологической, а технической. Нетрудно предвидеть, что в подобных условиях нынешний «естественный» подвид человека неизбежно проиграет. Вслед за этим последует его неизбежное

¹⁹⁵ Веряскина В.П. Технологии и образ будущего: системные изменения // Время решающих перемен: «звездный час» науки? М.: КАНОН+, 2023. С. 276.

вырождение, как это происходит с «отстающими», «непрогрессивными» видами в ходе естественной эволюции¹⁹⁶.

Второй вариант, предполагающий альтернативную «оптимистическую» перспективу, не обладает пока какой-либо достаточно значимой в практическом отношении конкретностью и нуждается в целенаправленной разработке, прежде всего в плане формирования обновленного антропологического концепта. Про него до недавнего времени можно было говорить лишь в самых общих чертах, но сегодня, когда положение становится угрожающим, когда не требуется доказывать, что «в зеркале цивилизации может однажды вместо привычного образа отразиться обличье совсем другого антропотворного создания»¹⁹⁷, этот концепт требуется охарактеризовать уже «операционально», то есть свести его к некоторой целостной и, главное, философски обоснованной модели. Иными словами, для новой онтологической реальности нужен новый антропологически выверенный концепт. Это значит, что требуется как можно более четко указать специфику новой, постнеклассической реальности и адекватно определить положение человека в ее контексте, чтобы исходя из выработанной подобным образом картины мира сделать более конкретные выводы относительно способов и вариантов воздействия артефактов техногенной цивилизации на естество человека.

В чем в самых общих чертах заключается специфика новейшей — постнеклассической — реальности? Интересную позицию в этом вопросе занимает известный отечественный философ А.Н. Павленко. Двадцать лет назад, рассматривая проблему экологического кризиса, он усматривал выход из него не в отказе от достижений цивилизации, а в приспособлении человека к расширяющейся искусственной среде и сопутствующей этому экологической деструкции — не в возвращении цивилизации к естественным началам, а в

¹⁹⁶ Прогресс // Биологический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 507-508.

¹⁹⁷ Крусс И.П. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С.47.

приведении человеком самого себя в искусственное состояние вслед за окружающей средой¹⁹⁸. В этом ракурсе определенно просматривалась логика трансгуманизма. В последнее время Павленко резко изменил свои взгляды и фактически перешел к критике научно-технического прогресса и техногенной цивилизации. Во всяком случае, в ее развитии он усматривает некую устойчивую тенденцию, развиваемую наукой во второй половине XX-го столетия и первые десятилетия XXI-го, а именно: «Современная наука все меньше открывает и все больше конструирует»¹⁹⁹. Подтверждением этой тенденции могут служить технологии, которые с каждым годом все увереннее входят в медицинскую практику во всем мире, а именно, геновая инженерия: конструирование генома человека – получение человека с определенным заданным набором признаков или «ребенок на заказ».

Если вернуться к самой науке, то в её собственных глазах главной целью, как и прежде, остается *открытие сил и законов природы и дальнейшее их использование во благо человека*. Ведь именно этот базис в прошлом дал науке лидирующее положение по сравнению не только с другими формами знания, но и другими сферами культуры, что и обеспечило господство науки над ними и превратило ее в лидера современной культуры. Закономерно, что наука в лице ее представителей и апологетов склонна утверждать, что за прошедшие столетия статус науки ничуть не изменился, и что она имеет все права для сохранения его в будущем.

Но Павленко глубоко убежден, что в наши дни наука, возможно, не осознавая этого, радикально меняет направление и цели своего развития, и это безусловно ведет к изменению ее статуса. Вряд ли утрачиваются установка на освоение законов природы, на познание мира в целях достижения блага и пользы для человека. Но можно с уверенностью говорить, что научное знание

¹⁹⁸ Павленко А.Н. «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 67. С. 66-79.

¹⁹⁹ Павленко А.Н. Удел философии в преддверии господства техники / А. Н. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 4. С. 37. С. 30-40.

развернуло вектор развития в сторону конструирования совершенно новых форм бытия, в том числе, связанных с жизнью человека. *Наука теперь уже не открывает, она теперь создает!* Логично, что создание чего-либо само по себе невозможно, и для этого требуется определенный инструмент, а таковым является – техника. Именно наука породила технику, которая, в свою очередь, занимая теперь господствующее положение относительно всех других форм познания и практики. Желает ли сама наука или нет, но она вместе с другими формами духовной деятельности (мифология, религия, философия, мораль) вынуждена подстраиваться под нового, ориентированного на переделку мира – на конструировании – лидера²⁰⁰: техника как таковая встает на место разрыва связи человека с естественным миром²⁰¹.

Другой отечественный философ В.Ю. Кузнецов в интерпретации специфики текущей постнеклассической реальности тоже опирается на феномен конструирования, но в данном случае выделяет другой аспект, а именно соответствующий ей особый способ философского мышления, противопоставляемый прежним его вариантам, прежде всего классическому философствованию. Кузнецов последовательно демонстрирует в своей работе «Единство мира в постнеклассической перспективе» переход от философской классики сначала к неклассике, а потом и к постнеклассике, которая и дает наиболее четкую, по его мнению, картину текущей реальности с ее проблемами.

Классическая философия представляет собой цельное, теоретически однородное образование, тогда как неклассическая – более сложное явление, вплоть до качественных различий: «Представляется целесообразным рассматривать классику и неклассику не просто как типологические группы или наборы концепций, но как принципиально различные стратегии,

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Павленко А.Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники / А. Н. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2003. № 1. С. 67-75.

разворачивающиеся в концептуальном пространстве всей философии»²⁰². При этом, рассуждает В.Ю. Кузнецов, с позиции классики неклассику разглядеть практически невозможно – та будет видеться в лучшем случае как какое-то искажение или извращение, случайная или намеренная ошибка; тогда как с позиций неклассики классика предстает просто или более-менее тривиальным частным случаем, одной возможностью из многих других. В общем, надо смотреть с более высокой в историческом и структурном отношении позиции.

Различение «классика – неклассика» лишь на первый взгляд может показаться простым и понятным делом, в действительности – это непростая задача. Одним из первых, кто озвучил проблематику различения «классика – неклассика» был Мишель Фуко, который путем «археологического исследования» выявил и описал «два крупных разрыва в эпистеме западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности. Порядок, на основе которого мы мыслим, имеет иной способ бытия, чем порядок, присущий классической эпохе»²⁰³. Ко времени начала Возрождения Фуко относит и начало формирования человека современного типа, завершение этого процесса совпадает с окончанием Нового времени. Таким образом, человек – недавнее изобретение, существующее каких-то всего двести лет. Но, он может исчезнуть, если поле нашего знания примет новую форму. Именно знания, ибо особое положение человека в мировоззрении классической эпохи обусловлено лишь той особой позицией, которую он занял в сфере знания. «Отсюда, – делает вывод М. Фуко, – произошли все химеры новых типов гуманизма, все упрощения «антропологии», понимаемой как общее, полупозитивное, полуфилософское размышление о человеке»²⁰⁴. Вывод: переход от классики к новому,

²⁰²Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. С. 89.

²⁰³Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступ. статья Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. С. 35.

²⁰⁴Фуко М. Указ.соч. Там же. С. 36.

неклассическому состоянию даже не в практическом, а духовном, философском смысле, может содержать в себе серьезные угрозы в смысле создания теоретических моделей, искажающих представления о социальной реальности.

Переход от классической философии к неклассической связан с формированием нового рефлексивного уровня, не сводимого к классике. Это новые философские стратегии мышления, однако, отметим мы, прогрессирующего в русле наукоучений как одной из магистральных линий всего новейшего философствования, тогда как все метафизические учения выступают как бы в роли отходящего, обороняющегося отряда (этого нет у Кузнецова). Формирование неклассики, продолжает Кузнецов, приводит к появлению постнеклассики, но, отмечает он, у Фуко, к сожалению, нет каких-либо ориентиров на осмысление подобных когнитивных переходов.

Для осмысления того, каким образом осуществляются данные переходы, целесообразно вернуться к рассмотрению того, каким образом происходит переход от классики к неклассике. Аналогом классического объекта выступает объективированный комплекс, включающий наряду со средствами и материалом еще и определенные цели и ценности. На этот раз от субъекта отслаивается, обретает некую автономию и объективируется еще один пласт, а знание относительно этой новой расширенной связки не субъективируется. «На примере данной схемы наглядно видно, как постепенно заполняется опосредствующими инстанциями та казавшаяся классикам пустой, прозрачной и проницаемой среда, которая оказывается посредником между субъектом и объектом (материалом/результатом), а также единственным средством упорядочения и освоения мира»²⁰⁵. Что именно выступает подобной средой сейчас, при переходе от неклассики к постнеклассике?

Решение этого вопроса, своеобразную «путеводную нить» Кузнецов находит в оригинальных работах М.К. Мамардашвили, а также в других его

²⁰⁵ Кузнецов Ю.П. Ук. соч. С. 96-97.

сочинениях, выполненных вместе с соавторами (Э.Ю. Соловьев и В.С. Швырев). Его предпосылки звучат так: «Философия классического периода представляет собой удивительно цельное образование во всех его проявлениях, она как бы отлита из одного куска, пронизана одним каким-то умонастроением и пафосом <... > общее поле проблем и мысленных операций, внутри которого разворачивались основные мировоззренческие столкновения, борьба материализма и идеализма, было в высшей степени связным, гомогенным, характерологически устойчивым»²⁰⁶. Классическая эпоха обладает важной, определяющей ее суть чертой, связанной с местом и ролью человека.

Но для классики характерно то, что человек рассматривается в ней косвенно, причем в двух отношениях. Во-первых, он принимается исключительно через духовные феномены, как «воплощение общей структуры сознания и самосознания известной исторической эпохи, выражение возможного для нее типа личности, персональности, представленных через сам способ мышления»²⁰⁷. Во-вторых, картина мира рисуется существующей «независимо от человека и человечества, живущего своей естественной жизнью, несоизмеримой с возможностями человеческого вмешательства и решения»²⁰⁸. Человек здесь присутствует в картине мира, но на заднем плане — как *человек-машина*. Фактически он тут посторонний, бытие в нем не нуждается.

Переход от классики к неклассике, по утверждению Мамардашвили, Соловьева и Швырева, совершается через создание нового слоя рефлексии: «Примечательно, что для схватывания самой рефлексии любого фиксированного уровня необходима рефлексия более высокого порядка, причем рефлексия любого уровня остается для самой себя по понятным

²⁰⁶Мамардашвили М.К. Необходимость себя / Лекции. Статьи. Философские заметки. Под общ.ред. Ю.П. Сенокосова. М.: «Лабиринт», 1996. С. 376. (432 с.)

²⁰⁷Мамардашвили М.К., Соловьев,Э.Ю., Швырев,В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 55. С. 28-94.

²⁰⁸Там же. С. 378.

причинам невидимой – образуется своего рода лестница, находясь на которой, мы можем видеть только более низкие ступеньки, но не можем видеть ту, на которой стоим»²⁰⁹. Неклассика при этом обозначает себя в связи с кризисом традиционной философии. Но «онтология здесь получается странная, клочковатая, пятнистая: на место былой прозрачности приходит лишь в отдельных сферах проступающая упорядоченность мира, непрерывно прослеживаемая субъектом. Это означает, в свою очередь, и онтологическое выпадение духовного, интеллектуального призвания субъекта»²¹⁰. Иными словами, соответствующий неклассике образ человека, представленный как человек–черный ящик здесь проступает, но формируемая при его посредстве картина мира выглядит неполной, неполноценной.

Каким же должен быть образ человека, соответствующий новейшей, постнеклассической эпохе?

Для ответа на этот вопрос возникает необходимость обратиться к работам В.С. Степина и В.В. Ильина. Степин, как уже упоминалось, акцентирует внимание на выделении особого постнеклассического типа научной рациональности, связывая его специфику с актуализацией и обязательным учетом не только внутринаучных, но и общесоциальных ценностей и целей. Согласно Степину, необходимо учитывать, что разные цели и ценности накладывают многообразные ограничения на сам результат, причем на «выходе» уже нет аксиологически нейтральных ни предметов, ни средств²¹¹. В своих целях наука апеллирует прежде всего к знанию, но в фокусе внимания теперь обязательно должна удерживаться ценность²¹². Ценность однозначно предполагает человека. Значит, та заполненная опосредствующими

²⁰⁹ Кузнецов В.Ю. Классические и неклассические стратегии философии // Идеи и идеалы. 2013. № 1 (15), т. 1. С. 44. С. 39-48.

²¹⁰ Мамардашвили М.К. Указ.соч. С. 411-412.

²¹¹ Стёпин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: [Сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т философии; [Отв. ред. Е.А. Мамчур]. М.: ИФРАН, 1992. С. 14-15. С. 14-25. 199 с.

²¹² Там же.

структурами духовно-практическая среда между объектом и субъектом, про которую говорят и Кузнецов, и Мамардашвили – Соловьев – Швырев, непрерывно уплотняется по мере наполнения человеческим содержанием.

Аналогичным образом рассуждает и В.В. Ильин. Размышляя о способах трансформации типов научной рациональности (у него за классикой следует неклассика, а далее – неонеклассика), он тоже делает акцент на системе ценностей, что в определенной степени, сближает его с взглядами В.С. Стёпина. Натурализм, гео- и гелиоцентризм в трактовке Ильина постепенно уступают место аксиологическому антропоцентризму, а основу познания начинает составлять не эпистемологический принцип, а антропный, где знание при этом становится лишь средством и может обслуживать разные цели: «Знание добывает истину, оно дескриптивно, ценность стоит на оценке, жизненной правде, – она прескриптивна. Продукт знания – истина – универсальна; продукт ценности – оценка, жизненная правда – экзистенциально ориентирована»²¹³. Таким образом, этап развития культуры, связанный со становлением постнеклассической научной рациональности не может не соотноситься с интересами человека.

Дальнейшее развертывание всей этой цепочки умозаключений приводит к выводу: вся совокупная ситуация постнеклассики, связанная, как было отмечено в предыдущем параграфе, с расширением познавательных масштабов до параметров *мега-мира*, задается экзистенциальным положением жизненного мира человека, который создает постнеклассическую науку. С этой точки зрения все прежние подходы к человеку, выстроенные по параметрам «машины» и «черного ящика = компьютера» выглядят предельно ограниченными, сдерживающими дальнейшее развитие. В.М. Князев и А.В. Белкин подчеркивают в этой связи: «Нам не хватает субъекта, который

²¹³ Ильин В.В. Классика–неклассика–неонеклассика: Три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 3. С. 32. С. 16-34.

занимает высоту самосознания, осуществляет рефлексивный ход мысли, чтобы в процессе самопознания достичь знания истины человеческого сознания²¹⁴.

Каким же образом осуществить это расширение? — Если человек своими собственными усилиями в познавательном отношении и в какой-то степени в практическом расширяется до масштабов мега-мира, следовательно, адекватно концептуализировать *образ человека* в текущую, постнеклассическую эпоху означает представить его как *человек-мир*, способный вобрать в себя всю полноту бытия!

«Человек есть часть бытия, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он — реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности»²¹⁵, пишет Сергей Леонидович Рубинштейн в своей работе «Человек и мир». Аналогичным образом рассуждает и Мартин Хайдеггер, только он раскрывает эту установку более конкретно, а именно применительно к вопросу о технологическом опосредствовании «человеческого присутствия в мире» (что сегодня требуется истолковывать непосредственно как вопрос о биотехнологическом воздействии человека на самого себя): «Чтобы вынести существо техники, требуется, конечно, человек. Однако человек требуется тут в своей отвечающей этому вынесению сути. Значит, существо человека должно сперва открыться существу техники, что по смыслу события, есть нечто совсем другое, чем процесс принятия и развития людьми техники и ее средств. И чтобы человек стал внимателен к существу техники, чтобы между техникой и человеком в их сущностной глубине окрепло неповерхностное отношение, для этого человек,

²¹⁴ Князев В.М. , Белкин А.В. Нейронаука и философия о будущем человеческой природы // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 103.

²¹⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 359.

каким он стал с Нового времени, должен сперва, опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства»²¹⁶

С учетом всего сказанного выше общая картина свершившихся за этот период и продолжающихся совершаться практических трансформаций вместе с их теоретическими коррелятами резюмируется в таблице 1.

Таблица 1 – Сводная таблица социальных и теоретико-практических трансформаций, соответствующих феномену биомедицины

Тип научной рациональности	Концепт реальности	Тип культуры	Тип медицины	Ценностные регулятивы	Философия	Концепт человека
Классическая рациональность	Макромир	Классическая (новоевропейская)	Классическая (естественнонаучная)	Классическая медицинская этика (Гиппократ)	Классика	Человек-машина
Неклассическая рациональность	Микромир	Современная (модерн)	Биомедицина	Биоэтика	Неклассика	Человек-черный ящик
Постнеклассическая рациональность	Мегамир	Новейшая (постмодерн)	Трансгуманизм	Биоэтика	Постмодернизм	Человек-робот
			Единая наука о человеке			Человек-мир

На первый взгляд, концепт *человек–мир* напоминает бытовавшие в период Средневековья и эпоху Возрождения натурфилософские представления о человеке как Микрокосмосе, заключающем в себе Макрокосмос. Однако в те времена подобное сопоставление проводилось *напрямую*, с опорой на мистические аналогии, а сегодня оно предполагает *опосредствование* всем массивом наработанного опыта культуры, прежде всего научного. Заявка на

²¹⁶ Хайдеггер М. Поворот // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 254.

антропологическую концептуализацию культуры в научный период её развития впервые была сделана К. Марксом в его ранних сочинениях («Экономическо-философские рукописи 1844 года»), где одновременно была сформулирована идея «единой науки о человеке». Хотя аналогичные попытки предпринимались и до, и после Маркса (напр., Ф. Бэкон, Я.А. Коменский в Новое время, Лесли Уайт, Альфред Крёбер и другие создатели «культурологии» в XX веке), но все они носили либо донаучный, либо метафизический, либо позитивистский характер²¹⁷, тогда как Маркс в качестве главного условия создания единой науки выдвинул принципиально новый принцип, который сегодня допустимо прочитывать как *соотнесение естествознания с человеком по параметрами человекообразности*. В этом случае «естествознание включает в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человек включает в себя естествознание: это будет *одна наука*»²¹⁸.

У самого К. Маркса этот проект остался незавершенным, но сегодня он заслуживает самого пристального внимания и, более того, нуждается в реконструкции, которую, по мнению некоторых теоретиков, следует начинать с концептуализации природы в качестве внешнего тела человека. К. Маркс пишет: «Природа есть неорганическое тело человека, а именно в той мере, в какой она не есть человеческое тело»²¹⁹, используя в оригинале прилагательное *unorganisch*²²⁰, которое до сих пор переводилось с немецкого на русский как *неорганическое*, но которое, исходя из контекста и в соответствии с нормами немецкого языка, допустимо переводить как *внеорганизованное*²²¹ – «природа есть внеорганизованное тело человека». Таким образом, у человека как

²¹⁷ Следует отметить и попытку сформировать «единую науку о человеке» в позднесоветский период (И.Т. Фролов), которая не была реализована не только в силу социально-политических обстоятельств, но и по причине слабой связи с научными реалиями.

²¹⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 124.

²¹⁹ Там же. С. 92.

²²⁰ MarxKarl, EngelsFriedrich. Gesamtausgabe (MEGA). ErsteAbteilung. Band 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982. S.240.

²²¹ Рыбин В.А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2018. Выпуск 2. С.181.

минимум три тела: одно внутреннее (организменное, биологическое) и два внешних (внеорганизменных – биосфера и техносфера, «природа» и «промышленность» в терминологии К. Маркса). В процессе исторической эволюции удельный вес каждого из компонентов этой триединой целостности постоянно изменяется, но общий их набор остается неизменным²²².

Отсюда следует, что в очерченной, таким образом, мегасистеме «человек – мир» для предупреждения обозначенного выше «пессимистического» сценария и равным образом для реализации «оптимистического», необходимо выработать и в дальнейшем целенаправленно поддерживать равновесие между человеком, биосферой и техносферой. В силу стремительного темпа развития техники и технологий, техносфера доминирует и практически поглощает биосферу. Современный человек сегодня живет преимущественно в искусственной среде, которая всё больше трансформируется, отсюда следует признать, что высокой остается угроза того, что и сама природа человека тоже будет трансформироваться в искусственную. Специфика текущего исторического момента заключается в переразвитии техносферы, а биомедицина с этой точки зрения выступает в качестве орудия техносферы, вторгающейся не только в экологическую среду биосферы, но и в естество человеческого организма. Следовательно, возникает необходимость остановить «переразвитие техносферы посредством её преобразования в средство выстраивания сбалансированных отношений человека и природы, которую отныне надлежит рассматривать уже не как убывающий сырьевой ресурс<...>но в качестве самоценного условия выживания всей человеческой популяции»²²³.

С этой точки зрения трансгуманизм, угрожающий этому выживанию, представляет собой не только исторически локальный феномен, но предстаёт

²²²Рыбин В.А.Окружающая среда // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь /ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко ; пер. Е.Г. Миляевой, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 42. 187 с.

²²³Там же.

как завершающий этап всей «природопокорительской стратегии» в человеческой истории. Финал человечества, который не исключен и маячит на горизонте, обозначается переходом от кризиса отношений человека с внешней природой (глобальный экологический кризис) к разрушительному воздействию на внутреннюю природу самого человека (антропологический кризис современности). Разрушительный антропологический эффект наблюдается не только в психологических формах («экзистенциальный вакуум»), но и организменно-телесных формах. Феномен трансгуманизма, таким образом, предстает оборотной стороной экологического кризиса²²⁴.

Вместе это и складывается в антропологически деструктивные тренды, объясняющие, например, загадочную депопуляцию и рост заболеваемости среди населения самых развитых и богатых стран. Новые эпидемии только подтверждают это обстоятельство. В сумме создаются предпосылки для начала видообразования в среде человеческого рода, как это происходило в животном мире. Но для естественной природы это закономерно, там действует принцип приспособления видов к окружающей среде. Человек начал свою культурную эволюцию противоположным образом – через преобразование природы и отказ от адаптации к ней. Теперь же может совершиться новый, обратный «поворот» (М. Хайдеггер), и если не будет предпринято мер противодействия ему, человечество обречено вернуться на путь адаптации, только теперь это будет адаптация не к естественной, а к искусственной, технической природе.

Возможно ли осуществить подобное противодействие? Нет сомнений, что это будет нелегко. «То, что важно в мире, включая его структуры, — не просто сложно. То есть события и процессы не просто сложны в смысле технической сложности их схватывания (хотя часто так и есть). Скорее, они сложны, поскольку *необходимо превосходят нашу способность их познать*. Конечно,

²²⁴ Рыбин В.А. Трансгуманизм // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко ; пер. Е.Г. Миляевой, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвущкина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 79-80.187 с.

локальные структуры можно идентифицировать, но мир в целом бросает вызов любому подходу, основанному на идее общей упорядоченности»²²⁵.

Тем не менее, делать отсюда вывод, что в ситуации постнеклассики, где уже далеко не в полной мере действуют нормы и принципы классической рациональности, требуется вообще отказаться от опоры на рациональность, было бы преждевременно. По крайней мере, столь же оправданным выглядит и утверждение, что в этой ситуации необходимо или искать новые формы воплощения классической рациональности, или придерживаться прежних, но делать это с большим упорством и, главное, с осознанием необходимости таких усилий.

Формирование «единой науки о человеке», реализующей замысел Маркса, это и есть начало выхода из текущей кризисной ситуации, переживаемой современным человечеством, и в свою очередь, поле для выработки регуляторных принципов с целью введения биомедицинских технологий в рамки человекоразмерности. В этом случае жизненно необходима новая «единая наука» – гуманитарное знание нового типа. Она должна в себя включить все имеющиеся знания о полноте культуры, в которую входят как знания о природе, так и о способах воздействия на нее (включая природу самого человека). Только философия способна сформировать подобное новое знание, поскольку только философия способна работать в масштабах всей культуры, а не только какого-то одного частного ее раздела, тем более какой-то отдельной науки. Но главное, эта «единая наука о человеке» должна содержать в себе целостное понимание мира и места человека в нем. До сих пор эту теоретическую функцию брала на себя философия, но сегодня, в связи с расширением масштабов, выяснилось, что прежняя форма философии выглядит уже недостаточной, необходим симбиоз философии и естествознания с достижением нового качества.

²²⁵ Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 22.

В отношениях человека к миру имеются два аспекта — внешний, обращенный к природе, и внутренний, обращенный человеком к самому себе. Первый аспект можно обозначить как экологическую проблематику, второй — как антропологическую, частью которой является биомедицина и ее проблемы. Прежде чем довести до завершения вопрос об антропологической концептуализации в контексте современности и тем самым подвести итог рассмотрению проблемы биомедицины, затронем вкратце вопрос об экологии. Вкратце, поскольку материала по этой теме накоплено очень много. Для наших целей воспользуемся теми наработками, которые имеются в трудах известного отечественного математика и мыслителя Никиты Никитовича Моисеева.

В современных реалиях, подчеркивает Моисеев, человечество зашло в тупик экологического кризиса, на пороге ожесточенная борьба за ресурсы, воду, просто место под солнцем. Растет разрыв между наиболее благополучными в материальном отношении регионами Земли (так называемый «золотой миллиард») и жителями всех остальных стран. Запад стремится сохранить свое глобальное лидерство и придумывает для этого все новые, более изощренные стратегии. Все эти обстоятельства не могут не являться прямой угрозой существования целых народов и государств.

Моисеев в своих работах много писал об экологическом императиве и не раз говорил о необходимости формирования некоей системы ограничений и запретов в плане человеческой деятельности, выполнение которых необходимо для продолжения развития человечества. Реализация экологического императива неизбежно потребует изменения структуры ценностей человека, а, следовательно, и переориентации основ эволюционного развития человечества, то есть самого процесса антропогенеза²²⁶. Моисеев был убежден, что человечество просто не имеет права отказаться от попыток найти альтернативу той траектории развития глобального социума, какую он принял в рамках

²²⁶Моисеев Н.Н. Экологический и нравственный императивы для перестройки системы образования и воспитания в современной России // Вестник экологического образования в России. 2015. Т. 3. № 73. С. 13-15.

техногенной цивилизации. Человечество сегодня, подчеркивал он, возможно, открывает самую драматичную страницу в истории своего развития. Все отчетливее вырисовывается абсолютная тупиковость того «естественного» пути, той «извилистой тропы самоорганизации», которой шло человечество до сих пор (хотя и достигло в некоторых областях удивительных успехов).

Необходима смена самой парадигмы развития человечества, переход в другой эволюционный канал, подобно тому, как это случилось в начале палеолита, когда оно постепенно перешло от биологической эволюции к эволюции общественной. В какой это будет форме – пока неизвестно. Возможно, что путь развития будет создан посредством «коллективного интеллекта» человечества, но никак не утопии, которая в свою очередь является плодом размышления какого-то конкретного мыслителя. Но новая стратегия развития не возникнет из пустоты, она уже заложена в коллективном сознании человечества, так как оно уже не раз переживало различные кризисы, и пути решения всегда находились в природе, заложенной в нас. Всё зависит от самих людей, от человека. Главное, найдет ли современный человек в себе силы для подобного поворота²²⁷.

Необходима выработка мировоззрения, центрированного относительно максимально продленного в будущее продумывания последствий тех или иных масштабных проектов, особенно связанных с воздействием на человека, с возможными «долгоиграющими» эффектами стремительно умножающихся технологий, что в целом можно обозначить как «заботу о будущем». «Будущим в этом случае оказывается такая проективная реальность, целостный образ которой приходится формировать не только изначально, но еще и с учетом всего общечеловеческого опыта»²²⁸. В данном случае речь идет о необходимости учета факторов биотехнологического порядка, внедрение которых, безусловно, будет не снижаться, а наоборот, возрастать. При этом,

²²⁷ Там же.

²²⁸ Плотников В.И. Будущее // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2004. С. 96.

если с одной стороны, «открытие человеком своей способности модифицироваться, воздействовать на тело и психику, в результате целенаправленного воздействия очень важно, потому что открывает пути для его осознанного совершенствования и развития»²²⁹, то с другой стороны, данное воздействие резко повышает риск ошибок и деструкций при его осуществлении.

Этот вывод, рассуждая более предметно, требует введения в «единую науку о человеке» какого-то конкретного критерия «человекоразмерности», который позволил бы в последующем, по ходу дальнейшего развития культуры прочно удерживать «антропологическую границу», балансируя между техносферой и биосферой и в пространственном и во временном отношении, не допуская как разрушения окружающей человека природы, так и превращения биотехнологий в источник деструктивных воздействий на него самого. В контекст новейшей современности, обозначенной «постиндустриализмом», когда радикально трансформируются условия уже не только физического, но и умственного, интеллектуального труда, всего духовного производства²³⁰, это становится чрезвычайно затруднительно.

В этой связи есть смысл более целенаправленно обратиться к феномену *антропологической границы*. С.С. Хоружий, автор этого термина, в одной из своих работ, включенных в фундаментальный коллективный труд «Фонарь Диогена»²³¹ рассматривает человека как существо, способное «размыкать» рамки сложившихся стандартов и выходить «навстречу миру», одновременно преобразуя самого себя. Этот выход представляет собой преодоление

²²⁹ Панова Е.Л. Категории здоровья и болезни в эволюции парадигм медицины // Социология медицины. 2019. Т. 18, № 2. С.115.

²³⁰ Бондаренко Е.А., Римский В.П. Интеллектуал и человеческий капитал в духовном производстве неоиндустриализма // Упреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 405-406.

²³¹ Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергической антропологии (к проблеме постчеловека) / С.С. Хоружий // Фонарь Диогена. Проект синергической антропологии в современном гуманитарном контексте. Отв. ред. С.С. Хоружий. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 767-785.

антропологической границы. В тех случаях, когда подобный выход влечет за собой не просто изменения, а «достаточно глубокие трансформации, затрагивающие основоустройство человеческого существа»²³², создается возможность возникновения Постчеловека.

Это заключительный и главный результат преобразовательного пафоса всего новоевропейского мировоззрения. Хотя одним из его мотивов было активное утверждение автономии и прав человека в образе индивида (результат распада традиционной культуры), это скорее социальный, нежели собственно антропологический импульс. Интегральное видение человека в его полноте было почти утрачено, тогда как в философии прогрессировали антиантропологические тенденции, редуцировавшие человека или разлагавшие его на абстрактные метафизические категории. Новая ситуация кардинально отличается от всех прочих: «Впервые в истории человечества полнейшая трансформация им самого себя, собственной природы и конституции становится технически осуществима, и Человек определенно, неуклонно начинает уже выстраивать соответствующие практики»²³³. Здесь по новому ставятся все базовые вопросы антропологии, начиная с определения «природы» человека и заканчивая критериями выбора и оценки трансформативных стратегий и их пределах.

Главное, что «классический», «естественный», «нормальный» *образ человека* здесь утрачивается, а на смену ему приходит несколько вариантов постчеловечески трансформированного воплощения. Хоружий выделяет следующие варианты²³⁴:

1. *Киборг* – человек превращается в гибрид человека и машины. Такое явление образуется, когда интерфейс – мозг – машина захватывает некоторую критическую долю активностей и способностей человека. Создание Киборга

²³² Там же. С. 769.

²³³ Там же. С. 776.

²³⁴ Там же. С. 778-782.

подразумевает процесс вживление в тело и мозг всевозможных компьютерных имплантатов, чипов: от уже применяемых «биомехатронных» протезов разных органов до устройств, усиливающих физические, сенсорные, когнитивные способности человека, и далее – к перспективе, когда участки мозга заменяются машинными элементами.

2. *Мутант* – это второй вариант Постчеловека, обладающий генетическим родством с ним, но при этом генетические изменения превышают некоторую критическую долю, сохраняющую остатки человеческого материала человека – происходит превращение в иное, отличное от человека живое существо. Здесь, подчеркивает Хоружий, уже вполне может развернуться *генетическое дизайнерство* – использование генетического материала *разных видов*, проектирование и производство широкого ассортимента генетических конструкторов, включая и самых доподлинных Мутантов. Такие существа отклоняться от человека буквально во всем – в своем генотипе, фенотипе, психоинтеллектуальных характеристиках. Могут, в частности, быть и «химерами».

3. *Клон* – существо, точная генетическая копия иного человеческого организма. Клон – генетически нормальное человеческое существо и, тем самым, не Мутант, однако, имея характер «копия, а не оригинала», он обретает ряд глубоких антропологических отличий, в силу которых также может рассматриваться как Постчеловек. Это своеобразный Двойник Человека. Здесь большую опасность представляет моральная составляющая, так как человек утрачивает при этом свою уникальность, что ведет за собой травму идентичности.

Хоружий убежден, что возможность подобных трансформаций вполне реальна. Поэтому он завершает свою работу следующими словами: «Человека неотвратимо ждут радикальные изменения. Если он сумеет осмыслить заново свою "человечность", точно определив, чему в ней надлежит быть строго

хранимым, а чему – меняться и обновляться, - эти изменения еще могут стать не крахом Человека, а его обновлением»²³⁵.

Ценность работы Хоружего, на наш взгляд, состоит в том, что она содержит в себе содержательный материал для выработки конкретных приемов установления антропологической границы, точнее, для определения того самого критерия, в котором так остро нуждается современная биомедицина. С учетом обозначенных выше положений Хоружего создается возможность сначала ответить на вопрос *что не есть человек*, а затем, через противопоставление этому нечеловеческому воплощению – ответить и на другой вопрос: каких именно критериев нужно придерживаться науке, чтобы *сохранить человека* в контексте происходящих и грядущих изменений. Умозаключения выстраиваются здесь в следующей последовательности: постчеловек это уже не человек — переход от человека к постчеловеку связан не только с утерей человеческих, но и с обретением новых, *нечеловеческих* качеств — данное противопоставление открывает перспективу формулировки человеческого начала в совокупности собственно человеческих качеств, среди которых и должен быть искомый критерий *человекоразмерности*.

Последуем этой логике. Прежде всего, постчеловек — это то, что располагается *за антропологической границей*. Далее, это то, что *не является целым* в смысле единства тела и духа, организма и сознания (именно по этой причине трансгуманисты сводят человека исключительно к сознанию, точнее, к интеллекту, в пределе искусственному). И наконец, это *нецелое* становится таковым при исключении биологического организма человека из процесса и его теоретического моделирования, и его практической технизации. Следовательно, в своем биомедицинском проекте трансгуманисты полностью отбрасывают природно-биологическую сторону существования человека, выражающуюся в эволюционной устойчивости его биологического организма

²³⁵ Там же. С. 785.

— в морфологической неизменности представителей рода человек²³⁶. А раз так, то именно этот фактор и надо принять за искомый критерий *человекоразмерности*. *Морфологическая неизменность человека в видовом отношении* — это и есть тот параметр, который необходимо включить в «единую науку о человеке» для реализации «оптимистического» сценария последующего развития культуры в перспективе неизбежного при этом дальнейшего возрастания воздействий техносферы на биосферу, а биомедицинских технологий — на человеческий организм.

Обобщая вышесказанные положения, можно утверждать, что человек — это существо, которое эволюционируя, преобразует и внешнюю среду, и себя самого, но при этом сохраняется в рамках своего естественно сформировавшегося вида. Эти рамки, точнее, граница антропологической неизменности удерживалась до сих пор естественным образом сквозь всю историю, а сегодня, когда наука обрела мощнейший потенциал, способный ее нарушить, *антропологическую границу* нужно удерживать искусственно и целенаправленно, выверяя все достижения науки, а особенно биомедицину, по критерию *ненарушения антропологической границы, то есть сохранения видовой неизменности представителей человеческого рода*.

Именно в этом русле следует осуществлять формирование «единой науки о человеке». Философски осмысленные аспекты современной биомедицины указывают на выход человека и культуры в принципиально новое состояние, на уровне которого продолжение развития человека и человечества требует целенаправленных и рационально регулируемых усилий по сохранению человеческого естества. Это значит, что философия в союзе с наукой, обретая свое новое качество, должна вырабатывать конкретные критерии такой регуляции развития науки и техники, которая была бы способной обеспечивать

²³⁶ Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия // В.П. Алексеев. Избранное: в 5 т. Т. 2. М.: Наука, 2007. С.251.

продолжение существования человеческого рода в процессе восходящей эволюции.

В теоретическом плане подобный ракурс открывает для философии возможность выработки новой антропологической ориентации, соединяющей достижения естествознания, медицины и всех иных сфер культуры на основе единой задачи — выживания человечества через рефлексивно выверенную регуляцию факторов воздействия на него. В методологическом плане для философии создается перспектива выработки нового познавательного метода, который можно назвать *биорефлексивным*. В практическом плане философское знание становится действенным компонентом социокультурной реальности, способствующим ее переходу на более высокую ступень эволюционного развития.

Заключение

Осуществленный средствами философской рефлексии онтогносеологический анализ феномена биомедицины подтверждает то обстоятельство, что биомедицина и возникшие при ее становлении познавательные, профессиональные и общекультурные проблемы являются показателем уникальной, невозможной вплоть до начала XXI века онтологической ситуации, суть которой определилась как императивная неизбежность выбора между двумя альтернативными вариантами дальнейшего развития человека и человечества: первый из них, связанный с нерегулируемым и бесконтрольным воздействием новейших технологий на организм и среду существования человеческого рода, означает закономерную в этом случае перспективу его биологической трансформации, то есть формирование искусственных человекоподобных подвидов при угасании ныне существующей человеческой популяции (что наглядно демонстрирует проект трансгуманизма), тогда как второй вариант требует целенаправленной выработки нового антропологического концепта, ориентирующего весь комплекс современного научного познания на совершенствование внешней по отношению к человеку естественной и искусственной среды по меркам целенаправленного поддержания стабильности его организменно-биологических параметров, сформированных в ходе естественной эволюции. Данный вывод формирует весь спектр дальнейшей разработки столь остро определившейся проблемы.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

Во-первых, для реализации этой цели перед современной философией встает задача выработать такие подходы и нормативы, которые были бы способны не только остановить реализацию обозначенных разрушительных проектов, но и придать развитию всей искусственной среды, всему комплексу современной науки и техники, включая достижения биомедицины, осознанный и регулируемый характер.

Во-вторых, как следствие, возникает необходимость создания единого антропологически ориентированного научного знания, обладающего потенциалом для введения научно-технического прогресса в «человекообразные» рамки и предупреждения возможных кризисных и антропологически деструктивных тенденций. Ведущую роль в этом процессе должна взять на себя философия, прежде всего такие её разделы, как онтология и гносеология.

В-третьих, важнейшей составляющей философской деятельности в этом случае станет углубленная философская разработка проблем биомедицины, достижения которой сегодня уже активно входят в современную лечебную и диагностическую практику, а завтра будут внедряться еще более интенсивно.

Философское осмысление онтологических и гносеологических аспектов биомедицины в настоящее время, на современном этапе её развития и составило содержание данной диссертационной работы.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь / А. Августин; пер. с лат. М.Е. Сергеенко, общая ред. и ст. А.А. Столярова. – М. : Канон +, ОИ «Реабилитация», 2003. – 464 с.
2. Александрова О.Ю. Проблемы правового регулирования проведения клинических исследований продукции клеточных технологий в Российской Федерации / О.Ю. Александрова, А.В. Мелерзанов, Е.А. Вольская // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2010. – № 5–6. – С. 8–18.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / Аристотель ; ред. В.Ф. Асмус. – М. : «Мысль», 1975. – 550 с.
4. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. / Аристотель ; пер. с древнегреч., общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
5. Аршинов В.И. Трансгуманизм в перспективе эволюции сложности // Глобальное будущее 2945: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». – 2014. – С. 108-123.
6. Баркалина Н.В. Криоконсервация ткани яичников: метод сохранения генетического материала для отсроченной реализации репродуктивной функции / Н.В. Баркалина, Н.А. Ревешвили, Т.А. Назаренко // Проблемы репродукции. – 2010. – Т. 16, № 2. – С. 30–33.
7. Басова А.Б. Суррогатное материнство: законодательство и практика применения / А.Б. Басова, Г.Н. Комкова, Г.Б. Романовский // Акушерство и гинекология. – 2018. – № 7. – С. 92–96.
8. Белкина Г.Л. XI Фроловские чтения. Новые технологии и развитие человека / Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков // Философские науки. – 2012. – № 3. – С. 139–142.

9. Бергсон Анри. Творческая эволюция. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 384 с.
10. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
11. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. / Н.А. Бердяев ; ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Слеземская. – М.: Московский психолого-социальный ин-т: Флинта, 1999. – 312 с.
12. Бесплодие. Диагностика, современные методы лечения / Н.М. Подзолкова [и др.]. – М.: ГОЭТАР-Медиа, 2018. – 144 с.
13. Биологический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – 864 с.
14. Бирич И.А. Время «Ч» - время борьбы за статус человека в философии, науке и культуре // Время решающих перемен: «звездный час» науки? – М.: КАНОН+. – 2023. – С. 338-346.
15. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – 258 с.
16. Бондаренко Е.А., Римский В.П. Интеллектуал и человеческий капитал в духовном производстве неоиндустриализма // Упреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 405-406.
17. Борисова Т.Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Т.Е. Борисова. – М. : Проспект, 2014. – 198 с.
18. Борн М. Размышления и воспоминания физика : сб. ст. / М. Борн ; отв. ред. Э.И. Чудинов ; пер. с англ.; сост. У.И. Франкфурт; Академия наук СССР. – М.: Наука, 1977. – 280 с.
19. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер ; пер. с нем.; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – М. : Республика, 1995. – 464 с.

- 20.Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2./ Ф. Бекон ; сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. – М. : «Мысль», 1978. – 575 с.
- 21.Вартофский М. Добродетели и пороки: социальное и историческое конструирование медицинских норм / М. Вартофский // Модели. Репрезентация и научное понимание : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1990. – С. 417–449.
- 22.Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: пер. с англ. / М. Вартофский ; общ.ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1988. – 507 с.
- 23.Веряскина В.П. Технология и образ будущего: системные изменения социальной реальности и человека // Время решающих перемен: «звездный час» науки? – М.: КАНОН+. – 2023. – С. 266-285.
- 24.Воронин А.А. Совершенствование человека // Вопросы философии. – 2015. – № 8. – С. 203–207.
- 25.Выготский Л.С. Развитие высших психических функций: из неопубликованных трудов / Л.С. Выготский. – М. : Изд-во Академии педагогических наук, 1960. – 500 с.
- 26.Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127–163.
- 27.Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471с.
- 28.Гиппократ. Избранные книги / Гиппократ ; пер. с греч. В.И. Руднева.; ред., вст. ст. и примеч. проф. В.П. Карпова. – М. : «Сварог». – 1994. – 736 с.
- 29.Гнатик Е.Н. Генетика человека: Былое и грядущее / Е.Н. Гнатик. – М.: Ленанд – 2016. – 278 с.

- 30.Гнатик Е.Н. Трансгуманистическая экспансия: тенденции и вызовы // Глобальное будущее 2945: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». – 2014. – С. 250-265.
- 31.Гнатик Е.Н. Философские проблемы евгеники: история и современность // Вопросы философии. – 2005. – № 6. – С. 93–106.
- 32.Готье С.В. Трансплантология XXI века: высокие технологии в медицине и инновации в биомедицинской науке // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2017. – Том XIX, № 3. – С. 10–32.
- 33.Грибанов Э.Д. История развития медицинского образования: учеб. пособие / Э.Д. Грибанов. – М. : Изд. ЦОЛИУВ, 1974. – 40 с.
- 34.Грунвальд А. Наночастицы и принцип предосторожности // Философские науки. – 2010. – №6. – С. 54–69.
- 35.Жаркин Н.А. Биоэтические проблемы врачевания в трагедии репродуктивного выбора (мировоззренческие аспекты) / Н.А. Жаркин, Т.Г. Семихова // Биоэтика. – 2016. – № 2. – С. 17–20.
- 36.Джордано Б. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах; О героическом энтузиазме / Б. Джордано. — Москва : Изд-во «Новый Акрополь», 2013. — 512 с.
- 37.Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов /Диоген Лаэртский ; АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1979. – 620 с.
- 38.Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. – 2012. – № 6. – С. 49–57.

- 39.Дубровский Д.И. Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. – 1968. – № 8. – С. 125–136.
- 40.Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1974. – 271 с.
- 41.Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. – 1968. – № 11. – С. 145-155.
- 42.Ильин В.В. Классика–неклассика–неоклассика: Три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 1993. – № 3. – С. 16–34.
- 43.Князев В. М. Инновационная медицина - возможности развития / В. М. Князев // Вестник УГМУ. – 2017. – № 4. – С. 24-27.
- 44.Князев В. М. Нейронаука и философия о будущности человеческой природы / В. М. Князев, А. В. Белкин // Вестник гуманитарного университета. – 2019. – № 3(26). – С. 94-110.
- 45.Кожуховская А.А. Современная биомедицина в свете философской рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. – 2020. – № 8. – С. 63–68.
- 46.Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 335 с.
- 47.Конвергенция биологических, нано-, информационных и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–23.
- 48.Корсак В.С. Место внутриматочной искусственной инсеминации в преодолении бесплодия / В.С. Корсак и др. // Проблемы репродукции. – 2001. – № 5. – С. 13–17.

- 49.Крусс И.П. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 41–50.
- 50.Крылов Н. Н. Искусственная мораль для искусственного интеллекта / Н. Н. Крылов, Е. Л. Панова, А. В. Алекберзаде // История медицины. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 259-271.
- 51.Кудашев В.И. Перспектива идеи усовершенствования человека // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты / В.И. Кудашев ; под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М. : «Канон+», 2014. – С. 216–224.
- 52.Кудрявцева Е.В. Философские, медицинские и юридические аспекты репродуктивной генетики // Перинатология. – 2018. – № 13 (168). – С. 54–57.
- 53.Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассической перспективе / В.Ю. Кузнецов. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. – 288 с.
- 54.Кузнецов В.Ю. Классические и неклассические стратегии философии // Идеи и идеалы. – 2013. – № 1 (15), т. 1. – С. 39–48.
- 55.Кулаков В.И. Современные биомедицинские технологии в репродуктивной и перинатальной медицине: перспективы, морально-этические и правовые проблемы / В.И. Кулаков, Ю.М. Барашнев // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2002. – Т. 47, № 6. – С. 4–10.
- 56.Куракова Н.Г. История развития прорывного биомедицинского направления: уроки для России / Н.Г. Куракова, Л.А. Цветкова // Менеджер здравоохранения. – 2016. – № 10. – С. 51–61.

57. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Рэй Курцвейл ; [перевод с английского Т.П. Мосоловой]. – Москва: Эксмо, 2020. – 448 с.
58. Кутырёв В.А. Крик против небытия // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 60–72.
59. Кутырёв В.А. Отдадим труд машинам... Что будет с человеком? // Человек. – 2017. – № 5. – С. 68–74.
60. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века) / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2018. – 760 с.
61. Кутырёв В.А. Философия (для) людей // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 86-96.
62. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло ; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М. : Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.
63. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
64. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука [Текст] / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
65. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: сборник / Н. Макиавелли; пер. с ит. – Минск : «Попурри», 2009. – С. 15–122.
66. Мамардашвили М.К. Необходимость себя : Введ. в философию, докл., ст., филос. заметки / М. К. Мамардашвили ; сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Лабиринт, 1996. - 428 с.
67. Мамардашвили М.К. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев

- // Философия в современном мире. Философия и наука.– М. : Изд-во «Наука», 1972. – С. 28–94.
- 68.Мареева Е.В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 171–177.
- 69.Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. – М. : Политиздат, 1974. – С. 41–174.
- 70.Марру А.И. История воспитания в античности (Греция) / А.И. Марру ; пер. с фр. А.И. Любжина, М.А. Сокольской, А.В. Пахомовой. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. – 425 с.
- 71.Мелерзанов А. Прецизионная медицина и молекулярная тераностика / А. Мелерзанов, А. Москалев, В. Жаров // Врач. – 2016. – № 12. – С.11–14.
- 72.Мельникова Е.В. От клеточных технологий к биомедицинским клеточным продуктам: опыт использования препаратов на основе жизнеспособных клеток человека в Российской Федерации / Е.В.Мельникова [и др.] // Цитология. – 2018. – Том 60, № 4. – С. 231–239.
- 73.Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон ; пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой, В.Н. Николаева и др. – М. : АСТ: АСТМОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
- 74.Михайлов Ф.Т. О медицине.../ Ф.Т. Михайлов // Избранное. – М. : Индрик, 2001. – С. 553–620.
- 75.Мирошниченко М.Д. Наша новая хрупкость: пандемия, этика и «биомедицинские другие» // Человек. – 2022. – Т. 33., № 6. – С. 26-49.
- 76.Моисеев В. И. Биоэтика: учебник в 2 томах / В. И. Моисеев, О. Н. Моисеева. Том 2. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа "ГЭОТАР-Медиа". – 2021. – 368 с.

- 77.Моисеев Н.Н. Экологический и нравственный императивы для перестройки системы образования и воспитания в современной России // Вестник экологического образования в России. – 2015. – Т. 3, № 73. – С. 13–15.
- 78.Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 2. / М. Монтень ; пер. с фр. – М. : Голос, 1992. – 560 с.
- 79.Моторина Л.Е. Фундаментальные отношения человека к миру / Л.Е. Моторина, В.М. Сытник // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – 69–79.
- 80.Мунье Э. Манифест персонализма: пер. с фр. / Вступ. ст. И.С. Вдовиной. – М. : Республика, 1999. – 559 с.
- 81.Наноструктуры в биомедицине / под ред. К. Гонсалвес, К. Хальберштадт, К. Лоренсин, Л. Наир; пер. с англ. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 519 с.
- 82.Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3–17.
- 83.Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. – Мн. : Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
- 84.Носов Н.А. Психологическая диагностика в системе образования: круглый стол ред. журнала «Человек» // Человек. – 2001. – № 1. – С. 83-85.
- 85.Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб. / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. – М. : АСТ, 2002. – 509 с.
- 86.Павленко А.Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2003. – № 1. – С. 67–75.

87. Павленко А.Н. Удел философии в преддверии господства техники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2014. – № 4. – С. 30–40.
88. Павленко А.Н. «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 66–79.
89. Пальцев М.А. Медицина XXI века в свете клеточной биологии // Вестник Российской Академии Медицинских наук. – 2004. – № 9. – С. 3–11.
90. Панова Е. Л. Категории здоровья и болезни в эволюции парадигм медицины / Е. Л. Панова // Социология медицины. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 110-117.
91. Панова Е. Л. Медицина и трансгуманизм: путь от подражания природе к ее забвению / Е. Л. Панова // Биоэтика и социальная оценка технологий: Сборник научных трудов / Институт научной информации по общественным наукам РАН. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 112-125.
92. Петров В.И. Клиническое мышление и доказательная медицина // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2012. – № 1 (7). – С. 15–32.
93. Петров М.К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. – 2010. – № 4. – С. 108–118.
94. Петрова Е.В. Экосистемный подход к информационной среде // Лисеев И.К. Науки о жизни сегодня: филос. инновации. – М.: ИФ РАН. – 2016. С. 167-224.
95. Пико дела Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х томах. Т. 1. / Сост. и науч. ред. В.П. Шестаков; пер. В.В. Бибихина [и др.]. – М. : Искусство, 1981. – С. 248–299.

96. Пинаев Г.П. Необходимость соответствия нормативно-правового регулирования реальному процессу создания и применения биомедицинских клеточных технологий // Вестник биотехнологии. – 2012. – № 8 (3). – С. 61–64.
97. Платон. Сочинения в трёх томах / Платон ; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 2. – М. : Мысль, 1972. – 678 с.
98. Плотников В.И. Будущее // Современный философский словарь. Под ред. В.Е. Кемерова. М.: Акад. Проект. – 2004. С. 92-96.
99. Подорога В. А. Антропограммы. Опыт самокритики / В. А. Подорога. – Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге". – 2017. – 336 с.
100. Подорога В. А. Господин-монстр: заметки по антропологии власти / В. А. Подорога // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2016. – № 2. – С. 116-129.
101. Полетаев А.Б. Медицинские нанотехнологии: биомолекулярные технологии или наноинженерия? / А.Б. Полетаев, О.В. Крылов // Современная персонифицированная превентивная медицина. – 2016. – № 1. – С. 37–42.
102. Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография / О.В. Попова. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 336 с.
103. Раман С., Таттон Р. Жизнь, наука и биовласть (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики : сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / Отв. ред. Юдин Б.Г. – М., 2016. – С. 118–123.

104. Рищук С.В. Вспомогательные репродуктивные технологии и здоровье населения / С.В. Рищук, Т.А. Душенкова, В.Е. Мирский // Медицинский альманах. – 2014. – № 4 (34). – С. 71–74.
105. Рищук С.В. Состояние здоровья детей и особенности течения беременности после применения вспомогательных репродуктивных технологий / С.В. Рищук, В.Е. Мирский // TERRAMEDICANOVA. – 2010. – № 1. – С. 34–37.
106. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 512 с.
107. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн; [пер. греч. и лат. терминов М.Л. Гаспарова; коммент., примеч. и ст.: К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Славская]. – М. : Наука, 1997. – 191 с.
108. Рыбин В.А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса / В.А. Рыбин // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. – 2018. Выпуск 2. – С. 179–190.
109. Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек.– 2020. – Т. 31, № 1. – С. 45–60.
110. Рыбин В.А. Медицина как парадигма философского знания // Науки о жизни и современная философия : сб. ст. / Отв. ред. И.К. Лисеев. – М.: «Канон+», 2010. – С. 395–445.
111. Рыбин В.А. Окружающая среда // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / Ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко; пер. Е.Г. Миляевой, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – С. 40–43.

112. Рыбин В.А. Трансгуманизм // Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. – С. 78–82.
113. Рыбин В.А. Трансгуманизм и философия: к вопросу о формировании гуманитарного знания нового типа // Научная парадигма цивилизации в XXI веке: капитализм, социализм и четвертая технологическая революция : Сборник трудов десятого международного конгресса передовых наук (Конгресс WARP), Челябинск, 17–19 октября 2018 года / Под ред. В.И. Бархатова, Д.А. Плетнёва. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. – С. 305–311.
114. Рыбин В.А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 13 (409). – С. 5–15.
115. Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте / В.А. Рыбин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
116. Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. – М.: «Либроком», 2020. – 326 с.
117. Седова Н.Н. Этический портрет «Homo perfectus»: от биоэтики к техноэтике // Биоэтика. – 2016. – № 2. – С. 6–10.
118. Селиванов Е.А. Реальность и проблемы использования стволовых клеток в клинической практике / Е.А. Селиванов, Н.А. Беляков, В.Б. Сериков [и др.] // Вестник Российской Академии Медицинских наук. – 2004. – № 9. – С. 76–79.
119. Семиглазов В.Ф. Значение нанотехнологий в создании новых противоопухолевых препаратов / В.Ф. Семиглазов, Р.М. Палтуев,

- А.С. Ремизов и [и др.] // Вопросы онкологии. – 2011. – Т. 57, № 5. – С. 636–639.
120. Силуянова И.В. Биомедицинская этика / И.В. Силуянова. – М. : Изд-во Юрайт, 2016. – 312 с.
121. Силуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы / И.В. Силуянова. – М. : ЗАО «Литера», 1997. – 192 с.
122. Синеокая Ю.В. Проект нового человека в российском ницшеанстве // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018 – Т. 15, № 2. – С. 98–113. –
123. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; трактат об усовершенствовании разума; Этика / Пер. с голл. и лат.; Вступ. ст. Г.А. Паперна; Примеч. А.А. Храмова. – М. : Мир книги, Литература, 2007. – 480 с.
124. Стёпин В.С. Наука // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2001. – Т.3. – С. 23–28.
125. Стёпин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания : сб. ст. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 58–77.
126. Стёпин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: сб. ст. / Рос. АН, Ин-т философии; отв. ред. Е.А. Мамчур. – М. : ИФРАН, 1992. – С. 14–25.
127. Стёпин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
128. Стёпин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16–26.

129. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. – М.: ИФ РАН, 2001. – 177 с.
130. Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философского исследования : сб. ст. / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. – М. : ИФРАН, 1995. – С. 143–170.
131. Трубников Н.Н. Наука и нравственность (О духовном кризисе европейской культуры) // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания : сб. / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М. : Политиздат, 1990. – С. 278–295.
132. Турчин А.В. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? / А.В. Турчин, М.А. Батин. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 263 с.
133. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 23 ноября.
134. Федеральный закон РФ от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Российская газета. – 2016. – 28 июня.
135. Фоков А.П. Биомедицина: настоящее и будущее науки как отрасли права в России и за рубежом // Медицинское право. – 2018. – № 2 (78). – С. 48–51.
136. Фома Аквинский. Сумма теологии I–II. Вопрос 18. О благе и зле применительно к человеческим действиям вообще // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 163–178.
137. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / И.Т. Фролов. – М. : Политиздат, 1989. – 559 с.

138. Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – М. : Политиздат, 1983. – 350 с.
139. Фролов И.Т. Этика науки: Проблемы и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.
140. Фуко М. О природе человека. Справедливость против власти // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса ; под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М. : Праксис, 2002. – Ч.1. – С. 81–147.
141. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко ; пер. с фр. А.Ш. Тхостова. – М. : Академический проект, 2010. – 252 с.
142. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой ; вступ. статья Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.
143. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М.Б. Левина. – М. : АСТ, 2004. – 349 с.
144. Хабермас Юрген. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? – М.: Весь мир, 2002. – 144 с.
145. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе : сб. ст. ; сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1986. – 451 с.
146. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. и посл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – 552 с.

147. Хайдеггер М. Поворот // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
148. Хальфин Р.А. Новые вызовы стандартизации: современное состояние, перспективы и факторы развития биомедицинских инновационных технологий в США / Р.А. Хальфин, И.Я. Таджиев // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2013. – № 11. – С. 3–9.
149. Хансон К.П. Использование клеточных технологий в онкологии / К.П. Хансон, В.М. Моисеенко, И.А. Балдуева // Вестник Российской Академии Медицинских Наук. – 2004. – № 9. – С. 58– 61.
150. Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр / С. Хокинг ; пер. с англ. Н. Смородинской. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 231 с.
151. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные / С. Хокинг ; пер. с англ. М. Кононова. – СПб.: Амфора, 2001. – 189 с.
152. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / С.С. Хоружий; отв. ред. С.С. Хоружий. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 928 с.
153. Храмова, К. В. Социология здоровья как актуальное направление теоретической и практической подготовки будущего врача / К. В. Храмова, З. Р. Садыкова // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – 2019. – № 2. – С. 149-153.
154. Храмова К. В. Трансформация мировоззренческих оснований современной медицины и роль новых образовательных программ в формировании облика медицины будущего / К. В. Храмова // Мировоззренческие основания культуры современной России: Сборник научных трудов XIII Международной научной конференции, Магнитогорск, 19–20 мая 2022 года / Под общей редакцией В.А. Жилиной. – Магнитогорск:

- Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. – С. 136-141.
155. Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. – 2016. – № 9. – С. 37–40.
156. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. – Москва : Эксмо, 2019. – 288 с.
157. Шевченко Ю.Л. Философия медицины / Ю.Л. Шевченко и др. – М.: ГЭОТАР-Ф56 МЕД, 2004. – 480 с.
158. Шрейбер В.К. Научная картина социального мира и социальные теории / В.К. Шрейбер // Теория и жизненный мир человека: коллектив. моногр. / отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН. 1995. – 206 с.
159. Эде Й. Ван Ден. Где же человек? О дебатах по поводу его улучшения (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики : сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. – М., 2016. – С. 220–223.
160. Эко при гинекологических и эндокринных заболеваниях / Т.А. Назаренко [и др.] ; под ред. Т.А. Назаренко. – М.: ГОЭТАР-Медиа, 2016. – 176 с.
161. Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе : сб. ст. ; сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1986. – 451 с.
162. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.
163. Эпштейн М. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М. : НЛО, 2017. – 949 с.
164. Эст Р., ван. Интимные технологии: битва за наши тела и поведение (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики : сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / Отв. ред. Юдин Б.Г. – М., 2016. – С. 210–219.

165. Юдин Б.Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // *Философия науки*. – М.: ИФ РАН, 2005. – Т. 11, № 1. – С. 225–242.
166. Юдин Б.Г. На пути к трансчеловеку // *Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко*. – М. : Навигатор, 2014. – С. 341–351.
167. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // *Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко*. – М. : Навигатор, 2014. – С. 174–185.
168. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // *Вопросы философии*. – 2004. – № 2. – С. 16–28.
169. Юдин Б.Г. Трансгуманизм – наше будущее? // *Человек*. – 2013. – № 4. – С. 5–17.
170. Юдин Б.Г. Что там, после человека? // *Философские науки*. – 2013. – № 8. – С. 24–37.
171. Юдин Б.Г. Этика науки // *Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко*. – М. : Навигатор, 2014. – С. 30–65.
172. Юдин Б.Г. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) / Б.Г. Юдин [и др.] // *Человек*. – 2015. – № 2. – С. 6–41.
173. Юдин Б.Г. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) / Б.Г. Юдин [и др.] // *Человек*. – 2015. – № 3. – С. 2–25.
174. Ярыгин В.Н. Тканевые клеточные системы – основа биомедицинских клеточных технологий нового поколения: контуры идеологии // *Вестник Российской Академии Медицинских наук*. – 2004. – № 9. – С. 12–19.
175. Beyond T. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. [Electronic resource] / T. Beyond // *The President`s Council on Bioethics*. – 2003. – 352 p. – URL:

- <https://biotech.law.lsu.edu/research/pbc/reports/beyondtherapy> (access date: 13.11.2022).
176. Brown M. No ethical bypass of moral status in stem cell research [Electronic resource] // *Bioethics*. – 2013. – Vol. 27, N 1. – P.12-19. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8519.2011.01891.x> (access date: 13.11.2022).
177. De Meyer A. Technology transfer into China: Preparing for a new era [Electronic resource] / A. De Meyer // *European Management Journal*. – 2001. – Vol. 19. – № 2. – P. 140–144. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=4833&context=lkcsb_research (access date: 13.11.2022).
178. Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior [Electronic resource] / With assistance of Rerimassie V., Keulen I., van, Dorren G. – The Hague: Rathenau Instituut, 2014. – 86 p. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://pure.tue.nl/ws/files/3957297/608649605251186.pdf> (access date: 13.11.2022).
179. Heilinger J.-C. Anthropologie und Ethik des Enhancements. [Electronic resource] / J.- C. Heilinger // *De Gruyter*. – 2010. – 332 p. – URL: https://www.academia.edu/23317051/Anthropologie_und_Ethik_des_Enhanceme_Enh (access date: 13.11.2022).
180. Huxley Julian. Transhumanism. [Electronic resource] / Julian Huxley // *In New Bottles for New Wine*. – 1957. – P. 13–17. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ia600306.us.archive.org/19/items/NewBottlesForNewWine/New-Bottles-For-New-Wine.pdf> (access date: 13.11.2022).

181. Kohen J. Bioethicists assail a celebrated TB/HIV treatment trial [Electronic resource] // Science. – 2010. – May, Vol. 328, N 14. – P. 799-801. – URL: <https://www.science.org/doi/full/10.1126/science.328.5980.799> (access date: 13.11.2022).
182. Maio G. Is aesthetic surgery still really medicine? An ethical critique. [Electronic resource] Hand-chir. Mikrochir. Plast. Chir. – 2007. –Vol.39. – P. 189–194. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17602381/> (access date: 13.11.2022).
183. Marx Karl. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung / K. Marx, F. Engels. – Berlin: Dietz Verlag, 1982. – Band 2. – 516 s.
184. Master Z., Resnik D. Stem-cell tourism and scientific responsibility. Stem-cell researchers are in a unique position to curb the problem of stem-cell tourism [Electronic resource] // EMBO reports. – 2011. – August, Vol. 12, N 10. – P. 992-995. – URL: <https://www.embopress.org/doi/full/10.1038/embor.2011.156> (access date: 13.11.2022).
185. McGowan M. L. Personal genomics and individual identities: motivations and moral imperatives of early users [Electronic resource] / M. L. McGowan, J.R. Fishman, M.A. Lambrix // New Genet Soc. – 2010. – Vol. 29 (3), Is. 1. – P. 261–290. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2976061/> (access date: 13.11.2022).
186. Menachery V. A SARS-like cluster of circulating bat coronaviruses shows potential for human emergence [Electronic resource] / V. Menachery [et al.] // Nature Medicine. – 2015.–Vol.21. – P.1508–1513. – URL: <https://www.nature.com/articles/nm.3985> (access date: 13.11.2022).
187. Murphy T. The ethics of impossible and possible changes to human nature [Electronic resource] // Bioethics. – 2012 – Vol. 26, N 4. – P. 191-197. – URL:

<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8519.2010.01851.x> (access date: 13.11.2022).

188. New directions. The ethics of synthetic biology and emerging technologies: Presidential commission for the study of bioethical issues [Electronic resource] – Washington: DC., December.– 2010.– 180 p. – URL: chrome-extension://efaidnbnmnibpcajpcglclefindmkaj/https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcsbi/sites/default/files/PCSBI-Synthetic-Biology-Report-12.16.10_0.pdf (access date: 13.11.2022).
189. Nowotny H. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age / H. Nowotny, G. Testa. – Cambridge, MA : MIT Press. – 2010.– 144 p.
190. Rose N. The politics of life itself: Biomedicine, power and subjectivity in the twenty-first century [Electronic resource] / N. Rose. – Princeton : Princetonuniv.press. – 2006. – 368 p. – URL: https://www.academia.edu/5353981/Nikolas_Rose_The_Politics_of_Life_Itself_Biomedicine_Power_and_Subjectivity_in_the_Twenty_First_Century (access date: 13.11.2022).
191. Rose N. The politics of life itself [Electronic resource] // Theory culture & society. – 2001. – Vol. 18. – № 6. – P. 1–30. – URL: <https://philpapers.org/rec/ROSTPO-38> (access date: 13.11.2022).
192. Van Den Ede Y. Where is the human? Beyond the enhancement debate [Electronic resource] // Science, technology & human values. – 2015. – Vol. 40, N 1. – P. 149-162. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0162243914551284> (access date: 13.11.2022).
193. Vicsek L. Media presentation and public understanding of stem cells and stem cell research in Hungary [Electronic resource] / L. Vicsek, J. Gergely // New Genetics and Society – NEW GENET SOC. – 2011. – Vol. 30. – P. 1–26. – URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14636778.2011.552297> (access date: 13.11.2022).